

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ И ОТДЕЛЕНИЙ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

*Материалы XV Межрегиональной научной конференции
молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук*

Новосибирск
2017

УДК 303.01
ББК 87
А437

Сборник издан по решению Ученого совета Института философии и права
НГУ и Ученого совета Института философии и права СО РАН

Рецензент
доктор филос. наук, профессор *В. С. Диев*

Отв. редакторы
д-р филос. наук *А. Б. Дидикин*,
канд. филос. наук *В. В. Петров*
канд. филос. наук *А. А. Санжениаков, О. А. Персидская*

А437 Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований : Материалы XV Межрегиональной научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2017. – 274 с.

ISBN 978-5-4437-0702-0

В сборнике публикуются доклады участников XV Межрегиональной научной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований». Книга рассчитана на специалистов в области философии, социальных исследований и права, а также всех интересующихся проблемами и перспективами социальных и гуманитарных исследований. Статьи публикуются в авторской редакции.

УДК 303.01
ББК 87

ISBN 978-5-4437-0702-0

© Новосибирский государственный
университет, 2017
© Институт философии и права
СО РАН, 2017

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИНТЕГРАЦИИ ВУЗОВ И АКАДЕМИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В УСЛОВИЯХ РАДИКАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОЙ СФЕРЫ

А.М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
ablazhey63@gmail.com

В России, как и во всем мире, в современных условиях приобрел чрезвычайную актуальность вопрос о том, какая институциональная форма является оптимальной для организации и проведения научных исследований, прикладных разработок, наукоемкого производства – вузы или специализированные научные центры. Часть отечественных экспертов выступает в пользу приоритетного развития науки в вузах, ссылаясь на опыт большинства развитых стран, где она сосредоточена прежде всего в университетах. Сторонники другой позиции, напротив, апеллируют к опыту организации науки во Франции и Германии, где имеются разветвленные сети научно-исследовательских институтов, аналогичных по принципам организации и функционирования Российской академии наук.

В СССР начиная с 1950-х гг. и вплоть до начала 1990-х гг. привлечение к научно-педагогической деятельности сотрудников Академии наук рассматривалось как одна из форм объединения науки и высшего образования. Однако задача создания отечественного аналога "Университета Гумбольдта", становившаяся все более насущной, не была решена в масштабах страны в целом. Удачные решения хоть и были найдены (яркими примерами вуза нового типа были, например, МФТИ и созданный по его образцу НГУ), но они не носили системного характера и не смогли изменить ситуацию в целом. В рамках тогдашней системы образования «периферийный вуз с активной научной жизнью представлял собой аномалию, отторгаемую советским бюрократическим мировоззрением. Эту аномалию можно было ликвидировать двумя способами — или ослаблением вуза (например, за счет перемещения лучших ученых на высокооплачиваемые ставки в Академии наук), или повышением его статуса» [1].

В постсоветский период одним из основных направлений трансформации сферы интеллектуального производства стало налаживание и углубление кооперации вузов и академической науки. С 1997 г. реализовывалась президентская целевая программа «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997 – 2000 гг.» («Интеграция»), ее продолжением стал проект

«Фундаментальные исследования и высшее образование» (BRHE) [2, с. 46]. В конечном итоге, речь шла о попытке ускоренного перевода научных исследований в вузы и позиционирование последних в качестве реальной альтернативы институтам Академии наук. Однако ожидаемого эффекта, за немногими исключениями, эти попытки не принесли.

Новое качество вопрос о методах и формах эффективной интеграции вузов и академической науки приобрел в свете радикального реформирования как высшего образования, так и академической науки, вошедшего в активную фазу во второй половине 2000-х гг. С 2006 г. начинается формирование сети федеральных университетов, затем последовал конкурс инновационных программ развития вузов. В 2010 г. стартовала программа создания национальных исследовательских университетов; в 2013 г. запущен масштабный проект вхождения не менее пяти ведущих университетов России в число лучших вузов мира («Программа «5-100»). С осени 2013 г. с созданием Федерального агентства научных организаций (ФАНО) коренным образом изменилась и система управления академической наукой, что, в свою очередь, спровоцировало, по сути, попытки ускоренного наращивания научного потенциала ведущих вузов (речь идет в первую очередь о федеральных и национальных исследовательских университетах) путем *принудительной интеграции* с академическими институтами.

В условиях реформы РАН у целого ряда крупных университетов возникает соблазн резко повысить свои научные показатели (цитируемость, академическая репутация, количество рейтинговых показателей и пр.) за счет силового, по сути, поглощения академических организаций. Примеры подобного рода не единичны: стоит назвать хотя бы попытки присоединения к МИСиСу двенадцати академических институтов или создания научно-образовательного консорциума на базе Дальневосточного федерального университета. В Томске ректор одного из крупнейших вузов города также предлагал «форсировать интеграцию», включив в состав университета ряд институтов Томского научного центра.

В условиях, когда общемировой тренд заключается в создании и развитии исследовательских университетов, главный вопрос для России – как наиболее органично и эффективно сделать академические институты их частью. Путь, предложенный сегодня на федеральном уровне, вряд ли можно считать оптимальным. Попытки *силового навязывания* новой модели интеграции неизбежно связаны с существенными издержками для сложившихся демократических традиций, научной продуктивности и, что очень важно, психологического состояния научных сотрудников академических институтов. Необходимо искать другие пути, предлагая новые, в ряде случаев – промежуточные, формы взаимодействия, не привлекая ресурс власти для насильственного разрешения возникших

проблем, поскольку лимит подобного рода действий с лихвой был исчерпан реформой науки 2013 г. Задача состоит в том, чтобы выстроить новую систему взаимоотношений, максимально выгодную для обеих сторон, не допустив потери накопленного опыта, научного задела, кадров, материально-технической базы академических учреждений, максимально усиливая в то же время научный потенциал отечественного высшего образования.

Литература

1. Соколов, М., Волохонский, В. Политическая экономия российского вуза // Отечественные записки. 2013, № 4 (55). [Электронный ресурс] // URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/4/politicheskaya-ekonomiya-rossiyskogo-vuza>) (дата обращения 14.11.2014).
2. Дежина, И. Опыт интеграции образования и науки на примере программы «Фундаментальные исследования и высшее образование» // Университетское управление: практика и анализ. – 2007 – №1. – С. 45-50.

РЕФОРМА НАУКИ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

А.А. Гордиенко

Институт философии и права СО РАН
gordienko.22@mail.ru

*Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 15-03-00437
«Реформируемая наука. Институциональные и социальные последствия
реформы академической науки в России»*

Инновационное развитие по принципу brownfield: феноменология прорыва

В части регионов России в советское время сформировались территориально организованные комплексные научные центры, со спонтанно возникшими «очагами» постиндустриального развития. В этих «очагах» (характерных, прежде всего, для Новосибирского научного центра (ННЦ) Сибирского отделения РАН) был накоплен уникальный опыт самоорганизации научного и местного сообщества, опирающейся на масштабное распространение массовой творческой деятельности. Именно это обеспечивало качественные трансформации советской «большой науки» в 60-е годы прошлого столетия, преодоление накопившихся проблем, как в самой науке, так и во взаимодействии науки с образованием, производством и обществом. В начальный период рыночных трансформаций ННЦ переживал своеобразный «вызов-катастрофу». Казалось, что в Академгородке остаются лишь неухоженные институты и ветшающие

объекты инфраструктуры. Но жизнь показала, что «это далеко не так – осталось нечто большее, трудно осязаемое и плохо переводимое на язык экономики и формальных институтов» (Крюков, 2015, с. 2). Это «нечто большее» – вновь «заработавшие» механизмы спонтанной самоорганизации, которые «запускают» процесс регенерации ННЦ, трансформируя его в научно-образовательно-инновационную систему (Гордиенко, 2015, с. 256-314).

Такая регенерация, порождая рекурсивную (процессуальную, нелинейную) среду, обуславливала ангажированность региональной и муниципальной власти на инновационное развитие, провоцируя и востребуя, а тем самым и формируя движение «сверху», ориентированное на инновационные преобразования в регионе. Эти два инициативных движения и «сверху» и «снизу», объединяясь на условиях комплементарности, обернулись на практике масштабными преобразованиями по принципу brownfield, которые захватили, не только субъектов потенциальных носителей инновационных технологий, но и охватили социальными практиками, ориентированными на инновационное развитие, широкие слои городского сообщества. Так была запущена первая волна инновационного развития Новосибирской области (НСО), в своей сущности, ориентированная на создание внеэкономических, социокультурных условия для последующего развития институциональных систем инновационного развития (Гордиенко, 2017, с. 137-147).

Под стать масштабному движению «снизу» разворачивалось движение «сверху». С началом реформ в городе при участии общественности был создан Стратегический план Новосибирска, ориентированный на инновационное развитие. В Академгородке разработали базовую программу развития: «Территория научно-технического развития – технополис «Новосибирск», в которой в качестве ядра технополиса позиционировался ННЦ. Она была утверждена Советом депутатов города, и вошла в Стратегический план Новосибирска. Для решения острых проблем Академгородка в 2008 году был принят «План мероприятий по развитию социальной транспортной и инженерной инфраструктуры ННЦ до 2013 года». Основным фокусом этих программ и плана являлось сохранение и наращивание креативного потенциала ННЦ на основе самостоятельного развития творческого этоса научного сообщества, поиска и развертывания инновационных механизмов продвижения научных идей в практику, наращивания креативного потенциала, посредством развития социокультурной инфраструктуры территории.

Надо сказать, что с самого начала не оставались в стороне от проблем развития ННЦ и федеральные власти. В частности, во время одного из визитов в Новосибирск (феврале 2012 года), В.В. Путин дал поручение проработать идею о создании на базе Академгородка Центра образования,

исследований и разработок (ЦОИР) который бы объединял деятельность Новосибирского государственного университета (НГУ), ННЦ, Академпарка в консорциум с особым федеральным статусом. В регионе не стали выполнять поручение В.В. Путина и сделали упор на разработку масштабной программы реиндустриализации Новосибирской области. Как отметил заместитель министра экономического развития области В.Б. Шовтак: «В отличие от ЦОИР, который нам навязали сверху, программа реиндустриализации – это назревшая и осознанная потребность на уровне руководства области» [Соболевский, 2015. С. 6].

Однако практика показала, что институты СО РАН, и тем более ННЦ как «очаг» будущего, выпадают как из программы реиндустриализации региона [Кулешов, Селиверстов, 2016. С. 13], так и из мегакластера «Сибирский наукополис» [Соболевский, 2016. С. 8]. Это связано не только с процессами, происходящими в регионе, но, прежде всего, с ситуацией сложившейся на федеральном уровне.

Этатистская модернизация, наука и регионы

К тому времени стало очевидным, что принципиальное значение для запуска инновационного развития имеет самобытность и специфика региона, которая выявляется и разворачивается только на основе определенной самостоятельности и самоорганизации в рамках регионального сообщества. Однако, «на сегодняшний день в России элиминирована *гражданская* идеология модернизации, зато восторжествовал этатистский ее дискурс» [Булгаков, 2015. С. 22]. В этом дискурсе игнорируются возникшие в комплексных научно-образовательных центрах, развивающихся по принципу brownfield, очаги модернизации на постиндустриальной основе. Тем самым не учитываются, в частности, имманентные специфике НСО особенности инновационного развития, связанные с институционализацией сектора будущего (очага постиндустриального развития). Причем движение к инновационному развитию блокируется не путем его, так сказать, запрещения, а за счет структурных ограничений, возникающих в результате отсутствия необходимых для инновационного развития России и регионов отношений в системе «федерация - регион». Возможность, же преодолеть эти структурные ограничения, в частности, для Новосибирской области в режиме «ручного управления», заключавшаяся в упомянутом выше поручении руководителя государства, была упущена властью региона.

Участие государства в очаговой модернизации на постиндустриальной основе, – это, прежде всего, участие регионов. В соответствии с Конституцией, наука в России находится в совместном ведении Российской Федерации и Субъектов Федерации. Но этот статус регионов не учитывался, как при принятии решений на всех этапах реформирования РАН, так и в последние годы, когда российская наука была подвергнута беспрецедентному административно-бюрократическому

воздействию в режиме беспрекословной манипуляции и жесткого контроля. В реальности реформа науки 2013 года предстала перед Субъектами Федерации как некая секретная политическая операция, от которой лучше дистанцироваться, как и от тех субъектов, на которые она направлена.

В сложном положении оказались и основные субъекты-партнеры региональной власти по инновационному развитию. В частности в ННЦ СО РАН после 2013 года ситуация усугубилась, поскольку, в изначально едином научном сообществе (имеющем уникальные междисциплинарные связи) происходят процессы реконструкции, навязываемые «сверху». Эти процессы разворачиваются не на основе свободной самоорганизации «снизу», в контексте содержательных трендов, связанных с трансдисциплинарной и трансинституциональной интеграцией и коллаборацией научных учреждений, в том числе с властью и бизнесом, а на основе конъюнктурных внешних для науки оснований. Оказавшись все более захваченным «реформами» НГУ, который от природы системно связан с институтами СО РАН, встал перед вызовом: либо под напором реформаторов механически объединить в себе институты СО РАН, либо опираться на исторически сложившиеся системные взаимодействия с ними, следовать «мягкому» варианту интеграции.

Реиндустриализация в НСО и постиндустриальный переход

Очевидно, что все эти сложности легко преодолеваются в процессе развернутого диалога представителей науки и власти, однако на федеральном уровне демонстрируют не только пренебрежение наукой, но и не учитывают специфические особенности регионов. В каждом регионе последствия такого отношения проявляются по-разному. Для Новосибирского региона в связи с его продвинутостью на путях инновационного развития они (последствия) имеют многообразный характер и на практике выражаются в целом ряде процессов, связанных, в том числе, и с задержкой развития потенциала постиндустриального перехода.

1. В процессе развертывания программы реиндустриализации произошла фактическая остановка реализации ранее принятых базовых программ развития ННЦ, ориентированных на сохранение и наращивание креативного потенциала ННЦ как ядра сектора будущего, о которых говорилось выше. Остановка этих программ означает, что прекращается поддержка «очага» самодеятельного массового творчества, который сыграл ключевую роль в преобразованиях первой волны инновационного развития региона. Фактически происходит вывод самодеятельного массового творчества за пределы инновационной волны, что не может не сказаться на ее содержании. Так в проекте «Сибирский наукополис», который, по мнению разработчиков программы реиндустриализации НСО, нуждается в принципиальной концептуализации, ННЦ/Академгородок присутствуют как партнеры бизнес структур, а не как «очаг» массового самодеятельного

творчества – источник будущего развития. Можно предполагать, что предстоящая концептуализация этого проекта будет иметь ретроградный характер. Важно и то, что при остановки программ и планов распались площадки для обсуждения региональной и муниципальной поддержки в режиме «здесь и сейчас» процессов обновления и развитие социокультурной инфраструктуры Академгородка.

2. Вывод самодетельного массового творчества за пределы инновационной волны приводит к тому, что истощается та энергия, которая питала, стимулировала, провоцировала переход от административного к интерактивному взаимодействию власти, бизнеса и науки. Такой переход обретает действительный и необратимый характер только тогда, когда интерактивное взаимодействие разворачивается как адекватные инновационному обществу легитимизация и институционализация власти, опирающиеся на использование в качестве драйвера общественных преобразований той энергии, которая возникает в самодетельном движении инноваторов. Сам по себе такой переход в обществе, где доминируют централизованные процессы, да еще перед лицом затянувшегося спада экономики может быть охарактеризован как очень неустойчивый процесс. В таких условиях власти начинают переоценивать административные механизмы и недооценивать механизмы самоорганизации. Это проявляется в целой массе, происходящих в регионе в последнее время событий, которые не исчерпываются односторонним отказом от указанных выше проектов и планов, ориентированных на развитие ННЦ. Речь идет также и о таких событиях как отсутствие согласия при назначении руководителей Советского района, при смене руководителя Академпарка. Именно с разрушением комплементарности инновационной активности «сверху» и «снизу» связывают эксперты «провал» исполнения поручения Премьер-министра/Президента России о создании в Академгородке федерального Центра образования, исследований и разработок.

3. Но самое главное административный крен блокирует развитие способности властных структур к рефлексии, а также совершенствование навыков работы с социальными системами, где сложно организованные личность и общество становятся ведущими факторами развития, что отрицательно влияет на перспективы развития второй инновационной волны региона. И это не просто умозрительное заключение, но практически вставшая проблем, которая выражается, в том, что происходят задержки в развитии принципиально важных институтов второй инновационной волны области. Речь идет, прежде всего, о таком позиционировании мегапроекта «Сибирский наукополис», в котором не артикулируется, не только его кластерная природа, но его естественная ориентация на постиндустриальный переход. Более того происходит дезактуализация институтов первой инновационной волны и, в частности форума «Интерра», в рамках которого,

по мнению экспертов необходимо наращивать содержание сомасштабное задачам второй волны инновационного развития. Намечился демонтаж некоторых институтов, обеспечивающих трансформацию инновационных волн в собственно инновационное развитие. В частности, практически прекращена деятельность Городского центра проектного творчества молодежи, который занимался ранней подготовкой инновационных кадров, обеспечивая при этом и включение чиновников в инновационную волну. По мнению экспертов, происходит задержка в наращивание элементов гражданского общества, как в Академгородке, так и в Новосибирске.

Все это позволяет заключить, что, если в первой инновационной волне развития региона, драйвером которой было комплементарное движение «сверху» и «снизу» (сектор будущего с его массовым творчеством, захватывающий и увлекающий к взаимодействию всех потенциальных инновационных субъектов), то вторая волна, судя по всему, утрачивает этот драйвер. В этой связи масштабная и важная для технологического и экономического развития Новосибирского региона платформа реиндустриализации не может стать адекватной тем потенциальным возможностям, которыми располагает НСО. Без запуска проекта «Сибирский наукополис» на основе мобилизации «очага» будущего платформа реиндустриализации станет отступлением назад, от того уровня который потенциально складывался в период первой волны инновационного развития региона.

Литература

1. Булгаков В. П. Модернизация и Россия. Между прогрессом и застоем? // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 15–26.
2. Гордиенко А.А. Новосибирский Академгородок – реликт «утраченного мира» или «Силиконовая тайга». Книга вторая: Новосибирский Академгородок как очаг постиндустриального развития России. Новосибирск, 2015. – 356 с.
3. Гордиенко А. А. Новосибирский научный центр и инновационное развитие Новосибирска и области // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 2. С. 137–147.
4. Кулешов В., Селиверстов В. Наука, власть, бизнес – треугольник реиндустриализации // В мире науки: Спецвыпуск. 2016. Июнь. С. 9–15. / www/sci-ru.org
5. Крюков В.А. Татарстан – взгляд с ... околицы села // ЭКО. 2015. № 1. С. 2-4.
6. Соболевский А. Экономика с приставкой «ре-» // Наука в Сибири. 2015. № 8 (23 апреля). С. 6.
7. Соболевский А. От Академгородка – к наукополису. 60 лет спустя // Наука в Сибири. 2016. № 46. (24 ноября). С. 8.

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ В ОБЩЕСТВЕ СЕТЕВЫХ СТРУКТУР: ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОРМАТ РАЗВИТИЯ

В.В. Петров

Новосибирский государственный университет,
Институт философии и права СО РАН

В результате технологических преобразований, произошедших за последние десятилетия, мир оказался в преддверии нового этапа развития знаний, основанного на сетевом принципе создания, передачи и обработки знания. Поскольку сети представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации в рамках данной сети, то есть используют аналогичные коммуникационные коды (например, ценности или производственные задачи), то социальная структура, имеющая сетевую основу, характеризуется высокой динамичностью и открыта для инноваций, не рискуя при этом потерять свою сбалансированность. Сети оказываются институтами, способствующими развитию целого ряда областей: капиталистической экономики, основывающейся на инновациях, глобализации и децентрализованной концентрации; сферы труда с ее работниками и фирмами, основывающейся на гибкости и адаптируемости, сферы культуры, характеризуемой постоянным расчленением и воссоединением различных элементов; сферы политики, ориентированной на мгновенное усвоение новых ценностей и общественных умонастроений; социальной организации, стремящейся «завоевать пространство и уничтожить время» [2, С. 205]. Сближение социальной эволюции с информационными технологиями позволило создать новую материальную основу для осуществления таких видов деятельности, которые пронизывают всю общественную структуру. Эта материальная основа, на которой строятся все сети, выступает в качестве неотъемлемого атрибута доминирующих социальных процессов, определяя тем самым и саму социальную структуру. В когнитивном и организационном плане информационные сети создают условия для распределенного познания, которое находит свое применение в образовании (дистанционное обучение), в организации бизнеса, в научной работе (сотрудничество специалистов самого разного профиля и географической принадлежности). Главным является то, что распределенное познание стимулирует развитие модели социальных отношений, основанной на коллективном сотрудничестве, что позволяет более эффективно решать глобальные и национальные проблемы.

Иными словами, сетевую организацию знания можно рассматривать как основу нового социального партнерства. При этом меняется роль

пользователя. Он не может вести себя пассивно в отношении информации, поскольку она постоянно классифицируется и распределяется в иерархическом порядке. В информационном обществе коммуникативные технологии предшествовали рождению нового знания, а в новом формирующемся обществе знания происходит взаимодействие коммуникационных технологий с процессом разработки и создания знаний, которым в классическом «западном» понимании занимаются университеты. Наиболее известными мировыми примерами таких университетов могут служить не только классические Оксфорд (1117), Кембридж (1209), Принстон (1746), но и молодые Гонконгский университет науки и технологий (1991), экспериментальный Олин-колледж (Массачусетс, 1997) и ряд других, которые, занимая верхние строчки мировых рейтингов [1], представляют собой научно-образовательные центры, не просто копирующие в общих чертах старую модель средневековых университетов Европы, но и развивающиеся в соответствии с основными организационными принципами классических европейских республик. Как мы отмечали в наших предыдущих работах, для развития «университетской республики» необходимо соблюдение следующих условий: во-первых, производство фундаментального знания; во-вторых, наличие академических свобод; в-третьих, финансовая независимость, и, в-четвертых, автономное управление [4, 5]. Каким образом можно сохранить эти основные организационные принципы в условиях возрастающего внешнего давления и не последовать судьбе классических республик Европы (Венеция, Флоренция и др.), которые в конечном итоге не выдержали конкуренции с военными силами национальных государств и прекратили существование? Если под «сетью» мы понимаем комплекс взаимосвязанных узлов, то как отмечает М. Кастельс, согласно закону сетевых структур, расстояние (или интенсивность и частота взаимодействий) между двумя точками (или социальными положениями) короче, когда обе они выступают в качестве узлов в той или иной сетевой структуре, нежели когда они не принадлежат к одной и той же сети. С другой стороны, в рамках той или иной сетевой структуры потоки либо имеют одинаковое расстояние до узлов, либо это расстояние вовсе равно нулю. Таким образом, расстояние (физическое, социальное, экономическое, политическое, культурное) до данной точки находится в промежутке значений от нуля (если речь идет о любом узле в одной и той же сети) до бесконечности (если речь идет о любой точке, находящейся вне этой сети) [3, С. 498]. Включение в сетевые структуры или исключение из них, наряду с конфигурацией отношений между сетями, воплощаемых при помощи информационных технологий, определяет конфигурацию доминирующих процессов и функций в наших обществах. Таким образом, в условиях сетевой организации производства фундаментального знания у классических университетов появляется возможность перейти в новый,

«транснациональный» формат, который позволит не встраиваться жестко в государственную систему, а развиваться вне пределов национальных государств. Представляется, что в таком виде «университетские республики» получают серьезный шанс выиграть в соревновании с институтами национального государства на наднациональном уровне. В качестве примера можно привести концепцию «глобального сетевого университета» (GNU), разработанную 15-м президентом Нью-Йоркского университета Джоном Секстоном. Она не идеальна, но в рамках данной концепции глобальный сетевой университет представляет собой не систему «центр – филиалы», а многополярный университетский комплекс, где и профессора, и студенты могут свободно перемещаться от одного центра к другому. Из базы в Нью-Йорке потоки (профессорско-преподавательский состав и научные ресурсы) могут свободно перемещаться в развивающиеся узлы сети, равно как и студенты, например, из Абу-Даби имеют возможность изучать политическую философию Макиавелли или историю искусства на вилле Ла-Пьетра во Флоренции, которая тоже принадлежит GNU. Примечательной особенностью данной концепции является тот факт, что вектор перемещения студентов и ресурсов может меняться – база в Шанхае, например, может стать главным источником ресурсов и позволит сохранить производимое университетом знание, если американская система начнет утрачивать лидерство и баланс на мировых весах окончательно сместится в сторону Китая. В этом случае глобальный сетевой университет может стать первой многонациональной академической корпорацией у которой будет практически невозможно отнять автономию и лишить ее профессоров возможности заниматься настоящей фундаментальной наукой.

Литература

1. The Academic Ranking of World Universities 2015 (Shanghai ranking) [электронный ресурс] // URL: http://www.educationindex.ru/article_ranking-shanghai-2015.aspx, (дата обращения 01/09/2016).
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура – М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
3. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999. С. 494–505.
4. Петров В.В. Организационная культура производства фундаментального знания в условиях системных трансформаций: российская специфика // Гуманитарный вектор. Серия: философия, культурология. Т. 11, вып. 2, 2016. С. 65–71.
5. Петров В.В. Университет в условиях глобализации: организация, структура, управление // Философия образования. № 4 (67), 2016. С. 20–28.

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРОБЛЕМА ТЕОДИЦЕИ В ШУМЕРСКОЙ И ВАВИЛОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А.С. Ашер

Институт философии и права НГУ, г. Новосибирск
AA07101994@gmail.com

Религиозно-этическая литература древней Месопотамии, как правило, изучается в рамках таких дисциплин, как филология, история, археология. Тем не менее, эти тексты представляют значительный интерес и для философского дискурса. В частности, одной из вершин шумерской и вавилонской мысли является так называемая «теодицея»: несмотря на то, что данное слово чаще всего употребляется в рамках христианского богословия, оно условно закрепилось и за группой более древних текстов, о которых будет идти речь в данной статье.

Возможно, самым древним текстом, посвященным вопросу теодицеи, является малоизвестная шумерская молитва «Человек и его бог». Некоторый благочестивый человек жалуется богу на охватившую его болезнь. При этом сам же человек, раскаиваясь, говорит: «Ни один ребенок не выходит из женского лона безгрешным, с давних времен не было на свете непорочного младенца» [1, с. 245]. Данный текст находится в некотором противоречии с тем однозначно положительным отношением к зачатию и рождению новой жизни, которое характерно для традиционных шумерских гимнов. Здесь человек оказывается «носителем зла» уже из-за своей причастности к жизни как таковой.

Из старовавилонского периода до нас дошли немногочисленные фрагменты поэмы «Муж со стенаньем своему богу плачется...» [3, с. 249], которую также называют старовавилонской версией поэмы о невинном страдальце. Последний жалуется богу на постигшие его неудачи и при этом клянется, что не делал прегрешений, не совершал «мерзости». Во второй части поэмы бог нисходит к страдальцу и милует его. Однако, более полно этот сюжет раскрывается в средневавилонской версии, которая начинается со строк «Владыку мудрости хочу восславить...» [2, с. 21]. Героем поэмы снова выступает страдалец, который настаивает на том, что он был благочестив: он постоянно возводил молитвы и жертвы, он славил царя, он «внушал черни почтение к творцу» [3, с. 251]. Однако, вместо заслуженной награды, этот благочестивый человек получает лишь болезни и неудачи. В этой версии бог также нисходит к страдальцу: он признаёт, что сердце страдальца не творило зла, и завещает ему и в будущем не забывать о боге. Оба вавилонских варианта отличаются от шумерского: теперь человек не является источником

зла, но это сами боги насылают на людей зло, чтобы испытать их веру. Многие исследователи считают, что именно это произведение могло повлиять на возникновение ветхозаветной книги Иова.

Следующим по хронологии является текст, получивший название «Вавилонская теодицея». Этот текст представляет собой диалог между страдальцем и его другом [2, с. 63]. Страдалец жалуется другу на жизнь и говорит, что всегда был благочестив, но преуспели в жизни, напротив, те, кто не обращал на богов никакого внимания:

*Дорогой успеха идут те, кто не ищут бога,
Ослабли и захирели молившиеся богине.*

Друг же отвечает ему:

*Точно середина небес, мысли богов [далеко];
Слово [из] уст богини не разумеют люди.
Верно понять [решенья богов заказано человекам],
Замыслы их для людей [недоступны] [3, с. 277].*

Друг попрекает страдальца тем, что тот позавидовал успеху нечестивцев и убеждает его снова обратиться к богам. Идея этого диалога в сущности схожа с идеей «Повести о невинном страдальце». Однако, здесь подчеркивается не столько существование зла как испытания, но непознаваемость божественного волеизъявления. Истинная природа зла недоступна для человека: ему остаётся лишь покориться воле бога и надеяться на избавление от страданий.

Если предыдущие ответы были скорее оптимистичны, то следующий текст, «Диалог господина и раба», демонстрирует совершенно иные идеи [2, с. 139]. Участниками диалога являются раб и его господин, которые играют в своеобразную «игру»: господин перечисляет виды деятельности, а раб приводит аргументы, почему стоит или не стоит заниматься тем или иным из них. Например, в отношении богов разыгрывается такой диалог:

- Раб, соглашайся со мной!

- Да, господин мой, да!

- Скорей принеси мне воды, на руки возлей! Моему богу-хранителю принесу я жертву!

- Принеси, господин мой, принеси! У того, кто приносит жертву, сердце его спокойно! Благо за благом он получает!

- Нет, раб, не хочу приносить я жертву!

- Не приноси, господин мой, не приноси! Бога все равно не приучишь бегать за тобой, как собака, раз уж он требует от тебя то обрядов, то оставить его в покое, то еще чего-то! [3, с. 231]

Таким образом раб и господин рассматривают различные поступки человека, начиная поездкой в степь и заканчивая благодеянием для государства. Они приходят к выводу, что любой поступок может обернуться как благом, так и злом. В конце диалога приводится неутешительный вывод:

- *Раб, соглашайся со мной!*

- *Да, господин мой, да!*

- *Что же тогда благо?*

- *Шею мою, шею твою сломать, в реку бросить – вот и благо! Кто столь высок, чтоб достигнуть неба, кто столь широк, чтоб заполнить всю землю? [3, с. 231]*

В этом диалоги боги окончательно отдаляются от человека, их воля становится непостижимой тайной. Человек не может найти оправдание злу и приходит к радикальному пессимизму.

Вопросы, которые поднимаются в шумерской и вавилонской литературе, сложно назвать продуктами мифологического сознания. Напротив, вышеуказанные тексты достойны встать в один ряд с классикой философской и теологической мысли; они требуют дальнейшего изучения и философского осмысления.

Литература

1. Емельянов В. В. Древний Шумер. Очерки культуры. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. 368 с.
2. Lambert W. G. Babylonian wisdom literature. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 1996. 358 p.
3. Когда Ану сотворил небо. Литература древней Месопотамии / Пер. с аккад. Сост. В. К. Афанасьевой и И. М. Дьяконова. М.: Алетея, 2000. 456 с.

ДОХА В ФЕНОМЕНОЛОГИИ ГУССЕРЛЯ

С.В. Бердаус

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
s.berdaus@yandex.ru

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(проект № 16-33-01169 «Эпистемические понятия в контексте
практического разума в философии Аристотеля и Гуссерля»)*

Феноменология считается одним из ведущих философских течений 20 века. В силу своей многогранности она выступила источником вдохновения и интереса для школ как аналитического, так и континентального направления. Но можем ли мы сегодня сказать, что понимаем феноменологию как некое целостное явление, смогли ли мы перешагнуть лишь концептуальное ее восприятие, характеризующееся фрагментарностью и зачастую бессвязностью между собой некоторых её концептов?

Например, в работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» Гуссерль иронично анонсирует свое выступление в роли пионера конструирования новой науки, «...науки весьма своеобразной: о презренной *dóξα*, которая вдруг начинает претендовать на высокую роль фундамента для науки, для *ἐπιστήμη*» [1, С. 210]. Закономерно удивление некоторых исследователей [2, Р. 33–58; 3, S. 10–22; 4] относительно *doxa* (belief, мнение), как этот концепт может вписаться в феноменологию, с её претензиями на статус строгой науки?

Попытка соотнести *doxa* с генетической феноменологией, на наш взгляд, не совсем полноценна, т.к. концептуализацию мнения как фундаментального элемента рациональности мы видим уже в «Идеях к чистой феноменологии», написанной в 1913 году, т.е. относящейся к трансцендентальному этапу феноменологии. Подобный взгляд может быть поддержан в рамках того видения развития феноменологии, которое полагает, что её так называемые этапы носят эволюционный, а не революционный характер. Мы считаем, что фактором, сбивающим с толку, мешающим подступиться к феноменологии в целом и к отдельным её вопросам в частности (в нашем случае к интерпретации *doxa*), является заложенный в ней синкретизм метафизического и диалектического метода философствования. Средоточием этого синкретизма выступает интенциональность, не позволяющая нам воспринимать её как некую структуру (по определению нечто статичное), находящуюся при этом в постоянном движении и становлении. Эти ограничения подступов к интенциональности О. Финк описывает следующим образом: «Проблема интенциональности состоит в том, чтобы найти в актах, исходящих из грубых субъективных жизненных единств, ответы на вопросы о синтезах всех смыслодающих интенциональных результатов (*Leistung*), благодаря которым возникают “простые” акты сознания. В таком случае очевидно, что требуемое обратное движение от базовой проблемы самоданности сущего к первично-доказывающему сознанию не может иметь место посредством простых прото-модальных (*urmodalen*) актов, это обратное движение по отношению к своим интенциональным модификациям подтверждается как и прежде смыслодающим сознанием. Поэтому имеет смысл считать, что первичное (исконное) сознание следует сделать ясной аналитической темой и тем самым понять его в своей функции, своём живом смыслообразовании. Упрощенный образ акта очевидности должен быть вновь вовлечен в процесс упрощения и должен быть подтвержден как результат этого процесса функционирующей интенциональности <...> Не только все способы человеческого знания о сущем сводятся к смыслодающим (и понимаемым тем самым) лежащим в их основе первичным модусам, но и эти прото-модусы (*Urmodi*) самодающего сознания должны [сами] получить опыт

дифференцированного толкования, которое выявляет все измерения замкнутых в них интенциональных смыслов» [6, S. 256].

Интенциональность, по-видимому, исходит из точки, предшествующей тому, что описывают классические философские парадигмы: поскольку нет как таковой воспринимающей субъективности, к которой бы мы могли применить метафизический метод, и нет как таковой объективности, становление которой в нашем сознании схватывает диалектический метод. Дискурс трансцендентальной субъективности и коррелятивной ей предметности – это то, о чем мы можем адекватно рассуждать лишь на почве адекватно усвоенных правил и подходов к природе интенциональности, её истокам, к той самой синкретичной точке.

Где же находится эта точка отсчета по Гуссерлю, куда он делает этот методологический шаг назад? Этой областью является опыт, а именно опыт сознания. «Феноменология исходит из опыта и в опыте остается» [5, P. 59]. Представляемый им эмпиризм (трансцендентальный эмпиризм), эмпиризм как дисциплина постулирует опыт сознания в качестве базы для конкретно-эйдетических феноменологических исследований. В этой связи Гуссерль отказывается видеть или работать с так называемыми интеллигибельными объектами познания, о которых писали Платон (идеи, интеллектуальные сущности, которые можно усмотреть только при помощи ума) и Кант (вещь в себе дана нам только в разуме, а познать её чувственным образом невозможно), пытаясь сделать шаг в сторону познания сенсительных объектов. Известный лозунг «Назад к вещам» обращает нас от абстрактных понятий и идей к конкретным объектам конкретного опыта, т.е. к сенсительным объектам, которые познаются чувственным познанием, не выходя из сферы опыта, характеризуются конкретностью, сингулярностью, изменчивостью, а самое главное – своей погруженностью в практику, что своеобразным образом «заземляет» знание, обеспечивая ему максимально легитимный статус, без претензий на объективность научного знания¹.

Важно понимать, что в рамках интенциональности «сенсительные» объекты Гуссерля исследуются не сами по себе, или точнее сами по себе они рассматриваются во вторую очередь как предметы, но первое, что нас должно интересовать, это то «как» эти сенсительные объекты даются нам в нашем конкретном опыте. И подлинной задачей феноменологии в этом смысле будет, конечно, не познание объектов, а познание того, как они нам даются. Эта раздвоенная задача по отношению к объекту – к сенсительному объекту, повторимся – и делает закономерным появление такого элемента как *doxa*, которое и соответствует самим характеристикам сенсительного объекта, его изменчивости, постоянному становлению, причем становлению

¹ Эта объективность подвергается Гуссерлем критике в частности за догматичное утверждение знания как почвы, не вызывающей сомнения уже своим статусом (напомню, что знание – это истинное обоснованное мнение).

за счет чувственных моментов восприятия. Подробный анализ о взаимоотношении феноменологического опыта и оформления его в мысли мы можем найти в поздней работе Гуссерля «Опыт и суждение» (1939).

Литература

1. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Пер. Д. В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2004.
2. Aguirre A. Edmund Husserl: idealización y dóxa // *Escritos de Filosofía*. Buenos Aires: Segunda serie, 2013.
3. Biemel W. Zur Bedeutung von Doxa und Episteme im Umkreis der Krisis-Thematik / *Lebenswelt und Wissenschaft in der Philosophie Edmund Husserls*. Frankfurt am Main: Klostermann, 1979.
4. Brainard M. Belief and its Neutralization: Husserl's System of Phenomenology in Ideas I. Albany: State University of New York Press, 2002.
5. Carmine Di Martino. Esperienza e intenzionalità. Tre saggi sulla fenomenologia di Husserl. Milano: Guerini e Associati, 2013.
6. Fink E. Das Problem der Phänomenologie Edmund Husserls // *Revue Internationale de Philosophie*. Vol. 1, no. 2. 1939. S. 226–270.

НЕНАСИЛИЕ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИЛЫ

В.В. Верпета

Институт философии и права НГУ, г. Новосибирск
v.verpeta@g.nsu.ru

Сферу политического принято понимать через понятие насилия, которое предполагает инструментальное отношение друг к другу, а именно разрешение конфликтов через принуждение одних другими. Под насилием имеется в виду не только телесное принуждение, но и духовное господство, когда в отношениях отрицается взаимность и моральное равенство сторон, а возникающие противоречия урегулируются в пользу только одной стороны, интересы же остальных не учитываются. Подобное понимание политического восходит к М. Веберу, который признаёт насилие необходимым средством удержания государственной власти: «Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное насилие как средство» [1, С. 646].

Действительно, политические отношения характеризуются конфликтностью, т.е. противоборством групп с различными интересами, но насилие как принуждение является не единственным средством политической силы. Под политической силой, как мне кажется, следует понимать способность разрешать противоречия (конфликтные ситуации),

которые возникают в обществе. Если насилие означает доминирование, т.е. нанесение ущерба одним, которое на пользу другим, то ненасилие предполагает решения, которые оказываются равно благами для всех, т.е. справедливыми, учитывающими интересы каждого. Основное средство ненасилия – это добровольное согласие через переговорный процесс. Каким же образом ненасилие может выступить в форме политической силы, т.е. позволить разрешить социальные противоречия, связанные с противоположностью во взглядах и неравным доступом к общественным ресурсам?

Целью данной работы является демонстрация политической силы ненасилия на примере антикоммунистических революций 1989 – 1991 годов, которые проходили в Восточной Европе. Через переговорные процессы (которые проходили в режиме «круглых столов») между лидерами профсоюзных движений и коммунистической номенклатурой удалось сменить авторитарные режимы на демократические в странах бывшего социалистического лагеря, не допуская вооружённых столкновений между оппозицией и карательными органами государства. Также необходимо обратиться к концепциям Дж. Ролза и Ю. Хабермаса для теоретического обоснования явления ненасильственной политики.

Итак, примером того, что коммунистический режим в восточноевропейских странах удерживал власть исключительно средствами угнетения, может быть военное положение, введённое в Польше в 1981 году. Ограничение прав населения и подавление оппозиции является проявлением насильственной политики, справедливым ответом на которую оказываются массовые забастовки и акции гражданского неповиновения, организованные профсоюзным движением «Солидарность» и ставшие предпосылками для того, чтобы репрессивный режим пошёл на уступки. В условиях неопределённости, когда в стране нет по настоящему легитимной власти, а наличное положение усугубляется недовольством народных масс, которым пытаются воспользоваться радикально настроенные партии, выступающие за насильственные методы переустройства общества, переговорный процесс между коммунистической номенклатурой и оппозицией рискует не состояться, но возможность для диалога между ними о смене режима всё же остаётся благодаря ненасильственным формам политики.

Согласно Дж. Ролзу: «Справедливость является первой добродетелью общественных институтов» [4, С. 19]. Справедливость проявляется в том, что делегаты общественных групп, т.е. стороны возможного соглашения по поводу принципов нового общественного устройства, должны находиться в равном положении, предполагающем свободу в принятии решений. Подобное условие позволяет делегатам, преследующим конкурирующие цели, прийти к принципам совместного существования, которые одинаково приемлемы для всех. Все имеют противоречащие друг другу концепции блага, поэтому не одна из этих

концепций не должна быть принята за основу будущего общества. Согласие же между рациональными индивидами означает их способность пойти на обоюдные ограничения, т.е. принять такие принципы, которые бы в наибольшей степени отражали интересы всех, но не отдельных индивидов или групп в ущерб всем остальным. Плюрализм мировоззрений предполагает именно такую процедуру переговорного процесса, результатом которого становится солидарность между членами общества.

Ю. Хабермас также защищает ценности морального равенства в условиях плюрализма жизненных позиций, когда пишет об этике дискурса, которая позволяет снять конфликт через взаимопонимание: «В коммуникативных условиях открытого для всех и свободного от какого бы то ни было принуждения дискурса свободных и равных участников каждый обязан принимать на себя точку зрения всех других, а тем самым и разделять их само- и миропонимание» [5, С. 133].

Таким образом, переговорный процесс в форме «круглого стола» привёл к появлению в Польше демократического режима благодаря ненасильственной политике, которая предполагает обоюдные уступки, выразившиеся в том, что представители «Солидарности» разоружились и отказались от наиболее радикальных лозунгов, а коммунистическое руководство в обмен на гарантии безопасности согласилось на смену власти. Ненасильственная политика соответствует категорическому императиву И. Канта, который запрещает использовать ближнего только как средство и предписывает относиться к нему как к цели, т.е. учитывать его интересы, а значит достигать равно приемлемых соглашений.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 808.
2. Капустин. Б. Г. Критика политической философии Избранные эссе. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. С. 424.
3. Капустин Б. Г. Моральный выбор в политике. Учебное пособие. М.: КДУ: Изд-во МГУ, 2004. С. 496.
4. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. С. 536.
5. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Науча, 2001. С. 417.

ЛОГИЧЕСКИЕ ТОПИКИ ФИЛОСОФСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

С.В. Воробьева

Белорусский государственный университет, г. Минск
cherbourg@mail.ru

Изменение образа рациональности в XX веке привело к методологическим сдвигам в логике и философской эпистемологии,

выдвинувшим в качестве символических структур рациональности аргументацию. Ее цель заключается в установлении приемлемого порядка в знаковых системах жизненного мира и разработке способов их формализации (логика, этика, право и др.). Ускорение и усложнение процесса коммуникации изменяет условия аргументирования, связанные с размерностью данного процесса и его культурной относительностью. *Логические топики* позволяют за вариациями большого количества переменных, детерминирующих *философскую аргументацию*, разглядеть конкретную социально-культурную топологию.

Философская концепция разворачиваются как аргументация, имеющая свои локальные цели и способы их решения, претендующие на статус эталонных способов осмысления. Анализ, оценка и критика философской аргументации играет значительную роль в осмыслении самого процесса теоретического мышления. Например, оценка аргументационных ресурсов научного реализма подтверждает его статус в качестве доминирующей методологической доктрины [1].

Основными в разработке методологии аргументации являются доказательная, модельная и диалогическая топики. Они отличаются условиями логической правильности, или приемлемости. Общезначимыми схемами в них являются, соответственно, концепты выводимости, интерпретации и коммуникации, дифференцирующие объясняющую и понимающую аргументацию.

Доказательная (аксиоматическая) топика философской аргументации предполагает организацию символического порядка посредством дедуктивного развертывания знания на основе правил вывода из определенного набора аксиом. Например, теория идеального государства Платона – аксиоматически построенная социальная теория, силлогистическая теория Аристотеля – гносеологическая аксиоматика.

Доказательная топика – способ обоснования «порядка в хаосе». Мир сам по себе не является рациональным или иррациональным. Философская мысль о мире балансирует между правильной логической формой, направляющей ее на *объяснение* мира, и неправильной логической формой, дезориентирующей его и замещающей организацией чувств, направленных на *понимание* мира, между дихотомической формализацией и синергетическим сопротивлением ей.

Модельная топика устанавливает границы общезначимого посредством процедур интерпретации и моделирования [2, 132–135]. Интерпретацией (моделью) становится любой мысленный образ моделируемого (интерпретируемого) объекта. Предметом аргументации как интерпретации являются функциональные связи двух видов: теоретико-атрибутивные, – включающие определяющие (отличительные) и описательные (характерные) признаки, теоретико-множественные, –

включающие конкретизированные денотаты. Иерархии типов и множеств детерминируют два целевых направления в модельной аргументации: 1) конструирование в пространстве признаков; 2) конструирование в пространстве категорий (объектов).

В частности, схематический кластер (термин Х. Патнема) как схема модельной аргументации предполагает сопоставление одному типу нескольких схем. Каждая из этих схем репрезентирует один из способов применения концепта данного типа. Однотипные категориальные дихотомии могут накладываться друг на друга линейно («быть ассоциацией» / «быть диссоциацией»; «быть обобщением» / «быть ограничением»), разнотипные – ортогонально. Ортогональное пересечение «быть ассоциацией» / «быть диссоциацией» и «быть обобщением» / «быть ограничением» образует квадранты (концептуальные схемы).

Диалогическая топика предполагает в качестве исходного базиса коммуникацию и концепцию релевантной истины [3]. Она соединяет дисциплинарно разорванные типы коммуникации и программирует реальную результативность. Смысл данных разрывов отображен в синергетической метафоре «сетевого знания» и фрактальной логике. Признание фрактальных размерностей является закономерным движением к легитимации логик, содержащих противоречие вида $A \wedge \neg A$, которое не приводит к признанию их тривиальности или разрушению. Это следствие признания множества региональных языковых онтологий, которые многократно пересекаются и попадают под юрисдикцию принципов дополнительности и двойственности [4, с. 7–9].

В частности, человек, существующий в различных системах, объединяемых концептом жизненного мира, интерпретируется как плохо структурированная, многослойная причинно-следственная связь, имеющая диалогический режим поведения. Поэтому основной формой понимания жизненного мира является диалог, раскрывающий через аргументационные структуры варианты мира (индивидуальные, групповые, профессиональные, бытовые и пр.). Диалоговые ситуации активизируют разные модели реальности, которые никогда не возникли бы у отдельного субъекта. «Сущность и значения раскрываются на пересечении» [5, р. 30], т.е. в координации с установками других людей.

Таким образом, доказательная, модельная и диалоговая топики философской аргументации составляют символические ресурсы рациональности. Их фундаментальными задачами являются поиск безусловных оснований рациональности, установление порядка посредством иерархии классов и на множестве типических ситуаций, организация коммуникативного (сетевого) контекста, раскрывающего значение и смысл.

Литература

1. Ходяков Д. С. Структурный вариант основного аргумента в защиту реализма // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук. Материалы VIII Региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук / Новосиб. гос. ун-т Новосибирск, 2010. С. 83–84.
2. Символическая логика: учебник / Под ред. Я.А. Слинина, Э.Ф. Караваева, А.И. Мигунова. СПб.: изд-во СПбГУ, 2005.
3. Касавин И.Т. Знание и коммуникация // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 46–57.
4. Герасимова И.А. Проблема двойственности в историко-культурном контексте // Противоположности и парадоксы (методологический анализ). М.: Канон +, 2008. С. 7–35.
5. Lévinas E. Autrement que savoir. Paris, 1988.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНТИМНОСТИ КАК СОВРЕМЕННАЯ ТЕНДЕНЦИЯ

А. Н. Галфаян, А. Л. Каулин

Институт философии и права НГУ, г. Новосибирск
a.kaulin2011@yandex.ru, anna17061995@gmail.com

В рамках понятия «конфлюэнтная любовь», предложенного Энтони Гидденсом, предлагается к рассмотрению проблема гомосексуальности и проблема сексуальных меньшинств, а также, проблема отношения к данной теме в обществе. А именно, с точки зрения отношений между индивидами, в которых выражается чувство любви. Все более и более нарастающий конфликт из-за желания разного рода людей с «нетрадиционной» ориентацией самоутвердиться в обществе, очевидно, сейчас движется к своему апогею. Этот факт призывает обратить пристальное внимание на разрешение противоречий, возникающих на этой почве.

В наше время ни для кого не секрет, что множество людей не может «стандартным» образом определить свою сексуальность. Под «стандартом» имеется ввиду нормальное, с точки зрения биологии и традиционного общества, понимание союза между людьми ради продолжения рода. На это влияют разные факторы, такие как религия, воспитание и прочее. В России, например, таким «фактором» является влияние РПЦ со своим догматичным взглядами на устройство интимных отношений. Однако, сексуальность меняется в своем коренном значении. На Западе многие уже признают ее как проявление именно *личности* человека, многие также отделяют это понятия от того, которое должно включать в себя представление о предназначении

репродуктивного толка. Как следствие и сами отношения между людьми, из-за этих сдвигов, довольно быстро меняются.

Несмотря на то, что в развитых странах углы постепенно сглаживаются, в большинстве своем, в частности в России, отношение к данной теме остается крайне противоречивым и довольно неизученным. Это дает возможность для исследования данной темы. С помощью реконструкции таких понятий как: *любовь*, *трансформация интимности*, будет сделан вывод о том насколько в современном обществе изменилось отношение к таким темам как сексуальность, любовные межличностные отношения в целом. А также, будут показаны возможные пути разрешения противоречий, связанных с общественным резонансом, вызванным выше изложенными проблемами.

Литература

1. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. — СПб.: Питер, 2004. — 208 с.
2. Розанов В. В. «Люди лунного света». Метафизика христианства // Соч. в 2-х т. — М., 1990. Т. 2.
3. Соловьев В. С. «Смысл любви» // Избранные произведения. Ростов-на-Дону «Феникс» 1998.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НЕЙРОФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е. В. Глебов

Новосибирский государственный медицинский университет
orbitalbombero@gmail.com

Активное развитие нейронаук поставило исследователей в ситуацию непосредственного нравственного выбора. Подобное уmonoстроение наблюдалось среди физиков в связи с созданием ядерного оружия, но тогда существовало оправдание в виде необходимости преодоления фашистской угрозы, или империалистической, или тоталитарной. Физики стран, не входящие в военные блоки, разрабатывали ядерное оружие из соображений национальной независимости и престижа. Однако по необходимости более близкое знакомство с системой принятия политических решений, и лицами, вырабатывающими политику, давало ясно понять как тотальную некомпетентность этих лиц и организаций, так и ужасающую аморальность всего процесса. Именно поэтому учёные были активными деятелями движения за ядерное разоружение и антивоенного протеста. Позитивным философам оставалось лишь присоединиться к ним, и по мере возможностей оформить их воззрения в целостную систему, давая возможность

естественнонаучному сообществу морально реабилитироваться. Однако в области нейрознания и когнитивных наук такого не произошло.

Базовые методы индоктринации, успешно использовавшиеся ранее, уступают место способам, разработанным с учетом новейших достижений психологии и нейронаук. Ложь умолчанием, дефрагментация потока сообщений, формирование клипового мышления, апелляция к глубинным инстинктам – это те методы, к которым современные познавательные, прагматические и юридические практики еще не выработали методов противодействия. Нейрофилософия может послужить профилактическим средством против манипуляций, используя присущие человеческому мозгу возможности опережающего отражения, когнитивной вседостаточности, врожденного сочувствия и других эволюционно присущих свойств. Следует подчеркнуть, что в этом аспекте современные СМИ идут не только против основных тенденций развития, но и вопреки самой антропологической сущности человека. Гуманитарно-практическая природа субъекта противостоит техникам невербального внушения и социального дезориентирования на уровне структур нейронной активности. Таким образом, основные задачи нейрофилософии состоят в том, чтобы сформировать исследовательскую программу со встроенной этической парадигмой [1].

Нейрофилософия это междисциплинарная исследовательская программа, исходящая из того факта, что **основные философские интенции укоренены в динамической структуре человеческого мозга**. Цель нейрофилософских исследований трояка – экспликация философских возможностей человека в реальность, выявление проблем и трудностей предъявления миру «человека философствующего», и перспектив трансформации современного общества в общество, комфортное для философской реализации способностей человека.

В области биомедицинских и психологических исследований необходимо получить данные о роли астроглии и олигоглии и их динамическом взаимодействии с нейронной сетью. Следует увеличить количество томографических исследований людей психически здоровых, критически пересмотреть материал, полученный ранее при обследовании пациентов с дисфункциями. Особого внимания требует изучение телерадиоаддикции, с прицелом на разработку методов реабилитации и восстановление нормального хода работы систем зеркальных нейронов. Во-вторых, в области историко-философского и гуманитарного знания необходима разработка этических аспектов нейрофилософии и соответствующих нейрофилософских разделов, в первую очередь, для биомедицинского кластера знаний [2].

Таким образом, в качестве ближайшей задачи необходима выработка единой методики нейрофилософских экспериментов, с прописанными

формальными требованиями к количеству и качеству испытуемых, контрольными группами и плацебо-аппаратами (очевидно, что если испытуемого поместить в неработающий томограф, у него изменится картина мозговой активности, и не исключено, что нетривиальным образом), аналогичным тому, как они жёстко прописаны, например, в токсикологии. Опыты, проведенные без соблюдения таких требований не должны приниматься в расчет представителями нейронаук и уж тем более нейрофилософии.

Литература

1. Глебов Е.В. Основания нейрофилософии: связь структуры мозга и его активности с мировоззрением // Наука. Университет 2014. Материалы Пятнадцатой международной ежегодной научно-практической конференции преподавателей, студентов и аспирантов. Новосибирск: Изд-во Сибпринт, 2014. С. 150–156.
2. Глебов Е.В. Нейрофилософские эксперименты, которые должны быть проведены // Тезисы докладов участников VII Российского философского конгресса «Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений» (г. Уфа, 6–10 октября 2015 г.). В 3-х т. Т.1. - Уфа: ИИЦ БашГУ, 2015. С. 115.

ВЕКТОРЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТИ

А.В. Глушкова

Институт философии и права НГУ, г. Новосибирск
glushkova-aleksandra@ya.ru

Исследования социальной, культурной и коллективной памяти сейчас занимают важное место в системе социальных и гуманитарных наук благодаря усилиям многих известных исследователей, таких как Морис Хальбвакс, Поль Рикёр, Ян и Алейда Ассман, Пьер Нора, Герман Люббе, Джеффри Олик, Джеффри Александер. Поднятые ими проблемы соотношения памяти и истории, конструирования воспоминаний, а также введенные ими концепты «коллективной памяти», «мест памяти», «свидетельства», «музеефикации» и «культурной травмы» доказали свою плодотворность.

Настоящий доклад посвящен теоретическому обсуждению ключевых категорий, существующих в рамках исследований памяти. Характерной чертой данного исследовательского поля является разнообразие традиций осмысления проблем памяти. Концепции социальной и коллективной памяти развивали, в первую очередь, французские философы Морис Хальбвакс и Поль Рикёр, тогда как немецкие историки Ян и Алейда Ассман предпочитают

работать с понятием культурной памяти. Сначала мы рассмотрим память как продукт индивидуальной символической деятельности, а затем, вслед за М. Хальбваксом и А. Ассман, совершив путешествие в различные измерения памяти – социальное и культурное. Кроме того мы покажем, каким образом исследователи памяти интерпретируют ключевые философские проблемы времени и пространства в рамках своих теорий.

Концепция культурной памяти напрямую связана с таким понятием как мемориальная культура. Мемориальная культура, согласно А. Ассман, является способом проработки негативного исторического опыта (носящего в себе травмирующее воздействие) и кристаллизуется в сумме текстов, культурных памятников и практик, посвященных определенному событию. Данное определение заставляет нас сконцентрировать свое внимание на проблемах негативной памяти и коллективной травмы. Почему вообще нужно вводить вышеупомянутые понятия в рамках исследований памяти? Дело в том, что современность, очевидцами которой мы являемся, по мнению ряда исследователей, представляющих пространство социально-гуманитарных наук, определяется историей 20 века. Эта история, характеризующаяся небывалым масштабом социальных катастроф и потрясений, кровопролитных войн и геноцидов, примечательна еще и опытом переживания и осмысления данных явлений. Травмирующие события и явления прошлого оказывают непосредственное влияние на динамику как индивидуальной, так и коллективной памяти. Поскольку мы живем в «посттравматическую» эпоху, мы можем наблюдать, а также продуктивно исследовать эту динамику.

Связь *memory studies* и *trauma studies* составляет для нас исследовательскую проблему, потому что там, где имеет место травма, обнаруживается лакуна в сознании, т.е. нехватка памяти или языка, необходимых для описания травмирующих событий. При возникновении подобного коллапса наблюдаются нарушения в коллективной и культурной памяти. Они связаны с аффективными посттравматическими состояниями, невозможностью говорить о травмирующем опыте, коммуникативными неудачами и даже политикой государства. Все эти явления отражаются на традиции репрезентации травмирующих событий, а репрезентации, в свою очередь, определяют культурную память, наследуемую поколениями и целыми народами.

Идею коллективной травмы развивают такие авторы как Сергей Ушакин, Эрик Сантнер, Кэти Карут и Александр Эткинд. С исследователями памяти их объединяет использование общего словаря терминов, однако, указанные выше авторы предлагают оригинальные способы проработки травматического опыта – работу скорби и «нарративный фетишизм». Представительница *memory studies*, А. Ассман, напротив, считает, что в механизмах функционирования социальной памяти уже содержатся способы

проработки травмы и мы можем сформулировать их, исследуя динамику социальной памяти. Так или иначе, работа с травмой представляется мне чрезвычайно важной, поскольку преследует глобальную задачу не допустить повторение катастроф прошлого в настоящем и будущем.

Данные размышления подводят нас к выводу, что исследования памяти и травмы тесно связаны друг с другом, а включение их в общее междисциплинарное научное поле способно открыть поразительную исследовательскую перспективу.

На актуальность проведения данного исследования указывают несколько факторов. Во-первых, на данный момент в России не сложился консенсус в отношении к прошлому. Наша мемориальная культура вызывает множество вопросов, а попытки научного осмысления травматического воздействия событий, происходивших в России в первой половине 20 века, начинают появляться только в эпоху, современниками которой мы являемся. Мы видим, как вполне конкретные нарративы прошлого используются в политических целях. Вопрос о том, каким образом прошлое становится мощным инструментом идеологии в руках у власти, нуждается в самостоятельном и комплексном исследовании.

Во-вторых, современные трагедии (стихийные бедствия, катастрофы, связанные с гибелью большого количества людей во время авиаперелетов и т.п., террористические угрозы) работают с тем же типом травмы. Возможно, исследование способов работы с травматическим прошлым поможет нам найти рецепт, способный «излечить» новые травмы.

Литература

1. Агамбен Дж. Номос сасет. Суверенная власть и голая жизнь. – М.: «Европа», 2011. – 256 с.
2. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. №3. С. 5–40.
3. Арндт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. – М.: Издательство «Европа», 2008. – 424 с. – (Холокост)
4. Ассман А. Длинная тень прошлого : Мемориальная культура и историческая политика / Алеяда Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
5. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / Алеяда Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – с. 232
6. Журнал «Археология русской смерти», выпуски №1 и №3.
7. Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 320 с.
8. Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем // Вопросы философии 1994 № 4, С. 94–113.

9. Олик, Джеффри. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение, Т. 11, № 1, 2012, С. 40–74.
10. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005.
11. Реабилитация и память. Отношение к жертвам советских политических репрессий в странах бывшего СССР / Материалы международной конференции "Долгое эхо диктатуры. Жертвы политических репрессий в странах бывшего СССР – реабилитация и память" (Москва, 10–12 сент. 2014 г.). М.: Звенья, 2016. – 480 с.
12. Рикер П. Память, история, забвение. Издательство гуманитарной литературы. М., 2004.
13. Травма: пункты: Сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 936 с.
14. Хальбвакс М., Социальные рамки памяти. М., Новое издательство, 2007.
15. Шторн Е., Бутейко Д. Борьба за ограниченное пространство памяти на Соловках / Неприкосновенный запас, 2016. – № 4 (108). – С. 232–248.
16. Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных / Александр Эткинд; авториз. пер. с англ. В. Макарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 328 с.

ВЛАСТЬ: ПУБЛИЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ

Л.В. Драгель

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
ldragel@mail.ru

Довольно часто в политической философии власть как теоретический конструкт рассматривается как политический концепт. При этом, не всегда осознается проблема власти как концепта публичного. Когда мы говорим о публичном, то, чаще всего, под этим понимаем то, что связано с обществом. Власть же, прежде всего, ассоциируется с конкурентной борьбой за определенные влиятельные позиции, либо отстаивание уже имеющихся властных преимуществ [6].

Между тем, власть также имеет отношение к публичности. Дело в том, что власть и публичное, вероятно, характеризуются общим стремлением к единству. Например, стремление власти к единству можно проследить у Аристотеля: «...в целях взаимного самосохранения необходимо объединяться попарно существу, в силу своей природы властвующему, и существу, в силу своей природы подвластному. Первое благодаря своим умственным свойствам способно к предвидению, и потому оно уже по природе своей существо властвующее и господствующее; второе, так как оно

способно лишь своими физическими силами исполнять полученные указания, является существом подвластным и рабствующим. Поэтому и господину, и рабу полезно одно и то же» [2, 1252a30]. С другой стороны, Аристотель говорил и о том, что «...по своей природе государство представляется множеством. Если же оно стремится к единству, то в таком случае из государства образуется семья, а из семьи – отдельный человек: семья, как всякий согласится, отличается большим единством, нежели государство, а один человек – нежели семья» [2, 1261a20].

Таким образом, еще Аристотель обращал внимание на неоднозначное понимание власти, которая, с одной стороны, стремится к единству, а с другой – к множеству.

Что касается общей связи власти и публичного, то здесь вполне уместно привести определение власти Х. Арндт, согласно которому «Власть есть то, что зовет к существованию и вообще удерживает в бытии публичную сферу, потенциальное пространство явленности среди действующих и говорящих» [1, С. 265].

Тем самым, если власть стремится к единству, то власть характеризуется, прежде всего, как публичный концепт. Причем, публичное видится в форме определенных публичных дискурсов идей, традиций, законов, институтов и т.д. При этом, важно заметить, что власть как бы оказывается скрытой за публичностью, за законами, институтами и т. д. Поэтому, публичность вполне может являться прикрытием реальных намерений власти. В связи с этим, не столь важным становится, например, то какие законы, или институты созданы, но главным становится некая легитимная уверенность в том, что они являются первостепенной необходимостью. Они просто должны быть. Это вполне может приводить к определенным злоупотреблениям властью имущих, например, к коррупции. К примеру, определенная государственная организация, институт может создавать видимость работы, в виде издания законов, создания комитетов и т.д.

М. Фуко, в связи с этим говорил о расширении властью своего «права на жизнь», которая использует для этого публичные дискурсы, к которым проявляют интерес индивиды, например, дискурсы о теле и сексуальности [5].

Однако, если говорить о политическом концепте власти, т.е. власти политической, а не публичной, то на первый план, по-видимому, выступает власть, которая не скрывается за законами, институтами, а воспринимается сама как институт. Дж. Ролз характеризует институты как базисную структуру общества, которая является таковой, поскольку принимается всеми [4]. Тем самым, власть обретает определенную функциональность, а не всеобщность в общественном устройстве. Непосредственной задачей власти становится управление, а не преследование своих частных интересов. Если

вспомнить Платона, то он полагал, что «всякая власть, поскольку она власть, имеет в виду благо не кого иного, как тех, кто ей подвластен и ею опекаем – в общественном и в частном порядке» [3, 345е].

Таким образом, следует различать публичной власть, понимаемая как власть публичного над частным, где власть имущие и институты слиты воедино, и политическую власть, которую можно охарактеризовать как политический институт, с помощью которого индивиды осуществляют управление в обществе, что в свою очередь может приводить к реальному участию граждан в политическом процессе.

Литература

1. Арендт Х. *Vita activa, или о деятельной жизни*. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
2. Аристотель *Политика* // Сочинения в 4-х тт. Т. 4. – М.: Мысль, 1983.
3. Платон *Государство* // Сочинения в 4 тт. Т. 3. Ч. 1. СПб., 2007. – С. 97–493.
4. Ролз Дж. *Теория справедливости* (1971). Новосибирск, 1995.
5. Фуко М. *Право на смерть и власть над жизнью* // Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. – М.: Касталь, 1996. – С. 238–268.
6. Шевченко А. А. *Политика, политическое и субъекты* // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2008. Т. 6, вып. 2. С. 71–76.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СВОБОДЫ ВОЛИ

А.С. Дубровин

Институт философии и права НГУ, г. Новосибирск
adubrovin1995@gmail.com

Проблема свободы воли волновала многих философов с древних времен до наших дней, начиная от Аристотеля, Локка, Канта и заканчивая Франкфуртом, Фишером, Стросоном и Васильевым. Существуют различные подходы к проблеме свободы воли, такие как детерминизм, индетерминизм, компатибилизм.

Концепция детерминизма берет в качестве критерия истинности научное знание – единственное знание, которое закономерно подтверждается на практике. Остальные концепции, основаны преимущественно на вере, а также на попытках решить данную проблему на основании не реальных, а смоделированных ситуаций, а значит, они не содержат устойчивых связей. Таким образом, эти две концепции можно считать сомнительными, в отличие от детерминизма [1][2].

Свобода воли понимается, как реальная возможность субъекта принимать самостоятельные решения. Предполагается, что наша воля — это некая внутренняя сила, дающая нам свободу выбора. Благодаря этой силе, мы можем действовать, как независимые субъекты.

Можно утверждать, что, если у нас есть свобода воли, значит у нас есть свобода выбора и наоборот, если мы имеем свободу выбора - следовательно, у нас есть свобода воли, благодаря которой мы этот свободный выбор осуществляем.

Способны ли мы, как личности, как сознательные субъекты сами делать выбор, зависит ли он от нас, как от субъектов, и, если да, то насколько зависит?

Ответ на этот вопрос можно дать, используя научные достижения современной психологии. Она содержит множество знаний о том, как устроен человеческий мозг, что представляют собой его внутренние процессы, как происходит восприятие и обработка информации. В итоге, это дает нам возможность понять, что представляет собой механизм принятия решений и, является ли он частично или полностью независимым.

Принцип движения наших мыслей можно сравнить с броуновской частицей, которая меняет траекторию движения под воздействием молекул жидкости или газа. Траектория меняется во время каждого столкновения и не зависит от самой частицы, эти столкновения происходят непрерывно и бесконечно. Именно от этого воздействия зависит где окажется частица в будущем.

В процессе принятия решения задействован мыслительный аппарат головного мозга. В зависимости от мыслей, мозг посылает определенные импульсы к другим зонам мозга, отвечающим за движения тела, речь, приведение тела в определенное состояние (возбуждение, расслабление) и т. д. Что приводит к активному действию. Так устроен механизм принятия решений. Как видно, во всей этой системе не задействована какая-то внутренняя независимая сила.

Таким образом, утверждать, что человек имеет свободу выбора, аналогично утверждению о том, что броуновская частица сама решает, в каком направлении ей двигаться. Очевидно, что это не так.

Современное знание о когнитивных процессах и устройстве мозга подводит нас к единственному выводу о том, что все процессы и все элементы головного мозга являются абсолютно зависимыми от внешнего воздействия на них различных стимулов.

Учитывая это, можно заключить, что все мысли, а значит и решения и действия человека заранее предопределены, из чего следует, что свободы выбора у человека, как субъекта, имеющего собственную волю, нет. А, следовательно, нет и свободы воли, благодаря которой мы его осуществляем.

Так, мы, не просто путем теоретических рассуждений, а используя достижения современной науки, приходим к решению этой, казалось бы, вечной философской проблемы, что делает научно обоснованным утверждение о том, что свободы воли нет.

Литература

1. Васильев В.В.. В защиту классического компатибилизма. Вопросы Философии, 2016 г. [Электронный ресурс]
2. Frankfurt 2013 – Frankfurt H. G. Alternate Possibilities and Moral Responsibility / Russell P., Deery O. (eds) The Philosophy of Free Will: Essential Readings from the Contemporary Debates. New York: Oxford University Press, 2013. P. 139–148. [Электронный ресурс]
3. Лекции по общей психологии / А. Р. Лурия. - СПб.: Питер, 2006 – 320 с. - (Серия "Мастера психологии").
4. Когнитивная психология / Солсо Р. - 6-е изд. - СПб.: Питер, 2006. - 589 с.ил - (Серия "Мастера психологии").
5. Козаренко В. А. Учебник мнемотехники. - Москва 2007. [Электронный ресурс]

АРИСТОТЕЛЬ О РОЛИ ЭТИКИ И ЭСТЕТИКИ В МИРОВОЗЗРЕНИИ ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ ПОНЯТИЕ ПРЕКРАСНОЕ

Л.Г. Дьяконова

Института философии и права НГУ, г. Новосибирск
Ladya4@mail.ru

Важность категорий этики и эстетики в философии Аристотеля

В своем докладе на Первом Белорусском конгрессе российский философ, Степин Вячеслав Семенович, говорил о необходимости формирования новой рациональности, о поиске новых объединяющих человечество ценностей в рамках современной культуры и зарождающегося нового цивилизационного общества. В своей работе мы хотим актуализировать ценность философского знания Аристотеля с целью предложить воспользоваться уже сформированным научным знанием античного философа и черпать из его трудов необходимые для современного человека ценности, которые остаются актуальными и неизменными как тысячелетия назад, так и в настоящее время. Также показать важность категорий этики и эстетики в формировании мировоззрения человека и их роли в возможности восприятия подлинно прекрасного, которое по Аристотелю, является подлинным счастьем для человека.

Взаимосвязь этики и эстетики через категорию Прекрасное (kalos)

По Аристотелю, счастье для человека заключается в его жизни (жизнь – это деятельность души), согласованной с его рассудком. При этом, важна цель, которой подчинен человек, т.е. добродетели, являющейся «наиболее полной и совершенной» [1] и дело которое он должен «совершать хорошо и прекрасно в нравственном смысле (kalos)» [2], на протяжении всей жизни. Употребление понятия kalos в философии Аристотеля имеют чаще всего нравственную коннотацию и используется как наивысшая ступень добродетели, и характеризуется термином «прекрасное». В данном примере понятие прекрасное выступает как умопостижимый объект с яркой этической окрашенностью. Под эстетической составляющей в исследовании подразумевается любая яркая выразительность предмета, которая выражает идейную сущность и форму прекрасного в любой сфере деятельности и искусства.

В «Поэтики» в понятие прекрасного Аристотель вкладывает такие характеристики, которые определяют его как единое, включающее в себя как характеристики присущие физической величине, так и некоторые идеальные характеристики, которые подчинены определенному знанию, такие как: число, порядок, слаженность, соразмерность «красота заключается в величине и порядке» [3].

Роль мировоззрения в формировании возможности восприятия подлинно прекрасного

Благо и счастье, как утверждает Аристотель в «Никомаховой этике», люди понимают по-разному. Понимание счастья формируется из образа жизни и мировоззрения людей. Одни довольствуются грубой жизнью полной грехов и соблазнов, и наслаждение для них является главной целью. Для других, главным благом и целью выступает благополучие и счастье граждан своего полиса. Для третьих (мудрецов) это – умопостижение добродетели, как наивысшего счастья, что является для них целью самой по себе [4]. На основании этих предпочтений, как нам кажется, формируются определенные типы мировоззрений человека, которые формируют определенную форму мысли, направленную на сохранение собственной жизни и удовлетворении своих потребностей, и другую форму мысли, которая формирует пространство ответственное перед цивилизацией за свои поступки.

В «Метафизике» Аристотель пишет о важности познания начал, потому что они есть суть первого, откуда нечто возникает или познается. Можно сказать, что по Аристотелю, познание добродетели, это есть начало к познанию прекрасного, что, несомненно, может приблизить человека к познанию единого [5, С. 158]. Вместе с тем, благое и прекрасное предполагает существование и худого. Обе эти дефиниции и будут задавать путь к познанию и движению.

Подобие человека Уму космическому

Аристотель указывает, что человек не обладающий добродетелью по природе, тем не менее способен развить ее, благодаря осознанному выбору цели, и реализации ее в энергичной, практической деятельности. Таким образом через понятие энергии (в соответствии со смыслом, вкладываемым в это понятие Аристотелем), человек может проследить свою подобность Уму космическому, который обладает энергией.

Понятие энергии включает в себя такие характеристики, которые присущи как Аристотелевскому единому, так и всему в космосе, в том числе и человеку. В первом случае, энергия, это качество присущее единому Уму (как вечному двигателю). Во втором случае, существование человека, принадлежащего космосу, также невозможно без движения и активности. В «Метафизике» Аристотель пишет о познании начал через категорию единого. Единое – это мера с помощью которой познается количество и число. Познание единого это способ, с помощью которого познаются вещи [6, стр.278]. Мы же хотим добавить, что понятие меры можно использовать и в познании сущности человека. Какую меру определяет для себя человек, меру добродетельного или порочного. Таким образом, прекрасное и единое определяются, по Аристотелю, через понятие меры и добродетели (как непосредственные значения), и проявляются в человеке сами по себе и в тоже время являются независимыми для человека в качестве объекта его внимания.

Заключение

Согласно Аристотелю, искусство представляет собой некий способ отражения действительности, основанный на опыте не только чувственном, но и рационально осознанном. Аристотель говорил, что умение выделить типичное, единое, целое, идеальное среди множества следствий, увидеть причины и основания, это называется наукой и искусством.

И эстетика, и этика могут являться средствами познания человеком самого себя и общества, в котором он живет, его мировоззрения и вектора его жизни. Через связь прекрасного и единого в онтологии (по Аристотелю), через понятие меры и добродетели, которые присущи человеку сами по себе и в тоже время являются независимой от человека целью, мы усматриваем актуальный запрос на понятие подлинно прекрасного и в современном обществе. Для этого целесообразно установить важность морально-этических представлений на пути к прекрасному, которые сопрягаются с законами прекрасного-космического и выражаются в добродетельных поступках.

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика. Книга 1, глава 6 / Пер. Н. Брагинской; Философы Греции. М.: ЗАО «Издательство ЭКСМО-Пресс», 1997.

2. Аристотель. Никомахова этика. Книга 1, глава 6 / Пер. Н. Брагинской; Философы Греции. М.: ЗАО «Издательство ЭКСМО-Пресс», 1997.
3. Аристотель. Поэтика. Глава VII/ Пер. М. Гаспарова; Аристотель и античная литература. М., 1978.
4. Аристотель. Никомахова этика. Книга 1 / Пер. Н. Брагинской; Философы Греции. М.:ЗАО «Издательство ЭКСМО-Пресс», 1997.
5. Аристотель. Метафизика / Пер. П.Д. Первова и В.В. Розанова. М.: Издательство института философии, теологии и истории св.Фомы, 2006.
6. Аристотель. Метафизика, книга X, 1 / Пер. Кубицкого. М.: Эксмо, 2015. – 448 с.

Ж.-П. САРТР КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФИЛОСОФ

К.Н. Евдокимова

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
namnamki@mail.ru

Когда речь заходит о Ж.-П. Сартре как о политическом философе возникает довольно много споров, вопросов и критики. На такую ситуацию повлияла изначальная бурная литературная деятельность французского философа. Впоследствии, Ж.-П. Сартр состоялся уже не только как известный литератор и значимый специалист по общеполитическим проблемам, но и как политический философ. Сартр написал много трудов (биографические, философские, этические и политические), отвечал на постоянную критику его идей (пускай и не всегда удачным образом), а также несомненно повлиял на других философских деятелей XX в. (структуралисты, постструктуралисты, итальянские и испанские экзистенциалисты, др.). Сартр пытался синтезировать некоторые идеи раннего марксизма (понятие отчуждения, диалектику, понятие общества и человека и др.) и свои результаты, которые получил в ранних работах.

На политическую активность Ж.-П. Сартра оказали влияние настроения в послевоенной Франции, а также идеи известных философов-экзистенциалистов, друзей-коммунистов и в какой-то степени его ранняя литературная деятельность [1, С. 50]. Это касается прежде всего обоснования его позиции в отношении свободы и трех видов бытия в «Бытии и ничто» (1943), что конечно повлияет на его политические настроения в будущем. На наш взгляд, данные предпосылки позднее «обросли хитиновым слоем» и проявились по-новому в поздних работах Сартра. Таков там и экзистенциализм, который сначала был абсурдным, не гуманным и только пессимистичным. Но в 1946 г. у Сартра выходит труд «Экзистенциализм – это гуманизм», и он корректирует свою позицию. Данная работа повлияла не только на роль, но и на значение идей и трудов Сартра для европейской

философии. Несмотря на критику данного труда, отрицательные высказывания А. Лефевра и компании (А. Мужин, Ж. Канап, Д. (Г). Лукач и др.) [2, С. 85], представители европейской культуры все-таки понимали о чем пишет и говорит Сартр. Его идеи характеризовались актуальностью и были на злобу дня. Люди принимали его идеи. А актуально это было хотя бы потому, что в европейской культуре свобода декларировалась как важнейшая ценность определяющая все политические настроения, доминирующие до войны и после.

Обратившись к политической тематике, Ж.-П. Сартр осознавал, что для него было бы бессмысленным опять говорить и писать то же самое о проекте и свободе как это было раньше, повторять судьбы новых Рокантезов, Деларю или описывать свое «ничто» с отсылкой к Г.В.Ф. Гегелю или говорить о ноуменах и М. Хайдеггере.

Сартр пытался сформулировать свои политические декларации, опираясь на собственные достижения в разработке философии экзистенциализма и на использование марксистских идей. Теперь идеи самобытного и раннего Сартра сильно игнорировались критиками, а во внимание брались только его марксистские идеи. Со стороны французских марксистских современников Сартра, его попытки сочетать экзистенциализм и марксизм, были подвергнуты критике. Но критики не всегда позитивно оценивали специфику философской позиции Ж.-П. Сартра.

Если серьезно отнестись к учету этой специфики, то нельзя не признать тот, факт, что Ж.-П. Сартр никогда не отделял философию и свою политическую активность (примерно с 1945 г.). Сартр был активным творцом политических идей и вместе тем был озабочен глубоко философским их обоснованием. Как заявляет известный французский литературовед Л. Г. Андреев: «Сартр – политик, да еще какой» [3, С. 324]. Но политическая деятельность Сартра, к сожалению, не оказала большого влияния на практику. А вернее, «революции», которые совершал философ не всегда были по нраву в политических кругах. Критики позднего Сартра делали упор на том, что его понимание марксизма не является адекватным. Вышеупомянутые критики, в первую очередь, обращали внимание на то, что попытка сочетания марксизма и экзистенциализма у Сартра была неудачной (и это мягко сказано) и что Сартр вообще должен забыть и разорвать все отношения с политической деятельностью, потому что он, по их оценке, теряется как известный французский мыслитель и писатель. На наш взгляд, критики были правы лишь в отношении ущербности некоторых идей Сартра, касаемо экзистенциализма и марксизма. Вместе с тем для Сартра характерны постоянные метания, неопределенность по ряду вопросов и недопонимание им идей К. Маркса. Такое положение дел приводило к тому, что про Ж.-П. Сартра говорили не как об экзистенциалисте, а как о борце и как о идейном вдохновителе того самого «проекта», которым должен стать каждый, чтобы

помочь этому миру, но в качестве практически действующего политика Сартр себя все же не проявил.

Большой популярностью «революции» Сартра пользовались среди молодежи и рабочих Франции (особенно события мая 1968 г.). Ведь такие философско-жизненные идеи об изменении мира, заявлении своей абсолютной свободы очень активно принимались такими слоями населения.

Литература

1. Грецкий М.Н. Марксистская философская мысль во Франции / Ред. В.П. Гарибян / М.: Издательство МГУ, 1977. С. 40–100.
2. Юровская Э.П. Жан-Поль Сартр. Жизнь – философия – творчество. СПб.: Петрополис, 2006. – С. 81 – 124.
3. Андреев Л.Г. Жан-Поль Сартр: свободное сознание и XX век. М.: Гелиос, 2004. – С. 320 – 355.

«РУССКИЙ АРИСТОТЕЛЬ» А.С. ХОМЯКОВА

О.С. Егорова

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
oksana12egorova@gmail.com

*«Аристотель России не покойник, как
Аристотель средневековый: он ещё живет,
и действует, и мыслит»*

А.С. Хомяков, 1851 г. [1, С.183]

В отличие от темы «русского Платона», которой в настоящее время посвящена не одна публикация [2, С. 12], тема «русского Аристотеля» до сих пор остаётся малоизученной. Однако известно, что многие представители русской интеллектуальной мысли, одним из которых является А.С. Хомяков, в своём творчестве неоднократно обращались к фигуре Аристотеля. Так в его статье «Аристотель и всемирная выставка» [1, С. 177–194], приуроченной к важному событию – первой всемирной выставке промышленных работ, проходившей в Лондоне в 1851 г., изложена авторская концепция понятия «русский Аристотель». В ней имеются следующие строки: «Аристотель России не покойник, как Аристотель средневековый: он ещё живет, и действует, и мыслит» [1, С. 183]. Однако из данных слов не вполне ясно, какой смысл Хомяков вкладывает в обозначенное понятие, что вынуждает обратиться непосредственно к тексту его работы.

Говоря о «средневековом Аристотеле», автор излагает общие историко-философские положения об огромном влиянии, которое на протяжении пяти веков оказывали труды древнегреческого мыслителя на

интеллектуальную жизнь Европы, определяя её направление. Именно под этим господством аристотелевских идей в европейских умах, начавшемся в XII столетии с появлением первых переводов его работ с арабского и греческого языков, вследствие чего «мало-помалу новая Европа, выходя из мрака многовекового невежества, встретила памятники эллинского ума» [1, С. 178], Хомяков подразумевает понятие «средневекового Аристотеля». Однако из «достойного наставника» [1, С. 180], необходимого в определённый исторический период, Аристотель стал «умственным игом» [1, С. 180], господствовавшим вплоть до Нового времени, пока его авторитет не был подвергнут серьёзному сомнению: «...Бэкон и другие великие умы освободили Европу от Аристотеля» [1, С. 179], что, согласно Хомякову, ознаменовалось «торжеством разума» [1, С. 180] и гибелью «средневекового Аристотеля».

Говоря о «русском Аристотеле», автор сравнивает период российской истории от эпохи Петровских преобразований до 1851 г. с отмеченным ранее периодом европейского средневековья. Как некогда Европа посредством деятельности переводчиков познакомилась с трудами Аристотеля, так и Россия, благодаря усилиям Петра I, пытавшегося пробудить «спящую русскую мысль посредством болезненного потрясения» [1, С. 181], открыла для себя европейские науки и вместе с тем новый образ жизни. Согласно Хомякову, перенятые впоследствии данных преобразований «науки и мысленная жизнь Запада» [1, С. 180] и стали для России тем самым «Аристотелем», не только, безусловно, необходимым в определённый период истории, но и до сих пор «живущим, действующим и мыслящим» [1, С. 183] в умах современников автора. В связи с данным фактом в статье Хомякова звучит призыв к освобождению российской науки и жизни от европейского влияния, свержению «русского Аристотеля», подобно тому, как некогда был свергнут «Аристотель средневековый».

Чем же, по мнению Хомякова, «Аристотель» не угодил средневековой Европе и современной ему России? Дело в том, что открыв и приняв труды Аристотеля, европейская наука перестала развиваться и на протяжении долгого времени существовала по принципу «magister dixit (наставник сказал)» [1, С. 180], который также применим и по отношению к современной автору российской науке, так и не получившей должного самостоятельного развития и до сих пор находящейся под сильным влиянием европейской. Однако, как отмечает Хомяков, в данных случаях виноваты сами последователи (как Аристотеля, так и европейской науки), которые, перенимая данные учения, следовали им беспрекословно, остановив собственное развитие; и в этом смысле Аристотель «скорее бы узнал в Бэконе плоды своей собственной деятельности, чем в старых попугаях аристотелевского анализа» [1, С. 183], а министры, критиковавшие деятельность Петра I, принесли бы больше пользы, чем «тысячи

Тредиаковских» [1, С. 183]. Таким образом, феномен «русского Аристотеля» середины XIX в. - это российская действительность, характеризующаяся не принятием европейских знаний и общественных устоев, а лишь подражанием им: «формы, облекающие просвещение, приняты были нами за самое просвещение, и самодовольное невежество воображает себе, что оно приняло образованность» [1, С. 182]. В связи с этим данный феномен трактуется Хомяковым в сугубо негативном значении: Россия, не сумевшая принять европейские знания, «находится в тех же отношениях к ним, в которых находился аристотелист или схоластик средневековый (по отношению) к Аристотелю» [1, С. 182].

В качестве альтернативы феномену «Аристотеля», Хомяков вводит нового персонажа – Платона. По мнению автора, влияние Платона на интеллектуальную жизнь Европы было значительно меньшим, чем влияние Аристотеля: «...неравно было их владычество. Не много свежих, сильных и поэтических умов полюбили Платона» [1, С. 178], поскольку в нём было много «произвола», «поэтичности» [1, С. 178]. Другими словами, Платон, не дававший однозначных ответов, заставлял мыслить самостоятельно, в отличие от Аристотеля, «строгий и сухой анализ» которого «был доступен всем» [1, С. 178]. Следуя автору, феномен «Платона» можно свести к способности нации самостоятельно накапливать и развивать собственное научное знание, к которому приобщен каждый отдельный индивид: «не та земля умна, где есть умные люди или много умных людей, но та, где ум есть достояние всей земли» [1, С. 186]; в то время как феномен «Аристотеля» заключается в постоянном следовании за авторитетом, которое в определённый момент сопровождается утратой самостоятельности мысли и останавливает развитие науки. В качестве нации, где господствует феномен «Платона», Хомяков указывает англичан: «Англия верна старине», однако «трудно обвинить её в застое и в отвращении от нововведений, но в ней одно поколение не рубит вековых деревьев, чтобы на месте их засеять однолетние цветки; зато оно и не завещает пустырей следующим за ним поколениям» [1, С. 187].

Если исходить из позиции Хомякова, становится очевидным, что для середины XIX в. феномен «русского Аристотеля» является весьма распространённым явлением, в то время как о феномене «русского Платона» едва ли можно и говорить.

Литература

1. Хомяков А.С. Аристотель и всемирная выставка. // Полное собрание сочинений А.С. Хомякова. – 3-е изд., – М.: Университетская типография, 1900. Том 1. С. 177–194.

2. Светлов Р.В. «Русский Платон». Платонизм в русской культуре. // Платон: Pro et contra: Платоническая традиция в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. – СПб.: РХГИ, 2001. С. 8–18.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ЦЕЛИ ВОЙНЫ В ФИЛОСОФИИ КАРЛА КЛАУЗЕВИЦА

А.В. Жабин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул
anton.zhabin.94@mail.ru

Мы живём в сложное время, полное несправедливости, нравственного упадка общества и геополитического соперничества государств. Часто соперничество стран между собой проявляется в прямом вооружённом конфликте, в котором гибнут миллионы людей, и ещё миллионы остаются без жилища, еды, воды и возможности удовлетворения других базовых потребностей. С середины двадцатого века происходит обострение глобальных проблем, особенно усугубляется проблема войн, интенсивность которых с каждым годом растёт. Что же такое война? Какова цель войны? Одним из первых рассматривал проблему определения и цели войны прусский военный писатель Карл Клаузевиц.

К. Клаузевиц изучил данные о многих войнах, произошедших в истории человечества. В ходе своих исследований он пришел к выводу о зависимости войны от политики. «Война в человеческом обществе, – война целых народов, и притом народов цивилизованных, – всегда вытекает из политического положения и вызывается лишь политическими мотивами» [1, С. 54]. Данное определение понятия «война» является классическим и оказало большое влияние на последующих мыслителей.

Кроме того, К. Клаузевиц отмечал, что любые военные действия имеют определенную задачу: «цель военных действий заключается в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности сопротивляться» [1, С. 38].

Ключевую роль в возникновении войн занимает политика. К. Клаузевиц отмечал, что «война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами» [1, С. 55–56].

Войны России с Турцией в 18-19 веках, России с Францией в 19 веке были вызваны прежде всего политическими причинами. Однако с помощью концепции К. Клаузевица невозможно объяснить войны до появления социальной организации и первых государств. Вооружённые конфликты между племенами в Австралии, Северной Америке и Африке – наглядные тому примеры.

По мнению К. Клаузевица, главной целью войны является стремление навязать противнику свою волю, прежде всего насильственными способами. «Если мы захотим охватить мыслью как одно целое все бесчисленное множество отдельных единоборств, из которых состоит война, то лучше всего вообразить себе схватку двух борцов. Каждый из них стремится при помощи физического насилия принудить другого выполнить его волю... война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [1, С. 34–35]. Итак, К. Клаузевиц под насилием понимает физическое насилие, в чём и состоит главный недостаток данного определения. Кроме физического насилия существует также психологическое насилие.

Таким образом, можно сделать следующие выводы по концепции К. Клаузевица: во-первых, война – это политический акт, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами; во-вторых, цель войны – стремление навязать противнику свою волю, при помощи физического насилия.

Литература:

1. Клаузевиц, К. О Войне / К. Клаузевиц; Пер. с нем. А. Рачинского. – М.: Логос, Наука, 1998. – 448 с.

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ ВИТТОРИО ХЕСЛЕ

Р.А. Кафтанов

Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск
rk76@ngs.ru

Термин «идентичность» широко используется в философии, психологии и других социально-гуманитарных науках для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых, тождественных самим себе целостностей.

Проблема идентичности актуализировалась с наступлением эпохи современности, или модерна. В традиционном обществе идентичность индивидов задавалась их происхождением и принадлежностью к определенному социальному слою. Современный же человек сам строит свою идентичность, сознательно ориентируясь на определенный стиль жизни, формируя свою тождественность с определенной группой, образом жизни, ценностями. Идентичность имеет множественный характер, поскольку индивиду приходится справляться со многими ролями и, соответственно, иметь множество идентичностей.

Кризис идентичности является одним из глобальных вызовов современности.

Правильно сформированная идентичность является необходимым условием успешного функционирования индивида и общества в современной действительности.

Традиционно распространение в научной практике термина «идентичность» связывают с именем Эриха Эриксона. Согласно Эриксону, «идентичность индивида основывается на двух одновременных наблюдениях: на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве и на осознании того факта, что твои тождество и непрерывность признаются окружающими». [3, С. 58–59]

Начиная с 80-х годов XX века слово «идентичность» приобретает популярность и «становится составной частью своего рода жаргона, бессознательное употребление которого превращается в норму и научной публицистики, и политической журналистики» [1, С. 46].

После Эриксона идентичность активно исследовалась социологами (Дж. Марсия, Дж. Г. Мид, Г. Тэдджел, Дж. Тэрнер и др.), философами и культурологами (К. Поппер, Ю. Хабермас, В. Хёсле и др.).

Витторио Хёсле – современный немецкий философ – распространяет понятие идентичности на все объекты живой и неживой природы. Идентичность объектов понимается как сохранение формы во времени. Время угрожает идентичности, разрушает идентичность объекта, организма или индивида самому себе. Так, ядро атома утрачивает свою идентичность в процессе радиоактивного распада, организм – в процессе старения, заканчивающегося смертью. «Идентичность представляет собой результат напряженной борьбы между формами, которые нашли воплощение в материи, и временным измерением» [2, С. 112].

Опираясь на способность человека к саморефлексии, Хёсле различает в личности «я»-субъект (собственно «я») и «я»-объект (самость). Проблема идентичности человека понимается как проблема отождествления, идентификации «я» и самости. Кризис идентичности состоит в отвержении самости со стороны «я».

Хёсле выделяет ряд компонентов идентичности.

Тело. Неспособность человека идентифицировать себя со своим телом является одной из причин кризиса идентичности. Это может проявляться, например, в виде нервной анорексии.

Память. Забвение прошлого затрудняет понимание собственной самости. С другой стороны, амнезия часто является не причиной, а следствием кризиса идентичности (например, если самость запятнана какими-то былыми злодеяниями).

Синтетическое единство апперцепции – рефлексивная способность осознавать любое отчетливое представление в качестве своего. Например, в

мыслях о себе («Я чувствую, что я устал»), я одновременно являюсь и субъектом, и объектом.

Нормативные образы других людей и собственной самости должны быть приемлемыми, разумными, не противоречащими универсальным нормам. Кризис идентичности наступает, если я понимаю несоответствие моего поведения всеобщим нормам; если нормы, которым я следовал с чистой совестью и даже жертвуя собой, оказались личной или коллективной ошибкой; если я убеждаю себя в том, что не существует никаких моральных норм; если я убеждаю себя в неправильности выбранного жизненного пути.

Дисгармония между «я» и «*социальным Я*» (образами «я», сложившиеся у других людей) возникает, например, в условиях беспричинного презрения со стороны своего окружения или, наоборот, необоснованного восхваления.

Среди последствий кризисов идентичности Хёсле выделяет утрату предсказуемости поведения затронутых ими индивидов или институтов, пассивность либо лихорадочную активность, регрессию к более архаичным и примитивным ценностям, усиление тоталитарных идеологий. В связи с этим, одной из главных задач политиков «должна быть организация рационального контроля над кризисами идентичности и, если возможно, – участие в устройении новой, более разумной идентичности» [2, С. 121].

Тем не менее, кризисы идентичности неизбежны и, более того, являются двигателем прогресса индивидов и институтов. Следовательно, следует не пытаться избегать кризисов идентичности, но направлять их в правильное русло.

Чтобы обрести новую идентичность, необходимо найти в себе силы дистанцироваться от старых ценностей, при этом не впадать в отрицательную идентичность, а с искренней благодарностью отнестись к старым ориентирам, понимая, что отвергаемая самость не является всецело отрицательной.

«Зрелость характеризуется реалистичной оценкой того, что человек достиг и ещё может достигнуть в интересубъективном космосе. Умение в интересах целого примириться с более низким положением в этом космосе является одним из самых существенных условий гармонии с другими людьми и с самим собой. И мудрость состоит в согласии с тем, что если обиды, травмы и кризисы идентичности, неотъемлемые от борьбы за признание, в конечном итоге приводят обе стороны к умиротворению зрелости, то они должны быть преданы забвению» [2, С. 123].

Литература

1. Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. №2. С. 43–54.

2. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии, 1994. № 10. С. 113–123.
3. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. Толстых А. В. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344 с.

ПРИНЦИП НАБЛЮДАЕМОСТИ И СТРУКТУРНЫЙ РЕАЛИЗМ

Н.Ю. Кочеткова

Институт философии и права НГУ, г. Новосибирск
Yugo_92@mail.ru

Благодаря успешному развитию такой области науки, как квантовая физика, с необходимостью произошли изменения в восприятии учеными новых объектов исследования. Если «...доквантовую физику и особенно ее основной раздел – классическую механику – можно было бы назвать “зрительной” наукой обыденного здравого смысла» [4, С. 20], то «появление» таких объектов, как кванты, которые не только не могут быть воспринимаемыми посредством наших органов чувств, но и, более того, не могут быть представлены в виде чего-то более или менее определенного с точки зрения классической физики, привели к необходимости переосмысления принципа наблюдаемости и понятия реализма. После «погружения» в микромир, объекты которого не могут быть непосредственно наблюдаемы, мы все больше сталкиваемся с проблемой того, как интерпретировать результаты исследования этих объектов. Возникновение затруднений в интерпретации результатов экспериментов с этими объектами повлекло за собой необходимость в пересмотре старых и созданию новых вариантов трактовки принципа наблюдаемости, и, как следствие, к новому пониманию проблемы реализма.

В результате появились различные варианты сильных и слабых, онтологических и эпистемологических принципов наблюдаемости. И в том случае, если бы мы продолжали опираться на строгую трактовку принципа наблюдаемости, то мы должны были бы сказать, что многие отрасли современной теоретической науки – это метафизика. В качестве примера стоит упомянуть основную идею, которую несут в себе сильный онтологический и сильный эпистемический принципы наблюдаемости: первый гласит, что «существует то и только то, что наблюдаемо, не наблюдаемое – не существует»; второй: «теория является эмпирически обоснованной, если и только если ее следствия (предсказания) наблюдаемы» [3, С. 72; С. 74]. Одна из задач, которую принцип наблюдаемости помогал решать, заключалась в демаркации «настоящей» науки от «ненастоящей», но

в контексте современных научных тенденций он уже не может выполнять данное предназначение.

Переориентация взглядов на то, что можно взять на роль фундамента в построении научной теории, и на что можно ориентироваться при проверке теории, породила новые проблемы обоснования объективности научных теорий. Когда принцип наблюдаемости перестал играть одну из ведущих ролей в процессе наглядного подтверждения теории, тогда на роль онтологического и эпистемологического базиса стали претендовать другие участники построения научного знания.

Радикальное отличие характеристик объектов, исследуемых в рамках современной теоретической физикой, от характеристик, приписываемых объектам классической физики, наталкивает нас на острые проблемы элиминации старых основ при подтверждении работоспособности новых. Это также повлекло за собой изменения в структуре построения научного знания на ее базовом уровне, что выражено в уже укоренившемся в физике математическом формализме.

Для более наглядной демонстрации своей идеи, я хочу рассмотреть структурный реализм, который выступает в некотором смысле оппозиционером для онтологических представлений, которые вытекали из принципа наблюдаемости.

Структурный реализм на данный момент имеет множество форм: эпистемический, онтический, конструктивный структурный реализм [см.: 5, С. 149–151.] Но все виды структурного реализма имеют основное и главное общее, что для нас и является ключевым, это то, что эта концепция присваивает структуре главенствующее положение в построении объективного знания. Структурное знание выступает в роли эпистемического проводника к ненаблюдаемым непосредственно объектам, т.е. реальность объектов и объективность знания о них гарантируется нашим объективным знанием структуры и отношений, которые включены в эту структуру. «Структурный реализм - это форма избирательного скептицизма, т.е. мы должны рассматривать теории как приблизительно правильные относительно структуры мира, но при этом должны скептически относиться ко всему, что выходит за рамки структур» [1, С. 79].

Структурный реализм не просто защищает математический формализм, которым оперируют при построении практически всех современных теоретических моделей, но и утверждает, что только с помощью структур можно как-то приблизиться к ненаблюдаемому миру. Можно выделить несколько элементов структурного реализма, которые являются тезисами в защиту того, что математические структуры являются отражение реальности (с некоторой степенью вероятности): 1. если принимать во внимание сохранение математической «структуры», научные теории, по крайней мере, способны отражать структуру реальности. 2.

математические выражения, сохраняющиеся при переходе от одной теории к другой, являются выражением действительно существующих закономерностей, относительно которых можно только сказать, что они есть. 3. различные онтологии или интерпретации могут удовлетворять одной математической «структуре», но у нас нет оснований предполагать, что одна из онтологий или интерпретаций лучше подкреплена данными, чем другая, и является более истинной [2, С. 15–16.].

Пересмотр принципа наблюдаемости влечет за собой радикальный пересмотр классического понимания реализма. Формализмы, которыми оперирует современная теоретическая физика и которые претендуют на описание реальности, в настоящее время по большей степени не могут быть подтверждены эмпирическими исследованиями и, возможно, еще долгое время не будут иметь и косвенного экспериментального подтверждения, что стимулирует потребность в переосмыслении проблемы соответствия теории описываемой ею реальности. В контексте данной проблематики исследования в области так называемого структурного реализма имеют определенную перспективу.

Литература

1. Glick D. The Ontology of Quantum Field Theory: Structural Realism Vindicated? // Studies in History and Philosophy of Science Part A Volume 59, 2016. P. 78–86.
2. Головкин Н.В. Структурный реализм и (мета)индукция // Вестник НГУ. Серия: Философия, 2012. Том 10, вып. 1. С. 13–18.
3. Павленко А.Н. Проблема существования физических объектов. набросок нового “критического реализма” // Вестник РУДН. Серия “Философия”, 2016, №1. С. 70–80.
4. Фейгин О.О. Великая квантовая революция. М.: Эксмо, 2009. 256 с.
5. Цао Т.Ю. Структурный реализм и концептуальные вопросы квантовой хромодинамики // Эпистемология и философия науки. Т. XVII, №3, 2008, С. 143–156.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ АНТИЧНОГО ПИРРОНИЗМА

Д. К. Маслов

Институт философии и права СО РАН
Кафедра философии и гуманитарных наук, НГУЭУ, г. Новосибирск.
denn.maslov@gmail.com

Начало Нового времени ознаменовало возрождение интереса к скептической традиции, оказавшей глубокое влияние на развитие

философской и научной мысли, чему немало способствовало открытие текстов Секста Эмпирика. Второе дыхание философскому скептицизму и пирронизму было придано такими мыслителями как М. Монтень, Д. Юм, С. Маймон, И. Шульце. Последние два имени тесно связаны с так называемым «спором о скептицизме», возникшем в Германии около 1800 г., в котором оставил свой заметный след Г. Гегель. Данный спор был вызван учением Канта, который полагал, что успешно преодолел как догматизм (термин «догматизм» в употреблении Канта отличается от употребления его в античности), так и скептицизм. В этом отношении следует отметить труд Якоба Фридриха Фриса (Fries), который переформулировал тропы Агриппы в т. н. трилемму Мюнхаузена. Однако, его труд остался без должного внимания² и гегелевская философия, успешно включив скептицизм в себя, надолго вывела пирронизм из поля внимания. Лишь в работах Э. Целлера и его учеников публиковались исследования по истории античной философии, в которых, однако, учения строго подгонялись под классификации гегелевского типа. Это мы можем наблюдать и в работе А. Гёдекемайера «Die Geschichte des griechischen Skeptizismus», который компактно разложил «по полочкам» все направления античного скептицизма. Данная работа, тем не менее, была выполнена на высочайшем научном уровне – с обширнейшим цитированием источников и современной литературы. В 1899 году увидела свет диссертация М. Патрик «Sextus Empiricus and Greek Scepticism», посвященная пирронизму Секста Эмпирика. Как отметил А. Бэйли, с тех пор не было ни одной крупной работы на английском языке, посвященной Сексту. [3, р. VII]. Опуская из внимания англо- и немецкоязычную литературу по пирронизму, появившуюся в первой половине XX века, перейдем к рассмотрению подлинного ренессанса скептицизма как в эпистемологии, так и в истории философии.

В 1963 году появилась провокационная статья Эдмунда Геттье (Gettier) «Is knowledge justified true belief?», которая достигла цели, положив начало широкой полемике о возможности достижения знания. В ней автор показал, что определение знания как истинного обоснованного мнения, восходящее еще к Платону, недостаточно, потому что возможны исключения – истинные обоснованные мнения, не являющиеся знанием. Эта статья спровоцировала интерес к нововременному скептицизму, а затем и к античному, в особенности пирронизму. В 1969 году вышла в свет книга Ш. Стоу (Stough) «Greek scepticism. A study in epistemology». Она стала первой ласточкой среди исследований, посвященных эпистемологии античного скептицизма. Однако ее трактовка отличалась неисторическим подходом, поскольку она видела Секста Эмпирика как феноменалиста, что не может быть верно, поскольку он не мог иметь какой-либо догматической концепции

² О влиянии пирронической проблемы обоснования на историю философии см. работу Л. Флориди [7].

феномена. Кроме того, все, что Секст относил к «принуждениям претерпеваний» значительно шире, чем это принято в позиции феноменализма.

В последние 40 лет в западной историко-философской науке был проделан колоссальный объем работы по анализу, уточнению, объяснению пирронической философии в целом и ее элементов в частности; особенное внимание вызывает эпистемологическая сторона пирронической философии. Среди участников наиболее заметных дискуссии нужно выделить следующих авторов: J. Barnes, M. Burnyeat, G. Striker, M. Frede, R. Hankinson, K. Vogt, хотя их намного больше.

Наиболее известная полемика разгорелась в начале 80-х гг. прошлого века, по поводу наличия догмы у скептиков, которая началась со статьи М. Burnyeat «Can the sceptic live his life?» [5, p. 20 – 54], и не заканчивается до сих пор [См.: 4, p. 322 – 334]. Она затронула все стороны скептического учения, однако общепринятого решения не получила. Исследователи разделились во мнении, мог ли скептик иметь мнения. Часть (J. Barnes, M. Burnyeat) выступает за «строгую» (rustic) интерпретацию, часть (M. Frede, D. Heidemann) за «мягкую» (urban) [См.: 6, S. 56–92]. Тем не менее, на наш взгляд, данная проблематика требует дополнительной проработки, поскольку заявления Секста об отсутствии позиции принимаются большей частью некритично в современной науке. Этот вывод покоится, по меньшей мере, на двух основаниях. Во-первых, это буквальное наличие пирронической школы, сохранявшей преемственность на протяжении трех-четырех столетий.³ Во-вторых, это определенная интеллектуальная традиция, которая передавалась от учителя к ученику, а именно – методы достижения равновесия противоположных сторон, тропы. Возникает закономерный вопрос о догматических тенденциях в пирронизме. К этому можно добавить, что в любой полемике отсутствие позиции также представляет собой определенную позицию, которая оказывает влияние на антагонистов

Выход монографии Р. Фогелина (Fogelin) «Pyrrhonian Reflections on Knowledge and Justification», заявившего себя как нео-пиррониста, открыл новые возможности для исследования античного пирронизма, прямо связывая его аргументативную проблематику с современной эпистемологией. Имеется ряд статей, посвященных различию между академическим и пирроническим скепсисом, немало монографий и сборников посвящены скептической практике, скептическим аргументам, истории развития скептицизма в античности от Пиррона до Секста [8, 9, 10].

Эпистемологического аспекта пирронизма касались исследования J. Barnes и J. Annas («Modes of scepticism», «Toils of scepticism»), а также труды Р. Фогелина, М. Уильямса и других исследователей. Однако, зачастую

³ С I-го века до н.э. от Энесидема, до Сатурнина, ученика Секста Эмпирика, жившего предположительно во второй половине II века - первой половине III и, возможно, позже.

зарубежные исследователи стремятся придать систематичность и избавить реконструкции пирронического учения от возможных подозрений и противоречий, и это на наш взгляд, может затмевать некоторые важные составляющие скептической философии. Так, к примеру, очень редко поднимается проблема противоречия атараксии и поиска истины, и скептики всячески избавляются от возможных следов догматизма – через упоминание т.н. *phōnai*, скептических выражений «не более» т.д. Что касается скептических тропов, то они представляются в дескриптивном виде [11, Р. 147–171], а последние исследования, специально посвященные им, отстоят от нас более чем на 20 лет.

Таково состояние дел в зарубежной литературе. Что касается отечественных трудов, то здесь наблюдается отсутствие существенного внимания к пирронизму и скептицизму. В советское время вопросом занимался А. Ф. Лосев, однако он ограничился лишь подробными и обстоятельными, но ознакомительными работами – вводной статьей к изданию сочинений Секста Эмпирика и главой в соответствующем томе его объемного исследования по истории античной эстетики. В 1990 году вышла статья В. П. Лега, в которой лапидарно, но на высоком уровне был представлен пирронизм Секста [2, С. 210–220]. Однако, объявив скептической истиной высказывания о ментальных состояниях, автор чрезмерно сблизил позицию Секста с картезианской достоверностью эго, что является анахронизмом.

С тех пор вопрос оставался целиком без внимания отечественных историков (за исключением глав в учебниках, либо поверхностного и косвенного рассмотрения в монографиях) до середины 2000-х годов. С 2005 года и до сих пор выходят в свет труды Д. А. Гусева. Несмотря на то, что это фактически единственный исследователь, занимающийся историей скептицизма, он почти не обсуждает современное состояние дел, зарубежная литература представлена довольно скупо, далеко не в полной мере указывается проблематика. Приведем его оценку состояния исследований по скептицизму: «Историография античного скептицизма не разработана. Он почти никогда не был отдельным предметом изучения, а упоминания о нем фрагментарны и формальны, в силу чего он и остался совершенно неизученным философским явлением, как в отечественной, так и в зарубежной науке» [1, С. 53]. Хотя бы из краткого предыдущего рассмотрения зарубежной литературы становится ясно, что это не так.

Таким образом, на основании неудовлетворительного состояния изучения пирронизма в России, очевидной становится актуальность проблемы для отечественной историко-философской науки.

Литература

1. Гусев, Д. А. История и теория классического скептицизма [Текст] / Д. А. Гусев. – М., 2005. 160 с.

2. Лера, В. П. Секст Эмпирик: скептицизм как образ жизни [Текст] / В. П. Лера // *Mathesis. Из истории античной науки и философии.* – М., 1991. С. 210 – 220.
3. Bailey, A. Sextus Empiricus and Pyrrhonian Scepticism [Текст] / A. Bailey. Oxford, 2002. – 302 p.
4. Barnes, J. Sextan skepticism [Текст] / J. Barnes // *Maieusis. Essays on Ancient philosophy in honour of Myles Burnyeat.* – Oxford, 2007. P. 322 – 334.
5. Doubt and dogmatism. Studies in Hellenistic philosophy [Текст] / Ed. by M. Schoefield. – Oxford, 1980. 342 p.
6. Heidemann, D. Der Begriff des Skeptizismus. Seine systematischen Formen, die pyrrhonische Skepsis und Hegels Herausforderung [Текст] / D. Heidemann. – Berlin, 2007. 383 s.
7. Floridi L. The Problem of the Justification of a Theory of Knowledge: Part I: Some Historical Metamorphoses // *Journal for General Philosophy of Science / Zeitschrift für allgemeine Wissenschaftstheorie* 1993. Vol. 24, No. 2 . P. 205 – 233.
8. The Cambridge Companion to Ancient scepticism [Текст] / Ed. by R. Bett. – Cambridge, 2010. – 369 p.
9. The original sceptics: a controversy [Текст] / Ed. by M. Frede, M. Burnyeat. – Chicago, 1997. 155 p.
10. The Sceptical Tradition [Текст] / Ed. by M. Burnyeat. Berkeley, 1983.
11. Thorsrud, H. Ancient scepticism [Текст] / H. Thorsrud. – Stockfield, 2009. 248 p.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Д. ЧАЛМЕРСА И ДЖ. ПЕРРИ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ О ФЕНОМЕНАЛЬНЫХ СВОЙСТВАХ

А.Ю. Моисеева

Институт философии и права СО РАН
Институт философии и права НГУ, г. Новосибирск
ajumo@yandex.ru

Д. Чалмерс и Дж. Перри оба рассматривают наши концепты феноменальных свойств как нередуцируемые к дескриптивным концептам физических свойств или свойств, которые логически супервентны на физических свойствах. Но из этого положения они приходят к разным выводам. Чалмерс в книге «Сознающий ум» [1] утверждает, что эпистемический разрыв между феноменальными и физическими свойствами показывает, что первые нельзя отождествлять с последними и онтологически. Перри же в книге «Знание, возможность и сознание» [3] утверждает, что мы можем отождествить феноменальные свойства с физическими, не будучи при этом обязанными принимать редукционизм. Чтобы найти тот критический

пункт, начиная с которого способы теоретического осмысления феноменов этими философами разнятся, нужно изучить их взгляды на значение и необходимость, в особенности применительно к утверждениям тождества.

Если рассматривать аргументы Д. Чалмерса в контексте его двумерной семантики, то получается, что его дуализм основан на различении двух типов знания. Феноменальные свойства, согласно этой точке зрения, мы знаем в основном из опыта, поэтому феноменальное свойство можно определять только так, чтобы этому определению с необходимостью удовлетворял любой опыт, который с субъективной точки зрения кажется обладающим данным свойством. Так, не может быть свойства, которое ощущается как боль, но не является болью. Что же касается физических свойств, мы не можем знать их непосредственно из опыта, поэтому они определяются с помощью дескрипций. Но даже если в действительном мире денотат дескрипции, данной в физических терминах, совпадает с референтом данного феноменального термина, можно представить такой мир, где эти референты различны. Так, можно представить себе мир, который был бы копией нашего мира с точки зрения физических свойств, но в котором отсутствовали бы феноменальные свойства. Представимость такого мира (в литературе он получил название зомби-мира) доказывает, с точки зрения Чалмерса, что этот мир возможен, а его возможность, в свою очередь, означает, что феноменальные свойства не тождественны физическим свойствам, поскольку считается, что всякое тождество является необходимым тождеством.

Дж. Перри отвечает на это, что представимость или непредставимость некоторого мира не связаны прямо с его возможностью или невозможностью. Возможность и необходимость иногда не находят отражение в наших концептуальных схемах. Дело в том, что необходимость тождества двух свойств определяется денотатами дескрипций, с помощью которых заданы эти свойства, а необходимость мыслить эти свойства как тождественные определяется референтами концептов этих свойств. Референты же определяются тем, в каких ситуациях у субъекта сформировались эти концепты, как они пополнялись на протяжении его когнитивной истории, а также к каким ситуациям он применяет эти концепты. Поэтому даже необходимые тождественные свойства мы зачастую можем мыслить как различные. По-видимому, если взгляд Дж. Перри на семантику концептов верен, то его принятие позволяет не только защитить теорию тождества феноменальных и физических свойств, но и решить такие старые семантические проблемы как проблема содержательности утверждений тождества и априорно истинных утверждений.

Литература

1. Chalmers D. The Conscious Mind. In Search Of A Fundamental Theory. – Oxford: Oxford University Press, 1996.

2. Chalmers D. Two-Dimensional Semantics. // Oxford Handbook of the Philosophy of Language. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – Pp. 575–606.
3. Perry J. Knowledge, Possibility and Consciousness. – Cambridge, MA: MIT Press, 2001.

КРИТИКА РЕДУКЦИОНИЗМА В ФИЛОСОФИИ ФИЗИКИ

Е.И. Поротиков

Институт философии и права НГУ, г. Новосибирск
eporotikov@gmail.com

Редукцию принято определять так: такое отношение между двумя (или более) сущностями (объектами, теориями), при котором одна сущность полностью сводится к другой, не существует помимо нее или даже состоит из нее (см.: [6], [3], [8]). Редукционизм может быть как методологическим, так и онтологическим. В данной работе нас будет интересовать, в первую очередь, онтологический редукционизм, который подразумевает, что существует некий базовый уровень реальности, к которому сводятся все остальные уровни. Ниже мы постараемся показать, что редукционизм в подобной интерпретации не лишен противоречий и на данном этапе развития науки, скорее всего, должен быть отброшен.

Можно сказать, что в истории философии редукционизм является довольно популярной концепцией. Строгим редукционистом был, например, Демокрит. Согласно его точки зрения, реальное существование имеют только атомы и пустота, а все остальные объекты существуют только в мире мнений [4]. Аристотель придерживался противоположной точки зрения: для него каждый уровень реальности был самостоятельным и самодостаточным и не сводился к другим уровням.

В середине XX века Р. Карнап выражал основную идею редукционизма следующим образом: «Наука едина, так что все эмпирические утверждения могут быть выражены на одном языке, все состояния дел имеют один вид и известны одним и тем же методом» [3, Р. 32]. Хотя редукционизм традиционно ассоциируют с физикализмом и/или материализмом, сам по себе он онтологически нейтрален, то есть может сочетаться с любой онтологической позицией, будь то физикализм, идеализм или даже солипсизм. Для идеализма также характерно сведение всего многообразия мира к некоторой базовой реальности, только в случае идеализма эта базовая реальность имеет духовный характер.

В конце концов вопрос об онтологической редукции сводится к вопросу о единстве самой реальности: является ли она чем-то целостным или же представляет собой некий «слоеный пирог» из различных независимых уровней. Кроме того, мы можем задаться вопросом о том, что существует «на

самом деле», какие типы вещей или объектов мы можем рассматривать как «по-настоящему» реальные [8]. Сторонники редукционизма, как правило, являются реалистами относительно редуцируемых сущностей: тот факт, что все химические процессы, по их мнению, могут быть сведены к атомной физике или квантовой механике, вовсе не подразумевает, что химических объектов (например, молекул) не существует «на самом деле». Однако некоторые редукционисты, например, химик П. Аткинс, оспаривают эту точку зрения, утверждая, что подлинной реальностью обладают только объекты фундаментального уровня, а весь наблюдаемый мир является лишь «надстройкой» над этим уровнем и, следовательно, реального существования не имеет.

Современный редукционизм, в определенном смысле, берет свое начало в работах Э. Нагеля. Для Э. Нагеля редукция имеет место, «когда экспериментальные законы вторичной науки являются логическим следствием теоретических положений первичной науки» [6, Р. 352]. То есть химия является логическим следствием физики, биология – логическим следствием химии, а психология – логическим следствием биологии. И, в конечном счете, утверждение любой из частных наук может быть записано на языке физики (только на языке физики оно будет гораздо более длинным и сложным, а в случае, например, психологии, астрономически сложным, но, тем не менее, при должных вычислительных мощностях такой перевод является возможным). Все последующие варианты редукционизма, такие как структурный редукционизм, так или иначе опирались на работы Э. Нагеля, спорили с его моделью редукции или уточняли ее.

Чтобы показать несостоятельность редукционизма, можно использовать аргумент множественной реализации. Согласно этому аргументу, одно и то же функциональное состояние может быть реализовано несколькими физическими способами, и это означает, что редукция функционального состояния к конкретному физическому состоянию невозможна [1]. Это аргумент впервые появился в философии сознания, однако очень скоро начал использоваться и в философии науки. Аргумент множественной реализации оспаривается некоторыми философами. Д. Льюис и Дж. Баттерфилд, в частности, считают, что при помощи этого аргумента нельзя полностью опровергнуть редукционизм (см.: [5], [2]).

В то же время редукционизм критикуют не только с помощью абстрактных философских аргументов, но и при помощи отсылки к реальной научной практике. Мы считаем, что любая «хорошая» философия должна так или иначе опираться на актуальные достижения науки, потому что наука позволяет действительно эффективно познавать окружающий мир. Но в реальной научной практике даже такая относительно «простая» задача, как редукция химии к квантовой механике, так и не была выполнена. Например, Л. Полинг, активно применявший квантовую механику в теории химической

связи, в конце концов признал, что «теория резонанса является частью структурной химии, которая имеет существенную эмпирическую основу и не является просто отраслью квантовой механики» [7, Р. 1]. С этой точки зрения редукционизм как философская концепция состоит из грубых обобщений, не отражающих взгляды современной науки.

Литература

1. Batterman, R. W. The Devil in the Details. Asymptotic Reasoning in Explanation, Reduction, and Emergence. Oxford University Press, 2002.
2. Butterfield, J. Emergence, Reduction and Supervenience: A Varied Landscape // Foundations of Physics. 2011. Vol. 41. P. 920–949.
3. Carnap, R. The Unity of Science. London: Kegan Paul, Trench, Trubner, and Co, 1934.
4. Chibbaro, S., Rondoni, L., Vulpiani, A. Reductionism, Emergence and Levels of Reality. Springer International Publishing Switzerland, 2014.
5. Lewis, D. Review of Art, Mind, and Religion // Journal of Philosophy. 1969. Vol. 66. P. 23–35.
6. Nagel, E. The Structure of Science. Problems in the Logic of Explanation. New York: Harcourt, Brace & World, Inc, 1961.
7. Pauling, L. The Nature of the Theory of Resonance. In: Todd, A. (ed.) Perspectives in Organic Chemistry. Interscience, London, 1956.
8. Smart, J. Sensations and Brain Processes // Philosophical Review. 1959. Vol. 68. P. 141–156.

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА (НА ПРИМЕРЕ ФИЛОСОФИИ АРИСТОТЕЛЯ)

А.А. Санжеников

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
sanzhenakov@gmail.com

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(проект № 16-33-01169 «Эпистемические понятия в контексте
практического разума в философии Аристотеля и Гуссерля»).*

Очевидным образом теоретический и практический разум имеют разные цели, методы и области применения. В связи с этим для каждого из них выработан собственный понятийный аппарат, что можно видеть как на уровне естественного языка, так и на уровне философских концепций. В рамках теоретического разума мы встречаем такие понятия, как «истина», «знание», «доказательство». Напрямую в область практического разума эти

понятия не могут транслироваться, поскольку они призваны отражать совсем иную предметную область и разработаны для описания совсем иных процедур. Однако, в поисках общих оснований, мы можем отыскать «аналоги» теоретических понятий в контексте практического разума. Например, «правильность» – есть аналог «истины», «уверенность» (в правильности выбора или поступка) – есть аналог «знания», процесс делиберации, в ходе которого субъект делает выбор в пользу того или иного решения через поиск наилучших (наиболее убедительных) резонов, – есть аналог «доказательства». Выстраивание связи между аналогичными понятиями из подведомственных областей двух разумов может способствовать лучшему пониманию самых базовых модусов человеческой рациональности – познавательного и практического.

В настоящем докладе мне бы хотелось обратиться к философии Аристотеля и на ее материале показать, как понятия теоретического разума могут обнаруживать собственные аналоги в практическом разуме. Прежде всего напомним, что в классическом варианте различение теоретического и практического разума мы обнаруживаем только у И. Канта. Однако Аристотель задолго до него различает две части души – *эпистемическую* (научную) и *логистическую* (рассчитывающую) [3, С. 173], которые явным образом являются прообразами кантовского теоретического и практического разума. Одной из самых главных категорий научной части души является *эпистема*, что явствует уже из самого названия этой части. Как утверждает Аристотель во «Второй аналитике», *эпистема* есть доказывающее знание, которое «необходимо исходит из истинных, первых, непосредственных, более известных и предшествующих [посылок], т. е. из причин заключения» [2, С. 259]. Вообще, по своей внешней форме эпистема, по Аристотелю, представляет собой правильный доказывающий силлогизм, все посылки которого универсальны. Отдельный вопрос заключается в том, откуда проистекает знание первых принципов и уверенность в том, что мы нашли правильный средний термин, демонстрирующий причину изучаемого явления. Для этого помимо опыта (многократного наблюдения изучаемого явления, формирующего *общее* в душе человека и открывающее причины этого явления) необходима особая интеллектуальная способность – сообразительность (ἡ εὐσυνεσία), которая «есть способность мгновенно найти средний термин» [2, С. 314]. Помимо этого субъект познания должен обладать умом (*nous*, который иногда переводится как интуиция), опытом и памятью (См.: [4, С. 435]).

Итак, *эпистема* как основная категория теоретического разума в общем виде представляет собой доказательное знание, основывающееся на правильном силлогизме и опирающееся на истинные и непосредственно данные (интуитивно схваченные) положения, выявляющие причины и суть бытия исследуемого явления. Такое знание является необходимым и общим.

Теперь зададимся вопросом, что выступает аналогом *эпистемы* в практическом разуме? Представляется, что таковым является верный / правильный логос (*orthos logos*). Именно он определяет середину между избытком и недостатком и тем самым является гарантом добродетельного поведения. В самом деле, если целью теоретического разума является истина и знание, а практического – правильные поступки, и коль скоро первое достигается через *эпистему*, а второе через правильный *логос*, то последний будет аналогом эпистемы в практическом разуме.

Во второй книге «Никомаховой этики» Аристотель постулирует: «поступать согласно верному суждению – это общее правило, и мы примем его за основу» (*κατὰ τὸν ὀρθὸν λόγον πράττειν κοινὸν καὶ ὑποκείμενον*) [3, С. 208]. Считается, что та легкость с которой принимается данное правило Аристотелем свидетельствует о том, что оно было воспринято им из школы Платона [6]. В то же время сам Аристотель хорошо понимал, что само по себе словосочетание *orthos logos* мало что поясняет. На это он обращает внимание и в начале VI книги «Никомаховой этики» [3, С. 172] и в конце «Евдемовой этики» [1, С. 309]. Поэтому вся VI книга «Никомаховой этики» посвящена разысканию точного ответа на вопрос, что есть верное суждение. В конечном итоге Аристотель заключает, что оно почти совпадает с рассудительностью (*ἡ φρόνησις*) [3, С. 198]. Рассудительность же, по Аристотелю, – это то, что делает человека способным успешно достигать собственных блага и пользы благодаря разумному принятию решений. При этом рассудительность предполагает, с одной стороны, знание общего (*τὸ καθόλου*), с другой, частного (*τὰ ἕκαστα*). Вместе с тем, знание единичного для рассудительного человека является более важным [3, С. 182]. Помимо знания общего и частного рассудительному человеку необходимо иметь некое «око души», чтобы «понимать и усматривать цель *праксиса*-деятельности в самой добродетельной *деятельности*» [5, С. 91].

Если теперь соотнести правильный *логос* (и рассудительность как почти тождественное понятие) с *эпистемой*, то мы можем увидеть, что они имеют прямо противоположные отношения к общему и частному. В то время как эпистема, проистекая из частного, дает нам знание общего (*кафолического*), рассудительность, обладая знанием общего и частного, по преимуществу есть знание частного. Другим важным пунктом сравнения должны выступать дополнительные условия *эпистемы* и правильного *логоса*, т. е. наличие некоторых дополнительных способностей, без которых ни та ни другая не могут существовать. У эпистемы таковыми будут ум и сообразительность, а у правильного логоса – «око души». Это обстоятельство, возможно, свидетельствует в пользу того, что в антропологии Аристотеля выделяются некоторые высшие способности человека, которые дают начало самым важным категориям как теоретического разума, так и практического.

Литература

1. Аристотель. Евдемова этика / Пер. Т. В. Васильевой, Т. А. Миллер, М. А. Солодовой; изд. подг. М. А. Солопова. М.: ИФ РАН, 2005.
2. Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 2 / Ред. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978.
3. Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4 / Пер. Н. В. Брагинской, М. Л. Гаспарова, С. А. Жебелева, Т. А. Миллер; коммент. В. В. Библихина, Н. В. Брагинской, М. Л. Гаспарова, А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983.
4. Канто-Спербер М. Аристотель // Греческая философия. Т.1. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2006. С. 329–499.
5. Орлов Е.В. Философский язык Аристотеля. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011.
6. Moss J. Right Reason in Plato and Aristotle: On the Meaning of Logos // Phronesis. 2014. Vol. 59, no. 3. P. 181–230.

КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕОРИЙ СООТНОШЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО АСПЕКТА ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА

Э.В. Тарасенко

Институт философии и права НГУ, г. Новосибирск
emitarasenko@gmail.com

Все коммуникации, контакты и информационный обмен, ежедневно совершаемые человеком, происходят посредством языка. Язык в коммуникативном аспекте коррелирует с сознанием субъекта, он выступает не в качестве формальной системы с четким прямым изъяснением смыслов, но имеет двойную, эquivoальную структуру, за которой кроется феномен «схватывания» смысла. [1, С.8-11] Феномен двусмысленности порождает ряд проблем, актуальных для философии языка, в частности проблему взаимоотношения объективности и субъективной ситуативности языка, в том числе в художественных произведениях. Что будет рассматриваться в данном исследовании.

Именно художественный текст, оперирующий тропами и нацеленный на эмоционально-образное воздействие, представляется наиболее актуальным для изучения обусловленности контекстуального восприятия языка, понимания и диалогического взаимодействия.

Для изучения данного феномена представляется необходимым классифицировать существующие подходы к соотношению объективного и субъективного в процессе восприятия текста, выделить в них аспекты для рассмотрения восприятия художественного образа, сконструировать гипотезу их возможного развития.

Среди теорий, рассматривающих восприятие текста, предлагается выделить следующие группы подходов:

1. *«Автороориентированные» подходы.* В рамках данного типа подходов релевантным пониманием считается приближение к чужой индивидуальности, выявление автора и его замысла из текста. Текст в данном случае исполняет роль посредника, а понимание трактуется как объективное с наличием вариативности: чем сильнее приближается читатель к автору, тем степень понимания больше. Понимание художественного образа характеризуется схватыванием всех вложенных автором подтекстов. Одним из примеров такого подхода может служить концепция Ф.Шлейермахера [2].

2. *«Текстоцентричные» подходы.* Данный вид подходов характеризуется обособленностью текста от воспринимающего и порождающего субъектов, его автономным и самодостаточным существованием. Текст предполагает целостную завершенную реальность, является уже высказанным и обособленным от создавшего его автора, интенции которого не значимы для его существования. Например Дильтей рассматривает его как объективную данность, понимание которой заключается в раскрытии ее духовного смысла. Таким образом, взаимоотношения означающего и означаемого в тексте могут быть расшифрованы объективно, в т.ч. образные значения и метафоры играют не ситуативную роль, воспринимаемую или не воспринимаемую субъектом, исходя из обусловленности его позиции чем-либо, но имеют конкретное и заданное значение. Традиция основывается на лингвистическом анализе, не обращается к подвижности восприятия. К подходам данного типа относятся концепции Р.Барта, Ф.Соссюра [3].

3. *Антропоцентричные теории.* Восприятие в рамках данного класса теорий обусловлено бессознательным, контекстами в которых находится воспринимающий субъект, объективность истины отрицается. Процесс реконструкции текста выступает как модель взаимоотношений с Другим: он представляет собой отождествление субъекта с действующими лицами романа и взгляд извне на формируемое целое. Образ полагается исходя из бессознательного, прошлого, моделей и архетипов, наличных у субъекта и актуализируемых в процессе чтения текста. Прочтение, декодирование и реконструкция осуществляются «из себя», в связи с этим актуализируются только образы, коррелирующие с обуславливающим субъект бессознательным. Например, подход отрицания объективности истины Гадамера, в рамках которого понимание напрямую зависти от воспринимающего субъекта. [4]

4. *Синтетические теории.* Например, теория диалогического взаимодействия культур. Для нее характерен учет контекста восприятия и создания текста, обращенности к нему. «Предложение... становится реальным утверждением лишь в контексте определенного высказывания..»

[5, С. 263]. Структура существования художественного произведения предполагает тройственную структуру, состоящую из контекстуальной обусловленности автора – обстоятельствам создания, контекстуальной обусловленности читателя – условиям воссоздания и собственно диалога, момента взаимодействия двух реальностей, становления текста. Художественный текст, таким образом, представляет собой взаимодействие двух культур, его существование обусловлено перманентной реконструкцией, зависящим от контекста прочтения. Подхода к художественному тексту как к диалогу культур придерживались Бахтин[5], Библер [6].

Для разрешения поставленной в исследовании проблемы наиболее интересен аспект контекста. Под контекстом прочтения воспринимается «уникальная позиция» воспринимающего субъекта, включающая все обстоятельства его жизни. Таким образом, воссоздание текста представляется уникальным явлением, индивидуальным и неповторимым. Само бытие текста не статично, но наличествует в процессе реконструкции.

Также к синтетическому типу теорий относятся концепция П.Рикера. В рамках которой психоанализ трактуется как частный случай герменевтики, предполагается синтез подходов к пониманию как к обусловленному конструктами бессознательного и обращенности к целостному, предполагаемому смыслу через священное [7].

Вышеизложенная классификация может быть рассмотрена как первый этап в выработке концепции соотношения объективного и субъективного в восприятии художественного текста.

Литература

1. Неретина С. С. Тропы и концепты. – М., 1999. – 277 с.
2. Шлейермахер Ф. Герменевтика. – СПб.: «Европейский дом», 2004. – 242 с.
3. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. – М.: «Прогресс», 2001. – 200 с.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М.: «Прогресс», 1988. – 704 с.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: «Искусство», 1979. – 424 с.
6. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин или поэтика культуры. – М.: «Прогрес», 1991. – 176 с.
7. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. – М.: Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 1995. – 400 с.

МОТИВЫ ЭПИКУРЕИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНА

М.В. Фомичева

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск
fomhom29@gmail.com

Философия современного мира выстраивается на четко обоснованных идеях прошлого. Именно в контексте своей исторической мысли на данный момент философия может получить дальнейшее развитие и осмысление. Поэтому мы вынуждены обращаться к работам не только своего времени. Многие идеи философов не всегда бывают актуальны в определенные моменты времени и имеют больше прогностический характер, нежели анализирующий. Под данное определение подходят и идеи эллинов, которые являются основными для очень многих дальнейших философских течений. Философские мысли эпикуреизма и стоицизма развиваются в эпоху глобального кризиса ранних эллинистических государств, возникших после распада империи Александра Македонского и, поэтому ближе всего относятся к понятиям неоклассической философии.

Учение Эпикура можно рассматривать и как аналитическое и как прогностическое. На основе работы Татьяны Гончаровой «Эпикур» [1, С. 5–20], в которой описывается вся жизнь философа, можно сделать вывод, что философия в своем виде рассуждений и осмысления происходящего не могла удовлетворить нарастающие потребности народа на фоне происходящих войн и перестроек общества. И поэтому, рассматривая судьбу Эпикура, можно выделить основания для построения его учения. Большое количество путешествий, скитаний и бедности позволяют философу посмотреть на реальную жизнь и осознать настоящие человеческие духовные потребности и понятия данного времени. Можно сказать, что благодаря этому пониманию эпикуреизм был одним из наиболее влиятельных философских течений в Античности. Главным этическим принципом эпикурейства является удовольствие, которое ставит на первый план не духовность человека, а его телесность. Совокупность дружбы, избавления человека от телесного страдания и невозмутимость души образуют основу счастливой жизни человека. Следует заметить, что говоря о телесности, Эпикур говорил не о гедонизме, а об атараксии, как благородном спокойствии, когда потребности удовлетворяются только, чтобы избежать страдания. В энциклопедии «Постмодернизм» Грицанов [2, С. 793–797] утверждает, что именно данный культ телесности имел влияние на экономическую метафизику Маркса и дальнейшую философию постмодерна. Так как помимо утверждения о достижении счастья через производственную часть общества, Эпикур переосмыслил учение о Богах, в котором демифологизировал их образы и, объединив это с учением об атоме, создал некий вид нигилизма. Понимание

тела, как набор атомов, который распадается после смерти, приводит к переосмыслению понимания души. И данное понимание призвано избавить человека от самого главного страха перед смертью и дальнейшей загробной жизнью. Эпикур, осмысляя мифы, приходит к мысли, что боги не имеют представления о людских судьбах, так как находятся в отдельном мире собственного удовольствия и наслаждения. Такой вывод перевернул понимание эллинов о богах, предоставив им свободу от страха перед ними. Освобожденный таким образом человек более всего напоминает человека эпохи постмодернизма, который нигилистически низвергает все, что выходит за пределы его чувственности.

Говоря о смерти в понимании Эпикура, следует отметить и его понимание свободной воли человека. Он один из первых, кто формирует понятие самоопределяемости человека как призвания и способности. Страх перед необходимостью, по мнению Эпикура, помогает нам выражать собственное мнение и желание. Качество жизни становится наивысшей ценностью, нежели ее количество, на это в его учении указывает и его уход из жизни. Именно данные моменты первичности индивида и его личностных ценностей прослеживаются на данный момент в этике постмодерна. Отдельный человек, а не общественное целое формирует общественную жизнь. Об этом писал в рамках философии постмодерна Р. Флорида в своей работе «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» [3, С. 16–31]. Он основывался на креативном классе. Именно эти люди транслируют этот мир через призму собственного мировосприятия и мироощущения.

Рассуждая о смене вектора постмодерна на традиции эпикуреизма я хочу обратить внимание на схожесть в социальной обстановке времени начала эпикуреизма и начала постмодерна. Огромное количество войн, завоеваний и технического прогресса эпохи модерна и постмодерна ставят большое количество людей в непростые условия для существования, когда на первое место в мироощущении каждого из них выходит удовлетворение своих потребностей. И во вторую очередь это переворот философской мысли, который был очень схож на тот, что Эпикур совершил, осмысляя теологию. А именно философия человека модерна как человека творца и титана. Человек постмодерна, переосмысляя себя, сталкивается с растущим обществом потребления, которое видит смысл своей жизни в бездумном потреблении. Осознавая проблему дальнейшего развития общества, философы постмодерна строят свои выводы на основе работ Эпикура, потому что еще в свое время он поднимал и осмыслял такие понятия как ценности, потребление и мера потребления, которые становятся для настоящего большой проблемой.

Литература

1. Гончарова, Т. В. Эпикур. – М.: Мол.гвардия, 1988. – 303[1] с., ил. – (Жизнь замечат. людей. Сер.биогр. Вып. 3 (685)) С. 5–20.

2. Новейший философский словарь. Постмодернизм / Главный научный редактор и составитель А. А. Грицанов. – Мн.: Современный литератор, 2007. – 816 с. С 793–797.
3. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее [Текст] / Р. Флорида. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. – С. 16–31.
4. Шахнович М. М. Сад Эпикура: Философия религии Эпикура и эпикурейская традиция в истории европейской культуры. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. – 284 с. – С. 7–12.

**СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ МОБИЛИЗАЦИИ
В ЛОКАЛЬНОМ РЕЗОНАНСНОМ КОНФЛИКТЕ**

Д.Е. Адамский

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск
adamskiy4@gmail.com

Проблема общественной мобилизации в социальных сетях заинтересовала российских исследователей в связи с событиями самоорганизации и кооперации граждан летом 2010г. для борьбы с лесными пожарами [1, С. 38], а также протестной деятельностью в РФ [2, С. 5], связанной с политическими событиями 2011г. Если первое время она исследовалась в контексте анализа активизма и гражданского участия, то события последних нескольких лет, выдвигают на первый план проблему общественной мобилизации в локальные резонансные конфликты. Необходимость их исследования как отдельная исследовательская задача выделилась совсем недавно: на круглом столе в КГИ (Комитет гражданских инициатив) в июне 2017 г. [3], где предметом исследования стали закономерности формирования и развития таких конфликтов. В данной работе мы рассмотрим социальные сети как среду формирования мобилизационных структур в локальном резонансном конфликте, а также методы их анализа.

Локальным резонансным конфликтом является конфликт, связанный с локальной повесткой, в котором сторонами являются граждане, городские сообщества, власть, коммерческие и другие заинтересованные структуры (вместе, по отдельности и в разных комбинациях) [3].

Важным аспектом анализа активности противоборствующих коалиций, является анализ процесса мобилизации под которой понимается «коллективное действие, инициированное, как правило, социально-политическим конфликтом» [2, С. 3]. Говоря о мобилизованности в конфликт, мы подразумеваем сумму потенциальных участников конфликта, имеющих в нем свои интересы.

С появлением социальных сетей как платформ, на которых реализуются сетевые отношения, таких как «ВКонтакте», определенным образом изменился процесс формирования общественных движений [4, С. 27]. Существует мнение, что взаимодействие в соц. сетях делает взаимодействие более «горизонтальным», избавляет их участников от посредников [1, С. 37]. Соответственно в виртуальном мире сообщества цели могут кооперироваться гораздо быстрее и взаимодействовать теснее, чем в реальном мире. Так же такие сообщества становится легче мобилизовать:

субъекты, которым важна определенная информация по теме могут получать ее мгновенно, либо посредством целенаправленного поиска, соответственно реагировать на изменения ситуации и координировать свои действия быстрее. Таким образом анализ вовлеченных в локальный резонансный конфликт субъектов на основе анализа социальных сетей можно считать объективной репрезентативной моделью мобилизованных структур, под которыми мы понимаем совокупность связей между сторонами, имеющими свои интересы в социальном конфликте.

В последние годы получил большую популярность метод анализа социальных сетей через призму математической теории графов, что позволяет выделять конкретных акторов, видеть не только сильные, но и слабые связи между ними, выявить иерархическую структуру группы, плотность взаимоотношений участников. Таким образом, с помощью соответствующего программного обеспечения, мы можем выделить акторов, вовлеченных в конфликт, увидеть соотношение мобилизационных сил, оценить напряженность между сторонами конфликта.

В статье представлены результаты анализа конфликта, связанного с выходом фильма А. Учителя «Матильда», чьи локализованные проявления в г. Новосибирске, сравниваются экспертами с конфликтом, вызванным запретом оперы «Тангейзер» (2015 г.). Результаты анализа мобилизационных аспектов данного конфликта, проведенные с помощью метода картирования [5, С. 523] показали наличие двух мобилизованных конфликтных локальных групп. В свою очередь, предварительный анализ последнего конфликта, возникшего вокруг фильма «Матильда» и сравнение его с предыдущим, показал, что закрепление и консервация ряда признаков мобилизованности конфликтных групп – акторов конфликта вокруг оперы «Тангейзер», оказало влияние и на характер протекания нового конфликта, придав ему ряд специфических признаков: вовлеченность органов власти в конфликт, сохранение части мобилизованной структуры.

Вместе с тем, не смотря на сохранение в новом конфликте общей мобилизационной структуры акторов – противников выхода фильма «Матильда», сильных сетей между актерами, можно говорить об отсутствии аналогичной структуры вовлеченности у их оппонентов предыдущего конфликта, кооперировавшихся посредством слабых сетей, и более низкой интенсивности конфликта. Предположительно это может быть связано с доминированием преимущественно общероссийского масштаба конфликтования, и, отчасти поддержкой выхода картины органами власти. Однако в докладе мы рассмотрим и более глубокие причины ограниченной мобилизации. С этой целью была рассмотрена динамика событий, связанных с выходом кинокартины, выделены субъекты и их интересы на локальном уровне. С помощью анализа социальных сетей визуализирована

мобилизационная структура противников выхода Матильды, оценен их мобилизационный потенциал.

Литература

1. Усачева О.А. Сети гражданской мобилизации // *Общественные науки и современность* – 2012. – № 6. – С. 35–42.
2. Яницкий О.Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // *Социологические исследования* – 2012. – № 6. – С. 3–12.
3. Локальные конфликты и их влияние на власть и общество. Резюме дискуссии на круглом столе в КГИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://komitetgi.ru/analytics/3331/>
4. Аниканова А.А., Бикен Н.С. Роль виртуальных социальных сетей в организации социальных движений в современной России // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук* – 2016. – № 1-4. – С. 125 – 129
5. Внешние и внутренние региональные конфликты в современном обществе: тенденции развития и возможности управления / [И.А. Скалабан и др.]; под ред. А.Г. Большакова, Т.З. Мансурова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – С. 523

ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКАЯ И КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В САЯНО-АЛТАЙСКОМ РЕГИОНЕ

Ю. М. Аксютин

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан
aksutum@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ (МК-6746.2017.6).

Многочисленные экспертные опросы и замеры общественного мнения свидетельствуют, что в регионах постсоветской России формируется весьма неоднозначное восприятие миграционных процессов (внешних и внутренних). С одной стороны, экономика и демография регионов, как и страны в целом, испытывает объективную потребность в постоянном притоке мигрантов. С другой стороны, в массовом сознании, СМИ и научной литературе с миграцией связываются серьезные опасения, обусловленные как реальным влиянием мигрантов на межэтнические, межконфессиональные отношения и структуру экономики, так и активным тиражированием штампа «миграционного нажима». В таком контексте анализ вопросов, связанных с особенностями восприятия миграционной ситуации и индекса

антимигрантских настроений в региональном российском социуме (Хакасия, Тыва, Алтай), обладает как академической, так и практической значимостью.

Специалисты и эксперты отмечают, что в последние годы в структуре миграции в Саяно-Алтайский регион, как официальной, так, вероятно, и реальной, увеличивается доля выходцев из бывших советских республик [2, С. 115–119]. В то же время в сознании жителей региона присутствует устойчивый стереотип китайского миграционного нажима. С целью анализа отношения жителей региона к мигрантам в 2016 г. нами было проведено социологическое исследование. В ходе анализа результатов опроса установлено, что порядка 37% респондентов относятся к факту миграции из бывших советских республик (Таджикистан, Киргизстан, Узбекистан, Казахстан и др.) отрицательно. Несколько меньше опрошенных (35%) выказали безразличное отношение к трудовым мигрантам из указанных стран. Положительное отношение к факту Центрально-азиатской миграции в регион отметили порядка 13,5% [3].

Отношение к миграции из Китая остается стабильно негативным (относятся отрицательно – 34%, безразлично – 35,2%, положительно – 14,7%). Отмечаемое объективное снижение потока мигрантов из Китая с одной стороны, и усиление притока мигрантов из ряда Центрально-азиатских республик (в первую очередь из Киргизии), активно осваивающих ранее занятые местным населением экономические ниши с другой стороны, практически не повлияли на негативное восприятия китайских трудовых мигрантов. Иными словами, стереотип массового сознания о «китайском миграционном нажиме» не изжил себя.

Не нашел своего подтверждения и тезис о значительной опосредованности негативного восприятия мигрантов их влиянием на социально-экономическую ситуацию. Восприятие населения региона миграционных потоков из Китая и Центральной Азии во многом характеризуется тем, что в мигрантах усматривается не столько угроза усиления экономической конкуренции, сколько фактор, непосредственно воздействующий на состояние межнациональных (межэтнических) отношений. В частности, миграцию как основную причину обострения межэтнокультурной напряженности в регионе отметили 28,9% опрошенных. По своему «конфликтогенному заряду» миграция в сознании жителей региона практически равна «бытовому национализму» (31%) и значительно опережает «политическую нестабильность» (14,6%), «ухудшение экономической ситуации» (11,4%) [1, С. 55].

В заключении отметим, что Саяно-Алтай был и останется регионом притяжения мигрантов. Экономика региона объективно нуждается в их притоке. В то же время, в массовом сознании миграция продолжает стереотипно восприниматься как одна из основных причин напряженности межнациональных отношений по факту своего наличия.

Литература

1. Аксютин Ю. М., Евдокимов А. И., Захарова А. А., Кочина Е. А. Российская национальная идентичность: новые риски и способы преодоления (на примере Южной Сибири). Уфа, 2016. 118 с.
2. Евдокимов А. И. Оценка факторов межэтнической напряженности в республиках Саяно-Алтая (анализ результатов социологического исследования 2016 года) // Конфликтология и конфликты в современном мире. 2017. С. 115-119.
3. Социологическое исследование (2016 г.) в рамках гранта Президента РФ по проекту: «Российская гражданско-национальная идентичность: новые риски и способы преодоления (региональная модель)». Соглашение № 14.Z56.15.6746-МК. Выборочная совокупность – 1000 чел. (Тыва – 290 чел., Хакасия – 520 чел., Алтай – 190 чел.).

АНАЛИЗ МЕТОДОВ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ МАТЕРЕЙ

М.Е. Анферова

ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)», г. Челябинск
doroninadme@mail.ru

Социально-экономическая трансформация общества влияет на практику повседневной жизни, следствием чего является изменение социальных отношений, в т. ч. в области семьи, семейной политики, а также социальной защиты материнства и детства, поскольку в сложных социально-экономических условиях современности институт семьи становится наиболее уязвимым. Происходит падение социального потенциала семьи, престижа семейных ценностей, увеличение числа несовершеннолетних матерей.

В полной мере судить о том, как обстоят дела с ранним материнством в России, сегодня очень сложно, поскольку в официальной статистике данные о числе беременностей, абортов и родов в среде несовершеннолетних отражаются очень слабо. Что касается официальных статистических отчетов Росстата, то в них несовершеннолетние матери, родившие ребенка, не выделяются в отдельную группу, а рассматриваются вместе с совершеннолетними матерями 18-19 лет [6].

Необходимость оказания помощи молодым мамам не вызывает сомнения. Чаще всего – это одинокие матери, выросшие в неблагополучных семьях.

Однако работа по оказанию социальной поддержки данной категории осложняется отсутствием нормативно-правовой базы. На уровне

государства пока не принято ни одной целевой программы, ни одного нормативного документа, который бы определял основы и правовое поле работы с юными матерями. Поэтому в стране фактически отсутствует единая государственная система социальной помощи и поддержки несовершеннолетних, столкнувшихся с проблемой незапланированной беременности. Семейный кодекс РФ [0], закрепляя за несовершеннолетними матерями и отцами права на совместное проживание с ребенком и на участие в его воспитании, не отвечает на самый главный вопрос: как несовершеннолетний ребенок может в реальности эти права реализовать, если он не закончил учебу, не имеет самостоятельного заработка, не овладел профессией и не может устроиться на работу.

Отчасти решение этого вопроса берет на себя система образования России. Так, учреждение для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи, создается для детей и подростков от 3-х до 18 лет и реализует программы общеобразовательные (основные и дополнительные) и начального профессионального образования. [0].

Проблемы, связанные с ранним материнством, обсуждаются в рамках различных научно-практических конференций, в условиях высших учебных заведений, готовящих специалистов по социальной работе и медицинских работников. В качестве примера можно привести проект, разработанный преподавателями и студентами Российского университета дружбы народов, – «Репродуктивное здоровье и профилактика абортот». Спонсором данного проекта выступило АО «Химический завод «Гедеон Рихтер» (Венгрия). В рамках проекта проведены исследования социальной ситуации, в которой оказываются юные матери после рождения ребенка, выявлены особенности осознания ими собственного материнства и др. Результаты этих исследований были представлены в рамках Международной научно-практической конференции «Репродуктивное здоровье и контрацепция в XXI веке» [4].

Интерес представляет опыт работы с юными матерями Алтайской общественной организации «Центр социальной поддержки и защиты граждан «Милосердие», которая работает по программе помощи несовершеннолетним мамам. Сегодня она является практически единственной в Сибири структурой, на базе которой создан центр «Юные матери» – информационно-консультативная служба для матерей-подростков и их детей. В Центре несовершеннолетних мам бесплатно консультируют юрист, психолог, на его базе работает пункт приема вещей для дальнейшей раздачи их особо нуждающимся несовершеннолетним, имеющим детей.

В Санкт-Петербурге специально для обеспечения социальной поддержки несовершеннолетних матерей открыт и успешно работает уже на протяжении нескольких лет приют «Маленькая мама». Приют является

государственным учреждением и работает как филиал ГУ СРЦ «Воспитательный дом». Приют предоставляет несовершеннолетним беременным и юным матерям возможность проживания в приюте сроком до года, а также оказывает им психологическую, медицинскую и социально-правовую помощь. Молодые мамы постоянно проживают там со своими малышами. [5].

Во многом заслуга в создании этого приюта принадлежит Финляндии, поскольку проект получил поддержку Министерства социального обеспечения и здравоохранения Финляндии, Совета министров Северных стран и Министерства иностранных дел Финляндии. Мэрия Хельсинки и Администрация Санкт-Петербурга сотрудничают в области защиты детства. В ходе совместной работы финских общественных объединений и российского приюта «Маленькая Мама» регулярно проходят обучающие семинары, круглые столы и конференции по обмену опытом в области социально-психологической реабилитации несовершеннолетних матерей. Несмотря на сравнительно небольшую пропускную способность приюта (одновременно в нем может находиться не более 10 несовершеннолетних матерей), можно говорить о большой социальной значимости этого учреждения. За время существования приюта «Маленькая мама» с 1998 г. через него прошли около 250 юных матерей и их детей.

Таким образом, появление проектов, программ, организаций, деятельность которых направлена на решение проблемы юного материнства, говорит о постепенном ее осознании. Результаты реализации таких проектов показывают, что юные матери получают реальную помощь, которая способствует их выходу из трудной жизненной ситуации, в которой они оказались. Важным шагом на пути решения данной проблемы может стать официальное введение такой социальной категории, как «несовершеннолетние матери».

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. №223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №1. – Ст. 16.
2. Боряк В.П. Социально-медицинская работа с различными группами населения. Пятигорск: РИА-КМВ, 2014. – 143 с.
3. Гернега К.С., Анферова М.Е. Формы и методы социокультурной деятельности как основной инструмент помощи неполным семьям // Всероссийская психологическая сессия: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции/ Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2017. – С. 79–83.
4. Кокоренко В.Л. Социальная работа с детьми и подростками. М.: Академия, 2014. – 253 с.

5. Новичкова И.Ю. Социальная работа с молодежью: региональный опыт. Саратов: Наука, 2015. – 130 с.
6. Плотникова Е.С. Проблематизация несовершеннолетнего материнства в системе российской социальной работы: монография. Нижний Новгород: НИСОЦ, 2015. – 196 с.

ГРАЖДАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Л.Н. Батьянова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск
batyanova.ekaterina@mail.ru

Современная ситуация, сложившаяся в российском обществе, позволяет говорить о новых институциональных формах развития гражданского общества, обусловленных демократическими преобразованиями. Параллельно с этими процессами происходит формирование институциональных барьеров, которые проявляются в отсутствии чувства социальной защищенности и безопасности, низком уровне доверия к органам власти и новым институциональным формам гражданского общества, низкой самоорганизации граждан и гражданской активности как таковой.

Вовлечение общественности в социально-политический процесс является одним из ключевых моментов построения гражданского общества. Но именно эта часть общественного развития в нашей стране выражена недостаточно [5]. Безусловно, построение гражданского общества – это длительный процесс, включающий в себя трансформацию экономических, политических, культурных, правовых и иных сфер жизни общества.

В этих условиях общество нуждается в изучении новых институтов и форм развития гражданского общества, которые расширяют возможности правового поля Российской Федерации и общемировые процессы глобализации. На современном этапе активное включение общественности в функционирование различных институтов гражданского общества позволит выйти на новый уровень общественного воспроизводства. Одновременно с этим необходимо проводить анализ развития и функционирования уже созданных институтов гражданского общества на муниципальном и региональном уровне, что позволит оценивать уровень самоорганизации и гражданской активности населения на конкретной территории.

Различные аспекты институционализации гражданского общества изучались как классиками, так и современниками [4]. Гражданское общество создается людьми и функционирует не только в политико-правовой сфере. Его сущность и жизнеспособность в значительной мере определяют экономика и господствующая форма собственности, а также

социокультурные установки и общественные представления, доминирующие в обществе [3].

Из всего спектра групп интересов, существующих в современном российском обществе, повышенным вниманием со стороны исследователей пользуются группы, действующие в экономическом поле. Данное обстоятельство вполне объяснимо, учитывая степень сравнительного влияния групп интересов на основной объект их воздействия – власть. Т. Парсонс говорил о том, что «положение коллектива или индивида в стратификационной системе измеряется уровнем его *престижа* или способностью оказывать *влияние*, которое состоит в способности добиваться от других социальных агентов желаемых решений, и должно действовать через убеждение объекта воздействия в том, что то решение, которое внушает ему субъект влияния, означает действие в интересах коллективной системы, с которой оба они солидарны» [2]. Отсюда и проблема – получается, что реальными возможностями воздействия на принятие управленческих решений в современном российском обществе обладают те структуры гражданского общества, которые ориентированы, прежде всего, на достижение своих корыстных интересов, и чья деятельность, по сути, также проходит под знаком ориентации на ренту, т. е. не конструктивна в долгосрочной перспективе. В любом случае эти группы обладают достаточным влиянием и, следовательно, *престижны*, если следовать подходу Парсонса.

Самыми влиятельными группами интересов в современной России эксперты чаще всего называют: из региональных групп – Московскую, Северо-Западную, Тюменскую и Уральскую; из отраслевых – «Газпром»; «ЛУКОЙЛ», «ЕЭС России»; «Норильский никель»; «Алмазы России – Саха»; из финансовых – Сбербанк России, Внешторгбанк, Мосбизнесбанк, Промстройбанк; из формализованных объединений групп интересов – Российский союз промышленников и предпринимателей – РСПП (называемый зачастую «профсоюзом олигархов»), Федерация товаропроизводителей (ФТП), Торгово-промышленная палата РФ, Общероссийское объединение «Круглый стол бизнеса России» (КСБР), Конгресс российских деловых кругов и др.

Учитывая зафиксированный исследователями феномен дихотомии группового престижа и пафоса [1], мы вправе сделать вывод о том, что остальные группы интересов, действующие вне экономического поля и мотивированные не собственной корыстью, а неким ценностным комплексом более высокого порядка, культивируют групповой пафос и стремятся сохранить свою известную интегрированность. Но кто прислушивается сегодня к мнению союзов писателей, кинематографистов, художников и других творческих объединений? Кого тронет сейчас пафос правозащитной риторики из уст диссидентов? Кем будут услышаны призывы к

нравственному совершенствованию и духовному росту со стороны тех или иных церквей? Кого могут мотивировать на серьезные размышления и тем более – действия, декларации профсоюзных организаций? Очевидно, что влияние этих и других более-менее организованных групп интересов на российскую власть любого уровня достаточно ограничено сегодня. Вместе с тем данные группы продолжают позиционировать себя в качестве влиятельных и авторитетных, что, по всей видимости, является проекцией именно пафосного самоощущения их представителей.

Литература

1. Батьянова Л.Н., Иванов Р.В. Социально-политические основы развития гражданского общества. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017.136с.
2. Батьянова Л.Н. Мотивация гражданской активности // Актуальные проблемы российского общества в контексте новых вызовов современности. Всероссийская научно-практическая интернет-конференция. Вологда, ИСЭРТ РАН, 2017. С. 106-114.
3. Борисова Ю.В. Образ города как стратегия развития (на примере Иркутска) // Урбанистика. 2017. № 3. С.81-92.
4. Борисова Ю.В. Стратегическое развитие территории // Социология. 2017. №4.С. 160-169.
5. Полюшкевич О.А., Попова М.В. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Урбанистика. 2017. №3. С.117-134.

РЕСУРСЫ МАНИПУЛЯЦИИ РЕКЛАМЫ И СВОБОДА ПРИНЯТИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РЕШЕНИЙ

В.А. Бебешко

Новосибирский государственный университет экономики и управления
г.Новосибирск
fury11shaman@gmail.com

Манипуляция – это вид психологического воздействия, которое ведёт к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его существующими желаниями. Манипуляция человеком осуществляется на уровне психических и психологических процессов. Рекламная деятельность призвана побуждать целевую аудиторию к тем или иным действиям: обратиться за услугой, купить товар и др. Именно поэтому реклама также может рассматриваться с точки зрения психологических воздействий, как инструмент социального влияния на принятие потребительских решений.

Проблема свободы принятия потребительских решений, социального влияния на эти решения в психологии и философии рекламы как отрасли научного знания связана с этикой, так как любое воздействие, влияние на решение потребителя извне предполагает изменение сознания и предпочтений человека, является ограничением или препятствием к свободе выбора. Б.Ф. Скиннер утверждает, что абсолютной свободы выбора не существует и не может существовать, т.к. каждый человек в той или иной мере зависит от решений других людей. В докладе раскрывается проблема свободы принятия решений, ее этические, моральные аспекты, а также приводится аргументация необходимости и оказания положительного эффекта рекламной деятельности в реалиях современной жизни.

Проблема этики в вопросе воздействия на принятие решений в рекламной сфере до конца неизученный вопрос, при этом один из самых важных и сложных. До сих пор не определена возможная и допустимая степень психологического влияния рекламы на сознание и действия потребителей. В связи с этим в рекламной сфере присутствует жесткая конкуренция среди рекламодателей, именно поэтому необходимо совершенствовать ресурсы манипуляции потребительскими решениями, не выходя за обозначенные законом и собственными убеждениями рамки этики.

Сегодня каждая компания имеет собственный сайт (internet-проект). Во-первых, сайт придает солидность компании, увеличивает степень доверия потенциальных клиентов, во-вторых, треть всех потенциальных клиентов ежедневно совершает покупки или заказывает услуги с помощью интернета, а, значит, необходимо найти способ привлечь людей на свой ресурс. Сайты являются не просто визитной карточкой, они представляют компанию в Интернете, а также являются каналом получения прибыли. Но часть сайтов имеют множество посетителей и приносят прибыль, а другие пустуют. В этом помогает продвижение сайта в сети, в том числе контекстная реклама. Контекстная реклама – тип интернет-рекламы, при котором рекламное объявление показывается в соответствии с содержанием, контекстом интернет-страницы. Она действует избирательно, отображаясь только тем посетителям интернет-страницы, у которых интересы могут совпадать или пересекаться со сферой рекламируемого товара. В докладе раскрывается значение контекстной рекламы для бизнеса компании, описываются различные психологические методы манипуляции потребительскими решениями подобранной целевой аудитории, приводятся удачные и неудачные примеры использования определенных психологических способов влияния на потребителя.

Литература

1. Кожушко, О.А., Чуркин, И., Агеев, А. Интернет-маркетинг и digital-стратегии. Принципы эффективного использования : учеб. пособие / О. А.

- Кожушко, И. Чуркин, А. Агеев и др. ; НГУ, Компания «Интелсиб». – Новосибирск : РИЦ НГУ, 2015. – 327 с.
2. Лебедев, С.А. Основы философии науки / под ред. проф. С.А. Лебедева : учебное пособие для вузов. – М.: Академический Проект, 2005. – 544 с.
3. Степин, В.С. Философия науки и техники – В.С. Степин, В.Г. Горохов, М.А. Розов. М.: Гардаки, 1996 г. – 512 с.
4. Юрасов, А.В. Основы электронной коммерции. / А.В.Юрасов. - Учебник для вузов. - М.: Телеком, 2008. – 480 с.
5. Эймор, Д. Internet-магазины и закупочная деятельность /Д. Эймор – Учебное пособие. - М.: Вильямс, 2001. – 302 с.
6. Ездаков, А. Российские электронные витрины / Сети. 1998. № 9.
7. Макаров, В. В. Развитие интернет-коммерции / В. В. Макаров, Ю. О. Колотов - Экономический анализ: теория и практика. - 2009. - № 26. - С. 60-64.
8. Бесхитров Павел, Руководство по таргетированной рекламе [Электронный ресурс] URL: http://www.4satellite.ru/Book_TargetAdv.pdf, дата обращения 25.05.2017.
9. SEO: Поисковая Оптимизация от А до Я . Учебник для начинающих [Электронный ресурс] URL: <http://www.sbup.com/seo-a-z.php>, дата обращения 25.05.2017.
10. Вся правда о контекстной рекламе, серия книг «Спроси INGATE».

К ВОПРОСУ О РЕЦЕПЦИИ БУДДИЗМА В КИТАЕ

А. А. Бернюкевич

НИУ Высшая школа экономики, г. Москва

aabernyukevich@gmail.com

Буддизм является одним из важнейших религиозных и идеологических течений в Китае, который оказывал значительное влияние на все сферы жизни китайского народа в течении двух тысяч лет. Многоуровневая буддийская теория познания, интерпретированная различными школами, не только охватывает сферу интеллектуальной деятельности человека и позволяет выявить особенности религиозного мышления и поиска «истинного знания» в китайской философии, но и играет ключевую роль в формировании государственности и социальных институтов. Так, в VI в. н.э. буддизм становится официальной религией и прочно закрепляется в качестве элемента тройственной синкретической духовной модели китайцев. В контексте культурно-исторического развития Поднебесной проникновение и адаптация учения представляет собой достаточно сложное явление, что обуславливает необходимость

проанализировать формы взаимодействия буддизма с другими философскими и религиозными направлениями.

Следует отметить, что процесс проникновения и адаптации буддизма в Китае характеризуется своей долговременностью и поступательностью. Восприятие буддизма, заимствование мировоззренческой и религиозной индийской системы и последующее распространение по другим странам Дальнего Востока можно обозначить как первую стадию зарождающейся межкультурной коммуникации. В результате буддизм не просто успешно вписался в общий культурный фон нескольких восточных стран, в том числе Китая, но и претерпел многочисленные деформации, а также подверг своему влиянию традиционные верования различных народов.

Взаимодействие буддизма с другими религиями подразумевало некоторую диффузию в разной степени по мере включения его в китайскую культуру. В целом, выделяют три уровня трансформации и адаптации буддизма. Начальный уровень – это проникновение буддизма в китайскую народную культуру. Следующий этап – оформление даосско-буддийского культа в эпоху династии Хань. На заключительном этапе появляется собственная китайская буддийская литература [5, С. 69-71].

Кроме того, некоторые ученые настаивают на ключевой роли определенных сходств между индийским буддизмом и традиционным китайским мировосприятием [6, С. 193-212], а другие выстраивают аргументацию в поддержку отличительных черт. Так, заметными расхождениями буддизма и традиционной картины мира Поднебесной являются: десакрализация космоса, трехсоставная модель вселенной, действие как причина жизнедеятельности человека с его страданием и непостоянством, освобождение из цикла сансары и монашеский идеал, который способен привести к нирване. В то время как китайская космология отличается натурализмом, отсутствием представлений о множественности или ступенчатости космических циклов, выраженной китаецентричностью, культом семьи и предков [4, С. 202]. Следовательно, можно говорить о факте гетерогенности буддизма как о движущей силе его адаптации, когда выделение «особого китайского буддизма» стало компромиссом между инородной буддийской философией и самобытными китайскими воззрениями.

На первом этапе освоения буддизма монахи сталкивались с многочисленными проблемами на почве перевода и с понятийным аппаратом, а в дальнейшем сложности возникают с непосредственным обоснованием и включением религиозной системы в один из пластов культуры. Идеологам буддизма пришлось вступить в многовековую полемику с представителями двух других крупнейших религиозно-философских учений Китая – даосизма и конфуцианства, результатом

которой стала трехкомпонентная система «сань цзяо», занимающая устойчивую позицию в духовной жизни китайцев и по сей день [2, С. 2].

Вопрос аутентичности китайского буддизма также вызывает множество споров. Часть религиоведов и синологов склонна считать, что индийский буддизм в первозданной форме не нашел своего места в Китае совсем, но его позицию занял новый буддизм, подстроенный под менталитет жителей Поднебесной. Школой, которая в большей степени приняла буддизм в его классическом виде, признается чань. Однако и она, по мнению академика Маслова, после разделения на северную и южную стала пренебрегать рациональной стороной буддизма и максимально увлеклась медитативной практикой [3, С. 22]. Примечательным является и то, что изначально чаньские монахи протестовали против любых ритуалов и догматов: они странствовали по миру и стремились к божественной природе. Но в династию Тан, когда стали появляться крупные чаньские монастыри, их учение обрело упорядоченную нормативную форму [1, С. 709-712].

Буддизм занял положение родственного китайским религиям и дополняющего их практического учения, ориентирующего личность на правильный жизненный путь и истинные человеческие ценности. Уже существовавшие в то время в Китае религиозно-философские течения послужили проводником буддизма, который проник в культуру за счет заимствования некоторых элементов и категорий из аутентичных китайских направлений. Некоторое напряжение исходило от крепко стоявших на своих позициях даосизма и конфуцианства, однако и они стали «донорами» ряда понятий и толкований для индийской религии, а позднее вместе с буддизмом образовали базис китайского общества, культуры, социально-политической сферы и получили название синкретического комплекса «сань цзяо».

Литература

1. Главева. Д. Г. Чань-цзун / Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост. лит., 2006 – . Т. 2. - 869 с.
2. Зельницкий А. Д. Концепция единства «трех учений» как основа позднесредневекового религиозного синкретизма в Китае: доклад, прочитанный на заседании общества «Традиции Востока». С. 2.
3. Маслов А. А. Классические тексты Дзэн. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 205 с.
4. Торчинов Е. А. Китайская картина мира и буддизм (к вопросу о характере взаимодействия культур Китая и Индии). – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000.
5. Урбанева И. С. Становление тибетской и китайской махаяны: в контексте проблемы аутентичного буддизма. – Улан-Уды: БНЦ СО РАН, 2014. С. 69-71.

6. Янгутов Л. Е. Традиции Празднания парамиты в Китае. – Улан-Удэ: БГУ, 2007. С. 193-212.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ИНКЛЮЗИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

К.В. Болгова

ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)», г. Челябинск
kristi1996@mail.ru

Эволюция социальной системы рождает новые феномены сознания человека. Инклюзия – концепция социальная. Образование как один из социальных институтов находится под ее влиянием. Отечественному образованию потребуются серьезные изменения, чтобы ответить на этот вызов. Это не только приведение системы образования в соответствие закону, не только реализация государственных программ, связанных с внедрением доступной среды, но и качественное изменение мировоззрения руководителей, профессионального мышления педагогов, общественных стереотипов родителей. Социальные изменения на уровне ценностных, нравственных оснований меняют методологические основы образовательной деятельности, рожают новое осмысление ее отношений.

Инклюзия предусматривает для человека с особыми потребностями не ограничиваемое участие и свободу выбора его меры, форм и способов во всех социальных процессах, на всех ступенях образования, в процессе досуга, на работе, в реализации различных социальных ролей и функций.

Невозможно не заметить актуальность данной темы, ведь сейчас, к сожалению, в нашем мире количество людей, и зачастую детей, с ограниченными возможностями здоровья, растёт. Важно отметить, что идеи гуманизации, переосмысления человеческих ценностей, уникальности человеческой личности являются основными составляющими идеями инклюзивного миропонимания.

Данной проблемой занимались многие психологи, философы, социологи. Большой вклад в развитии данной темы внесли Е.И. Пурыгина, М.С. Староверова, Т.В. Тимохина. Авторы отмечают, что инклюзия достижима в той социальной среде, которая готова к восприятию самой этой идеи.

Каждый человек в нашей стране имеет право на образование, в том числе и человек с ОВЗ. Успешное введение инклюзивного образования возможно лишь в обществе, обладающем здоровой нравственной основой. А в данный момент, сложилась ли такая нравственная основа в нашем обществе? Готово ли сейчас молодое поколение к такому ответственному

шагу, как инклюзия? Данными вопросами задаются многие социологи, психологи, педагоги, что говорит нам о повышенном интересе к данной теме. Исходя из вышесказанного, нами была поставлена цель – выяснить понимание проблемы инклюзии среди современной молодёжи.

Проведение в жизнь идеи инклюзии, изменение образовательной практики в соответствии с ее принципами – задача, сложная для всех, кто включен в эту сферу. Принципы инклюзии определяют новую парадигму образовательных отношений и ориентируют на гуманистический характер образования. Идея включения требует не только «включить», но и «включиться» в процесс взаимодействия с другими, научиться быть открытыми для общения, видеть необходимость своих изменений, уметь принять особенности и отличия других людей. Именно эти психологические задачи кажутся самыми сложными при построении инклюзивной культуры образовательных организаций.

Важным и прогрессивным шагом в развитии ценностных основ образования стало определение инклюзивного образования как «обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей». На все эти вопросы ответил закон «Об образовании в Российской Федерации» в разделе «Основные понятия», сняв проблему терминологии, так как в содержании документа даны основные понятия, связанные с развитием инклюзивного процесса в образовании. С вступлением его в силу проблема инклюзии потеряла свою политическую окраску и стала реальной профессиональной задачей педагогического сообщества.

Идея инклюзии подразумевает, что не ребенок должен готовиться к включению в систему образования, а сама система должна быть готова к включению любого ребенка.

В самом широком ее понимании она предполагает, что у каждого ребенка есть потенциал быть принятым в пространство школы. Построение инклюзивного образовательного сообщества основывается на изменении отношения к различиям обучающихся, опоре на их индивидуальные особенности, на поиске социальных форм сплоченности и принятия, взаимопомощи и поддержки в учебном процессе. Реализация инклюзивного подхода в образовании вновь актуализирует вопрос, что именно является основной целью образования для всех детей, как-то: приобретение академических знаний, максимальная реализация способностей или социализация и адаптация к жизни в обществе.

Важным для понимания природы инклюзивности является утверждение ЮНЕСКО, что «инклюзивное образование – это динамически развивающийся процесс». Не факт, не событие, не отчетный показатель, а процесс развития и изменений политики, культуры и практики образования

на основе принципов инклюзии. Вследствие неясного понимания смыслов и природы инклюзии вопрос неготовности к инклюзивному образованию приобретает некоторую мифологизацию. Первый миф – «общество не готово». Нет, времена меняются, происходит понимание, что мы все разные. Второй – если мы создадим доступную среду, все будет хорошо. Это не так. Доступность – это не только доступ к зданию или внутри него, это прежде всего доступность социального свойства, доступность взаимоотношений. Третий миф – учитель не готов. Это проблема общего плана, связанного с изменениями. Учитель не готов к реализации ФГОС, к инклюзии, к новому профессиональному стандарту. Вопрос готовности необходимо рассматривать не как проблему, а как задачу. Осознание неготовности не может остановить процессы развития и изменений.

Принципы инклюзии формируют гуманистическую парадигму современного образования и новую модель построения образовательных отношений. Они были сформулированы и закреплены международной Декларацией:

- 1.Ценность человека не зависит от его способностей и достижений.
- 2.Каждый человек способен чувствовать и думать.
- 3.Каждый человек имеет право на общение и на то, чтобы быть услышанным.
- 4.Все люди нуждаются друг в друге.
- 5.Подлинное образование может осуществляться только в контексте реальных взаимоотношений.
- 6.Все люди нуждаются в поддержке и дружбе ровесников.
- 7.Для всех обучающихся достижение прогресса скорее может быть в том, что они могут делать, чем в том, что не могут.
- 8.Разнообразие усиливает все стороны жизни человека.

Интериоризация смыслового контекста принципов инклюзии рождает новое осознание ценностей образования и его смыслов, меняет привычное понимание роли и результатов образования в жизни человека. Гэрри Банч, обсуждая тему развития инклюзивного образования в России, сказал: «Вы должны научиться инклюзивно мыслить, тогда сможете сделать образование инклюзивным».

Литература

1. Алехина С.В. Принципы инклюзии в контексте развития современного образования // Психологическая наука и образование. 2015. №1. – С. 127-188.
2. Гернега К.С., Дубовская Д.А. Проблема доступности высшего образования для людей с ограниченными возможностями здоровья // Материалы III Международной научно-практической конференции «Университет XXI века в системе непрерывного образования» 12-13 октября 2017. Челябинск, 2017. – С. 100-104.

3. Пургина Е.И. Философские основы инклюзивного образования в контексте специального федерального государственного образовательного стандарта для детей с ограниченными возможностями здоровья // Педагогическое образование в России. – 2015. № 2. – С. 221-227.
4. Чиннова С.В. Инклюзивное образование – путь к толерантному обществу :библиографический указатель / С. В. Чиннова. Мурманск : МГГУ, 2016. – 51с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Ю.В. Борисова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск
borisovaylia@mail.ru

Теоретическая и практическая разработанность вопроса территориального развития крайне противоречива, из-за того, что существует множество заинтересованных акторов (властных, интеллектуальных, профессиональных и многих других), не позволяющих прийти к единой концепции. Чтобы такая концепция родилась необходимо прийти к балансу сил и ресурсов, условий и механизмов, которые позволят встроиться в общую систему развития страны.

Территориальное развитие не однородная, не линейная, сложноподчиненная система, которая требует постоянного мониторинга и контроля. Ключевым элементом ее возникновения и развития являются представления населения о территориальном развитии того пространства, где они живут.

Изучив разнообразные источники по данной теме, их можно типологизировать следующим образом.

Первая группа – объединяет исследования, с территориально-демографической основой развития территории. Она объединяет работы, включающие в себя изучение динамики населения, их качества и количества, а также влияния на развитие территории (А.Г. Мазаев [9], Л.И. Малюк [10], Л.А. Овчинцева и М.А. Котомина [12], В.Н. Дьяченко и Е.А. Бурлаев [4], А.Ч. Кылыгдай [7] и др.).

Вторая группа – концентрирует исследования направленные на стратегические инновационные формы развития территории. Она обобщает исследования, нацеленные на социально-экономические инновации, которые приводят к развитию территории (Р.А. Дикий и др. [3], Н.В. Бекетов [1], А.С. Ильин [5], А.П. Соколов [19] и др.).

Третья группа – обобщает работы, затрагивающие социальные аспекты территориального развития, касающиеся как социально-психологических

характеристик больших групп (выделенных по национальному, культурному или иному признаку на определенной территории), так и индивидуальных стратегий социальной адаптации (О. Кузнецова [6], Е.А. Лубашев [8], О.А. Полюшкевич [13, 14, 15], В.А. Скуденков [18] и др.).

Четвертая группа рассматривает исследования, касающиеся имиджевых и брендовых основ развития территории. Примером могут служить работы Ю.В. Борисовой [2], М.В. Поповой [16, 17], Л.Н. Мозуль и Т.Ю. Сазоновой [11] и др.).

Таким образом, развитие территории может по-разному трактоваться, иметь не одинаковые формы реализации и конечную цель воплощения. В нашей работе представляются результаты исследования представлений населения региона о территориальном развитии, а также о формах и механизмах социальной адаптации жителей региона.

Литература

1. Бекетов Н.В. Региональные проблемы формирования национальной инновационной системы // Региональная экономика: теория и практика. 2004. – № 12. – С. 5-11.
2. Борисова Ю.В., Попова М.В. Введение в маркетинг территории : учеб. пособ. Иркутск, Изд-во ИГУ. 2017. – 146 с.
3. Дикий Р.А., Кабакова С.О., Остапенко Н.Н., Федоров А.С. Проблемы и перспективы внедрения современных форматов территориального развития в регионах Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. 2016. – № 11-4 (76-4). – С. 261-272.
4. Дьяченко В.Н., Бурлаев Е.А. Демографический аспект устойчивого развития приграничных территорий в условиях Дальнего Востока // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2016. – № 10 (92). – С. 19.
5. Ильин А.С. Стратегическое управление территориальным развитием России: технологический уклад и этернизация // Научное обозрение. 2014. – № 6. – С. 303-309.
6. Кузнецова О. Социальные аспекты федеральной региональной политики // SPERO. Социальная Политика: Экспертиза. Рекомендации. Обзоры. – 2008. – № 9. – С. 23-36.
7. Кылыгдай А.Ч. Демографическая ситуация в приграничных регионах Южной Сибири // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. – № 5. – С. 54-59.
8. Лубашев Е.А. Теоретические основы социального развития регионов // Научно-аналитический журнал Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2013. – № 3. – С. 155-160.
9. Мазаев А.Г. Системное представление миссии развития территориальной системы расселения на примере Уральского федерального

- округа // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2016. – № 1 (28). – С. 11-15.
10. Малюк Л.И. Комплексное развитие сельских территорий - социально-демографический аспект // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2013. – № 7 (11). – С. 319-322.
11. Мозуль Л.Н., Сазонова Т.Ю. Роль имиджа в формировании конкурентоспособности территории // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. – № 3. – С. 104-107.
12. Овчинцева Л.А., Котомина М.А. Демографический аспект устойчивого развития сельских территорий // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Экономические науки. 2012. – № 2. – С. 95-101.
13. Полюшкевич О.А. Потенциал адаптации жителей региона к модернизационным процессам в стране // Baikal Research Journal. 2010. – № 5. – С. 116-119.
14. Полюшкевич О.А. Социокультурная преемственность и консолидация общества // Социология власти. 2011. – № 4. – С. 59-66.
15. Полюшкевич О.А. Трансформация социальной сплоченности российского общества: анализ социальных представлений // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2010. – № 5. – С. 167-173.
16. Попова М.В. Брендинг территории как инструмент консолидации общества // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Иркутск: Изд-во ИГУ. – 2016. – С. 222-224.
17. Попова М.В. Современное развитие территориального брендинга (на примере сибирских городов) // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы научно-практ. интернет-конф. – Вологда: ИСЭРТ РАН. – 2016. – С. 81-88.
18. Скуденков В.А. Лидерство и социальное развитие // Социально-гуманитарные знания. 2013. – № 2. – С. 180-184.
19. Соколов А.П. Теоретический подход к определению устойчивого сбалансированного развития региона // Финансовая экономика. 2016. – № 1. – С. 86-91.

ДИСКУРС PR-КОММУНИКАЦИИ

Е.С. Бутко

Кубанский Государственный Технологический Университет
butkohelen@mail.ru

Под пиарологией в литературе подразумевается теоретико-методологическая составляющая PR или, другими словами, – научная рефлексия в относительно живой практики PR-деятельности [2, С. 64].

Одним из центральных вопросов пиарологии является вопрос о сущности PR как профессиональной публичной коммуникации.

Публичными обычно называются коммуникации, обладающие статусом открытости и апеллирующие к общественным кругам или публике.

В современном обществе наблюдается расширение сферы функционирования публичных коммуникаций в связи с развитием масс-медиа и гражданского общества как адресной аудитории.

В литературе существуют различные определения понятия «публичная коммуникация». А.Д.Кривоносов в работе «PR-текст в системе публичных коммуникаций» приводит в качестве примеров ряд определений, данных зарубежными исследователями. Так, по мнению итальянского исследователя П.Манчини, публичные коммуникации – это «пространство символической деятельности общества, в котором вследствие социальной дифференциации, взаимодействуют и вступают в конкуренцию различные системы с целью утвердить свою точку зрения по вопросам общественного интереса»[5, С.112]. В данном определении, подчеркивается определенная символичность некоего публичного (общественного) пространства, где происходит процесс общественного дискурса, в который, что немаловажно, включаются различные субъекты публичной сферы, как институциональные, так и субстанциональные, с целью формирования определенного общественного мнения. Важно отметить, что публичные коммуникации, реализующиеся, в частности, через средства массовой коммуникации, используют реальное – не символическое пространство публичного обмена мыслями, суждениями.

По мнению Кривоносова, публичные коммуникации осуществляются в трех сферах общественной жизни: это политика, экономика, духовно-культурная сфера. Политические коммуникации занимают одно из самых активных мест в развитии общества на сегодняшний день. В их рамках происходит бурное развитие и PR-коммуникаций[1, С.59].

Под публичными коммуникациями стоит понимать процесс, в котором происходит воздействие на широкие круги масс с целью донесения информации самым эффективным образом. К нему относятся: образы мысли, картины мира, ценностные ориентации, формы и способы идентификации, мнения, символические и знаковые миры и др.

При этом под общественностью мы подразумеваем любую аудиторию, представляющую собой временную или устойчивую социальную общность, объединенную определенными интересами.

Основными разновидностями публичной коммуникации могут являться следующие: 1) педагогическая и культурно-просветительская деятельность; 2) открытая дипломатия, 3) публичные выступления и дебаты; 4) публичные политические акции; 5) PR-кампании и реклама; 6) массовые представления или шоу (театральные, концертные, спортивные,

фестивальные, телевизионные, уличные и др.); 7) религиозные мистерии, ритуалы и обряды; 8) светские (государственные, гражданские, корпоративные) мероприятия и ритуалы.

При определении PR в качестве разновидности профессиональной публичной коммуникации необходимо остановиться на вопросе о специфике PR-коммуникации.

В большинстве работ по данной проблеме PR характеризуется как прагматическая коммуникация по управлению общественным мнением и в этом смысле представляет собой некую разновидность менеджмента[4, С.89]. Существует также так доверительный подход, сторонники которого акцентируют внимание на том, что сущность PR-коммуникации состоит в установлении диалогических отношений, отношений взаимного доверия, гармонии между коммуникатором и адресной аудиторией[3, С.124].

Но каким бы образом различные авторы ни определяли специфику PR-коммуникации, все они так или иначе в процессе ее исследования выходят на проблему исходного методологического подхода или ключевой парадигмы, на базе которой каждый из них собирается выстраивать собственную теоретическую модель PR-деятельности.

В настоящее время в пиарологии можно встретить методологические установки, ядром которых являются разнообразные парадигмы – социологические, психологические, маркетинговые, семиотические и др.

Что касается парадигмы дискурс-анализа, т.е. рассмотрения PR-деятельности с позиции дискурсивного подхода, то такого рода исследований в пиарологии как таковой пока очень немного. К ним можно отнести работы И.П.Яковлева и М.А.Шишкиной, А.Д. Кривоносова.

В области политической пиарологии дискурсивный подход оказался более востребованным и популярным, что обусловлено нынешним состоянием политического вопроса и заинтересованности широких масс в его разрешении. Можно выделить целый ряд работ с применением данного подхода, в которых PR-деятельность рассматривается как составная часть политических коммуникаций и политического маркетинга.

С наибольшей интенсивностью дискурсивный подход развивается сегодня в сфере исследования медиа-коммуникаций. Здесь широко применяется специальный термин – «медиадискурс»[3, С.79]. Поскольку эффективная PR-деятельность сегодня невозможна без использования СМИ, то теоретический анализ разнообразных медиадискурсов логично и необходимо рассматривать в качестве важнейшей составной части изучения PR-дискурса.

В целом же, в современной литературе до сих пор мы не обнаружили сколько-нибудь целостной теоретической структурно-содержательной модели PR-дискурса, которая бы вобрала в свой научный арсенал

многообразные исследовательские достижения в области дискурс-анализа публичной коммуникации.

Для конструирования общей теоретической модели PR-дискурса необходимо дать самое общее определение PR-дискурса, которое бы зафиксировало его наиболее существенные черты как разновидности публичной управленческой коммуникации, применяя при этом обозначенные выше кратологический, коммуникативный и семиотический подходы.

В процессе работы над формулировкой данного определения мы решили взять за основу следующие взаимосвязанные по смысловой нагрузке постулаты:

С позиции кратологического подхода PR-дискурс представляет собой деятельность по производству и воспроизводству особой разновидности властного ресурса, который включает соединение власти с коммуникативной стратегией, направленной на достижение коммуникативного блага. Оно может представлять собой согласие, разрешение притязаний, взаимопонимания.

С позиции семиотического подхода PR-дискурс – это динамически активная знаковая система, формирующая единое смысловое поле в коммуникативном пространстве между организацией и группами общественности. В ходе конструирования данного смыслового поля посредством PR-дискурса задаются определенные матрицы ценностных ориентаций, значений слов и образов, складываются мифологемы и ритуалы, в соответствии с поставленными стратегическими целями.

Коммуникативный подход вбирает и объединяет в соответствии с коммуникативной парадигмой два предыдущих подхода, и потому может быть назван синтетическим.

С точки зрения синтетического коммуникативного подхода PR-дискурс представляет собой знаково-символическую деятельность, осуществляемую в публичном коммуникативном пространстве, в ходе которой реализуются взаимосвязанные функции: 1) функция формирования общественных отношений и 2) функция дизайна ментальных структур общественного сознания в соответствии с поставленными стратегическими целями PR-коммуникации.

В связи с тем, что PR-коммуникация является весьма разветвленными и многообразными, можно говорить о существовании различных видов и подвидов PR-дискурса. К примеру, в зависимости от отраслевой структуры PR, в отдельные комплексы можно выделить дискурсы PR-имиджирования и PR-брендинга, дискурсы корпоративной культуры, дискурсы медиарилейшинз, дискурсы государственных и общественных PR-структур и PR-кампаний.

Принимая во внимание, что в последнее время распространенным методом PR-деятельности является метод интегративного коммуникативного

подхода, своеобразного коммуникативного смешивания, предполагающего соединение в PR-стратегиях разнообразных коммуникативных приемов и технологий (рекламных, маркетинговых, переговорных, телемедийных, журналистских), вполне правомерно вести речь о таких подвидах PR-дискурса, как дискурс рекламы, телевизионный дискурс, дискурс прессы, дискурс маркетинга.

Практическая польза дискурс-анализа состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы PR-специалистом как для внедрения в общественное сознание определенных ценностных установок (политических, потребительских, корпоративных) в целях эффективной коммуникации, так и для противодействия образованию ментальных конструктов, обладающих разрушительной силой. Таким образом, оказавшись в сфере влияния PR-дискурса важно выделить все его главные составляющие и разграничить моменты его воздействия.

Литература:

1. Кривоносов А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. 2-е изд., доп. СПб., 2002.
2. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие. М., 2006.
3. Шишкина М.А. Паблик рилейшнз в системе социального управления. СПб, 1999.
4. Яковлева И.П. Основы теории коммуникации: учебное пособие. СПб., 2001.
5. Mancini. Three Models of Media and Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

ПРОЦЕСС РЕАЛИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ВУЗЕ

И.Н. Ватагина

ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)», г. Челябинск
iravatagina@yandex.ru

Одним из способов организации инновационной деятельности образовательных учреждений может выступать осуществление инновационной деятельности при взаимодействии с организациями частного сектора, на основе государственно- частного партнерства. В качестве представителя частного сектора в данном случае может выступать как коммерческая организация, так и некоммерческая негосударственная организация.

Со стороны государственного сектора в качестве участника большая роль отводится учреждениям высшего профессионального образования, так как именно у них имеются необходимые для инновационной деятельности ресурсы, включая соответствующее оборудование, интеллектуальный капитал, научные кадры. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики, более трети российских вузов выполняют научные исследования и разработки [4].

Развитие системы государственно-частного партнерства в области научно-технической деятельности во многом обусловлено с принятием Федеральных законов № 83 и 217. Благодаря последнему, вузы начали более активно использовать результаты своей интеллектуальной деятельности, совершенствовать системы управления объектами интеллектуальной собственности.

Федеральный закон № 83 позволил бюджетным учреждениям самостоятельно распоряжаться доходами и имуществом, полученными в результате работы созданных ими юридических лиц и иной, приносящей доход деятельности, что приведет к большей вариации механизмов государственно-частного партнерства в научной деятельности.

Нормативно-правовые акты, направленные на поддержку инновационной деятельности вузов, также способствовали развитию механизмов ГЧП в научно-исследовательской деятельности – это Указ Президента Российской Федерации «О реализации пилотного проекта по созданию Национальных исследовательских университетов» от 07.10.2008 г. № 1448, Постановление Правительства Российской Федерации от 09.04.2010 г. № 218 др.

Благодаря данным нормативным актам, в 2009–2010 гг. в вузах развивались механизмы совместных исследовательских проектов, создавались совместные научные лаборатории и центры, формировались объекты инновационной инфраструктуры.

В современных условиях важнейшим фактором эффективной инновационной деятельности вузов является наличие развитой инфраструктуры, позволяющей различным организациям и отдельным исследователям максимально полно использовать потенциал имеющихся баз данных и иных информационных ресурсов. Под инфраструктурой обычно подразумевается комплекс структур, обеспечивающих функционирование основных общественных или экономических механизмов [1] данного термина в области информационных технологий, инновационной деятельности привело к появлению категории инновационная инфраструктура. Для поддержания и развития инновационной инфраструктуры необходимо участие всех заинтересованных сторон: государства, исследовательских, учебных организаций, коммерческих организаций.

Еще одним важным компонентом элементом инновационной инфраструктуры можно считать также ресурсные центры. Дифференциация ресурсного центра не всегда понимается однозначно, и существуют различные подходы к его определению. Так, согласно одному из часто используемых определений ресурсный центр – это форма объединения, интеграции и концентрации ресурсов от различных собственников (государства, работодателей, образовательных организаций, физических лиц) [2].

Важным для понимания является то, что ресурсный центр соединяет самые разнообразные источники информации, в чем и заключается значимое отличие ресурсного центра от большинства информационных ресурсов, существующих в первую очередь в сети Интернет. По распространенной в России практике ресурсный центр (центр коллективного пользования) создается собственником ресурсов на инициативной основе, как правило, на базе государственного учреждения профессионального образования.

Создание ресурсных центров в России было связано с реализацией Концепции модернизации российского образования до 2010 г., которая подразумевала создание институтов, модернизирующих инфраструктуру образовательной и инновационной системы. В связи с этим в качестве актуальной задачи было объявлено создание общего информационного пространства на всей территории страны, закрепленное в федеральной целевой программе «Развитие единой образовательной информационной среды (2001–2005 гг.) – ФЦП РЕОИС.

Ресурсные центры стали создаваться с 2002 г. на базе открытых конкурсов в рамках ФЦП РЕОИС при поддержке администрации субъектов РФ и на основе лидирующих образовательных учреждений.

На данное время система ресурсных центров представлена 33 региональными ресурсными центрами и 4 специализированными, последние осуществляют централизованное обеспечение региональных центров, органов управления и учреждений образования по отдельным направлениям развития ЕОИС.

Эффективная модель территориально распределенного РЦ на первом этапе развития сети центров строится при наличии базового центра, как правило, находящегося в вузе-победителе открытого конкурса, и сети подцентров, создаваемых (партнерами-вузами, организациями, заинтересованными в создании ЕОИС региона) с учетом функциональной специализации по всей зоне ответственности ресурсного центра [3].

В целом, перечисленные элементы инновационной инфраструктуры вузов являются одним из приоритетных направлений сотрудничества образовательных учреждений и бизнеса.

С термином «инновационная инфраструктура» тесно связано понятие «экосистемы вуза». Экосистема вуза представляет собой

инновационную систему, элементами которой должны являться маркетинговый центр, бизнес-инкубатор, технологическая база, центр проверки концептуальных технологических решений и др.

Таким образом, институт государственно-частного партнерства является одним из важнейших катализаторов инновационных процессов в стране. От его развития зависит создание инновационной инфраструктуры вузов: бизнес-инкубаторов, центров коллективного пользования, центров трансфера технологий, малых инновационных предприятий и др.

Уникальная комбинация возможностей государственного и частного секторов, возникающая в ГЧП, и конкурсный процесс заключения контракта определяют высокий потенциал инновационных подходов к созданию инфраструктуры в рамках ГЧП.

Литература

1. Гернега К.С., Ватагина И.Н. Психологическое здоровье личности в современных социально-экономических условиях // Всероссийская психологическая сессия: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции/ Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2017. – С. 83-86. Гибсон, М., Афонин, А. «Налаживание связей, развитие сетей взаимодействия и расширение сотрудничества: вызов для университетов» // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 4 (32).
2. Никитин М.В. Ресурсный центр как функциональная модель непрерывного профессионального образования» (методическая рекомендация для системы повышения квалификации). М., 2014.
3. По данным федерального агентства по образованию. URL: <http://www.ed.gov.ru>. (ДАТА ОБРАЩЕНИЯ 27.10.2017)
4. Россия в цифрах: стат. сб. М., 2012.

ЭТИКА УПРАВЛЕНИЯ ВРЕМЕНЕМ

А.С. Визгирда

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
airin.alecksis.st@gmail.com

В настоящее время в условиях постоянной конкуренции работники вынуждены постоянно повышать квалификацию, получать новые навыки. Как показывает исследование еще 2000 года, «В Нью-Йорке новые мастера в СМИ, которых мы изучали, тратят в среднем 13.5 неоплачиваемых часов в неделю на получение новых навыков». [1] Теперь человек не может терять время зря, когда скорость жизни только увеличивается, а время в сутках не добавляется. Здесь появляются две базовые проблемы. Это проблема управления собственным временем и проблема не отнимания чужого

времени: «часть времени у нас отбирают силой, часть похищают, часть утекает впустую». [2, С. 5] Время может похитить сам человек, время могут отнять у него. Сенека, как философ и государственный деятель, понимал это задолго до появления современного темпа жизни.

Попробуем связать выявленные проблемы человека и времени с этикой. Связи можно проследить на основе отнятия времени одним человеком у другого. Проблема управления собственным временем в большей степени является внутренней проблемой человека, поскольку не будет иметь отношение к другим людям до тех пор, пока не будет касаться других, превращаясь во вторую проблему. Получается, что в действительности остается только одна проблема, которую и нужно рассматривать в связи с этикой.

Проблему отнятия времени можно рассматривать в связи с понятием о справедливости, ответственности и уважении.

Начнем с понятия о справедливости. Когда один человек отнимает у другого больше времени, чем необходимо, не давая равнозначной замены, нет возможности говорить о справедливости, предполагающей равноценный обмен. Интересно, но здесь возникает еще одна проблема, прямо вытекающая из понятия о справедливости. Что может стать равноценной заменой потерянному времени? Здесь само время представляет собой проблему, поскольку оно уникально, неделимо и непередаваемо от субъекта к субъекту. Время в определенной степени напоминает фрактал. Время отдельного человека обладает теми же свойствами, качествами времени всеобщего. Это поток из потоков, где отдельный поток и есть общий. Вернемся к справедливости. Действительно, невозможность возместить время прямо вынуждает возместить его опосредованно, возможно, путем договора. Равновесность здесь будет сугубо субъективной и зависеть от личного восприятия ценности времени.

Перейдем к понятию об ответственности. Оно тесно связано со снятой проблемой управления своим временем, уже из нее перетекая в проблему отнимания времени. Человек вне социума не будет иметь связи со временем других людей, не будет оказывать на них влияние, тратить их время. Человек, который имеет существование в рамках социума, в той или иной степени будет взаимодействовать со временем других людей и, возможно, его отнимать. Человек как отдельный, автономный субъект принимает решения относительно использования времени самостоятельно, учитывая последствия своих действий относительно времени других людей, с ним связанных и не связанных. Ответственность начинается здесь с учета последствий. Человек, вписанный в общество, влияет на него всеми своими действиями и поступками. Время необходимо использовать ответственно, чтобы не отнимать его у других, вызывая проблему справедливости.

Закончим понятием об уважении. Каждый человек представляет собой уникального автономного субъекта со своим уникальным потоком временем. Уважение конкретно к человеку – тема для отдельного обсуждения, но вот уже уважение к времени человека тесно связано с проблематикой отнимания времени. Время невозможно вернуть, потратить на другие дела, отдать другому. Оно проходит и оставляет следы в материи и память о прошедших событиях. Человек может потратить один конкретный момент времени на определенное дело, отказавшись от другого по тем или иным причинам. Мотивация для выбора человека может быть неизвестна, но необходимо уважать самостоятельный выбор времяпрепровождения. Вмешательство в выбор человека, несущего ответственность за свои поступки, возможно, но неоправданное отнятие времени можно выразить как неуважение к свободному выбору, поскольку это отнятие времени лишает человека возможности сделать выбор и перейти к своим делам. Необходимо уважать выбор способов проведения времени каждого человека, чтобы найти приемлемые формы взаимодействия с людьми.

В итоге можно сказать, что взаимодействие людей, тесно связанное с временем и его восприятием, должно основываться на этических принципах. Время уникально и неделимо. В условиях увеличения скорости жизни человеку необходимо рационально относиться к тратам времени, но не только своим, а и других людей.

Литература

1. Batt, R., Christopherson, S., Rightor, N. & Van Jaarsveld, D. (2000). NET WORKING: Work patterns and workforce policies for the new media industry (CAHRS Working Paper #00-19). Ithaca, NY: Cornell University, School of Industrial and Labor Relations, Center for Advanced Human Resource Studies. <http://digitalcommons.ilr.cornell.edu/cahrswp/97>
2. Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию / Перевод, статья и примечания С. А. Ошерова. М., 1977

ИДЕАЛЬНОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ КАК ВЕЩЬ-В-СЕБЕ

А.С. Войцехович

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ», г. Новосибирск,
voitcehovich@mail.ru,

Центральной проблемой познавательного отношения человека к миру является проблема познаваемости мира. Решение этой проблемы, начиная с древних времен, порождало серьезные трудности, связанные как с

реальными сложностями процесса познания, так и с особенностями развития науки и самой философии в известные периоды.

К проблеме обращались многие ученые – К. Лейбниц, К. Вольф, Д. Юм, Дж. Локк, И. Кант, однако в книге «Критика чистого разума» И. Канта было введено понятие вещи-в-себе. Оно раскрывает интересный взгляд автора на поставленную проблему: нам даны вещи как вне нас находящиеся предметы наших чувств, но о том, каковы они сами по себе, мы ничего не знаем: мы знаем только их как явления, и представления, которые они в нас производят, воздействуя на наши чувства [4].

Понятие «вещь-в-себе» может быть применено к области разработки программного обеспечения. Первичным этапом этого процесса является сбор и анализ требований на разработку, то есть понимание того, какой программный продукт и с какими функциями необходимо создать [3]. Схематично процесс можно представить следующим образом, рисунок 1.

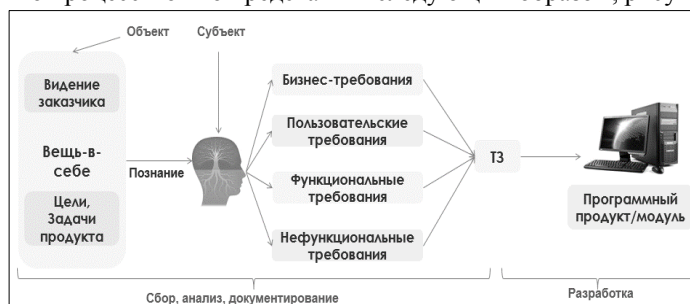

Рисунок 1 – Процесс создания программы как вещь-в-себе

Качественное выполнение работ на этапе сбора требований гарантирует то, что будущий продукт будет соответствовать ожиданиям заказчика, однако познать требования внешнего заказчика и формализовать результат в проектной документации, если следовать Канту, невозможно до тех пор, пока требования к продукту не будут воздействовать на наши органы чувств.

Как отметил американский ученый в области теории вычислительных систем Ф. Брукс, самой сложной задачей при создании продукта или услуги является точное определение того, что требуется создать, т.к. ни одна погрешность не приносит такого же вреда конечному продукту, как ошибки в определении требований [3]. Для удовлетворения максимально большего количества целей конечного пользователя необходимо «познать» его потребности с помощью различных способов сбора требований – интервьюирование, прототипирование, анкетирование и др.

Среди факторов, которые могут негативно повлиять на успех ИТ проекта одним из важных является выбор эффективного подхода к управлению требованиями. При правильном определении требований и

управлении ими перерасходы по проекту можно снизить на 20% благодаря сокращению числа неточных, неполных и упущенных требований [2]. Кроме того, в связи с широким распространением в ИТ компаниях гибких методологий разработки (Scrum, Kanban) особого контроля требует процесс управления изменениями требований в техническом задании, т.к. гибкие методологии подразумевают динамическое формирование требований.

Согласно Канту, вещи-в-себе непознаваемы [1]. Следовательно, идеальное техническое задание для проектной команды разработчиков так и останется вещью-в-себе, однако применительно к области разработки программного обеспечения есть возможность уменьшать степень неопределённости объекта и субъекта познания с помощью различных методик сбора и анализа потребностей к будущему программному продукту.

Литература

1. Кант И. Критика чистого разума. Пер. с нем. и предисл. Н. Лосского. СПб., тип. М. М. Стасюлевича, 1907;
2. Вигерс К., Разработка требований к программному обеспечению / Пер. с англ. – М.: Издательско-торговый дом «Русская Редакция», 2004. – 576 с;
3. Леффингуелл Д., Уидриг Д «Принципы работы с требованиями к программному обеспечению». М.: Вильямс, 2002. — 448 с.;
4. Ойзерман Т. И. Вещь в себе // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ. - науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Стёпин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. — 2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль, 2010.

ЭТИКА СБОРА ПОЛЕВОГО МАТЕРИАЛА У СТАРООБРЯДЦЕВ УЙМОНСКОЙ ДОЛИНЫ И ВЕРХОВЬЕВ ЕНИСЕЯ

М.В. Гавриленко

Новосибирский военный институт им. генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии РФ, г. Новосибирск

Проблема взаимоотношений собирателя и исполнителя, всегда существовавшая в отечественной этнологии, ныне в связи с расширением поля экспедиционной работы стала еще более сложной. Сбор полевого материала в Верховьях Енисея и Уймонской долине был сопряжен с некоторыми трудностями в силу закрытости старообрядческого населения, проживающего в этих районах. Собиратель и информатор в данном случае являются представителями разных, чуждых друг другу культур. Следовательно, исследователю, ученому очень важно построить общение таким образом, чтобы не быть абсолютно «чужим», «чужаком» для информатора, построить с ним эффективный диалог, найти правильный ход

беседы. Ведь именно от этого зависит успех или неуспех той или иной экспедиции.

Собиратель полевого материала должен быть готов, например, принять участие в продолжительном старообрядческом молении, петь со всеми богослужебные тексты, но ни на минуту не забывать, что в этой среде он всего лишь гость, а не свой, поэтому не должен креститься двумя пальцами; использовать свою миску, ложку, кружку; стараться не выделяться на общем фоне одеждой (женщинам для интервью следует надевать закрытую длинную одежду, юбку, платок на голову, избегать ярких цветов в одежде); быть готовым к отказу собеседника от записи на диктофон, от фото-, кино-, видеосъемки; держать в уме все чисто бытовые запреты, которые свойственны данному сообществу. Надо все время помнить, что ты имеешь дело с чужой для себя культурой, которую нужно уважать. В последнее время фольклористы, этнографы, специалисты других гуманитарных наук, ведущие полевые исследования, утверждают, что лучшего результата достигает тот, кто работает в одиночку. Собиратель полевого материала для старообрядцев, прежде всего, гость, а поскольку старообрядцам издавна присуще благочестие и соблюдение норм морали, они скорее всего не откажут гостю в гостеприимстве. Если хозяева дома заняты хозяйственными делами и гость появился не вовремя, не следует настаивать на интервью. В ходе интервью или анкетирования особенно на религиозные и мировоззренческие темы с уважением принимать мнение собеседника, не вступать с ним в диспуты и дискуссии. Городской житель, «мирянин», впервые приехавший в старообрядческое село или деревню, всегда чужак, к которому постоянно присматриваются, оценивают. Особенно важно произвести благоприятное впечатление, войдя в старообрядческий дом. Поздоровавшись с хозяином/хозяйкой, надо дать ему (ей, им) возможность присмотреться к себе. При первом знакомстве, как утверждают специалисты в области риторики, особенно важны невербальные средства общения (одежда, телосложение, взгляд, мимика, жесты и т.д.), которые создают первое, очень устойчивое впечатление о человеке. Если это впечатление оказалось благоприятным, то можно вступать в диалог, конечная цель которого: создание у информатора определенного настроения, позволяющего открыть свой внутренний мир. Работа с информатором ни в коем случае не должна напоминать допрос следственного. Интервью не должно быть стереотипным, нельзя стучаться во все встречные дома без разбора. Перед интервью, если это возможно, следует узнать как можно больше информации о потенциальном информаторе.

В 2006 г. вышел в свет 5-й номер журнала «Антропологический форум», посвященный этическим проблемам полевых исследований. Было сформулировано пять наиболее острых и злободневных вопросов, неизбежно вытекающих в ходе общения собирателя и информатора. «Полевое

исследование, – пишет этнограф С. Н. Абашин, – само по себе является ненормальным явлением. Человек, который постоянно что-то испытывает, ходит из дома в дом, без разбора навязывается в гости и приятели, ведет себя «неправильно» – и с точки зрения своего привычного образа жизни, и с точки зрения изучаемого общества. Этот метод анкетирования никак не учитывает интересы, личные качества, пристрастия каждого из опрашиваемых. Стереотипность такого опроса не способствует установлению контакта между интервьюером и интервьюируемым [1]. Исследователь, интервьюер в процессе сбора полевого материала должен стремиться к тому, чтобы узнать максимум информации в атмосфере доброжелательности и доверия, воспринимать информатора не как материал или инструмент для получения необходимых сведений, а как живого человека.

При сборе полевого материала у старообрядцев Уймонской долины и в Верховьях Енисея в Каа-Хемском районе Республики Тыва, старообрядцы первой группы оказались более открытыми и расположенными к общению. В первую очередь, это связано с тем, что Уймонская долина – это один из самых распространенных туристических маршрутов в Голубом Алтае. Уймонские старообрядцы привыкли к большому количеству туристов и «чужаков». Верховье Енисея является достаточно отдаленным от крупных населенных пунктов местом. Старообрядцы, проживающие в этой местности, достаточно насторожено относятся к приезжим и более закрыты в процессе коммуникации.

Литература

1. <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-chteniya-2011/1368.html> (дата обращения 17.06.17).
2. Кучуганова Р.П. Уймонские староверы. – Новосибирск: Сиб. соглашение, 2000. – 161 с.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПРОБЛЕМА АВТОРА В ЦИФРОВОМ ИСКУССТВЕ

А.Г. Горбачева

Новосибирский государственный университет экономики и управления
г. Новосибирск
gorbacheva.a.g@gmail.com

Развитие информационных технологий и, в первую очередь искусственного интеллекта, в XXI веке значительно расширило возможности современного искусства. Уже сегодня компьютерные программы создают картины, пишут романы и сочиняют музыку, т.е. выполняют работу, которую ранее мог выполнять исключительно человек.

Технологии постоянно меняют способы создания произведений искусства. Художники используют технические средства для создания своих картин такие как трафареты, пантографы. Популярное применение в работе художника приобрела фотография, но фотоискусство стало возможным благодаря появлению новых технических устройств – фотоаппаратов, которые позволили по-новому отражать творческое видение человека как фотохудожника.

В докладе будет представлен обзор последних достижений искусственного интеллекта в создании изображений, в частности, будут рассмотрены нейронная сеть компании Google, робот со встроенным искусственным интеллектом команды «TAIDA», а также программа Deep Dream.

Истории уже известны случаи по созданию рисующих автоматов. Одним из наиболее ярких примеров прошлого являются работы часовщиков семьи Дро. Во второй половине XVIII ими была изготовлена автоматическая кукла «Рисовальщика», представлявшая из себя сидящую куклу, выполненную из дерева и фарфора.

С развитием новых технологий в середине XX века появилось новое направление в искусстве, названное кибернетическим искусством [Галкин]. Данный вид искусства предполагает использование компьютерных технологий для создания новых возможностей автономного машинного творчества.

Если говорить о сегодняшнем дне, то уже сейчас используются возможности искусственного интеллекта в качестве инструментов для создания картин и музыки. Новые технологии решительно изменяют способы, условия и средства создания художественных произведений. Многие художники не просто используют цифровые технологии, но вынуждены делать это. При этом формируются новые стили и направления в искусстве, такие как вебарт (webart), активизм (activism).

Основатель первой частной галереи в постсоветской России Гельман, пишет, что развитие новых технологий приведет к исчезновению оригиналов картин из человеческой жизни и в дальнейшем приведет к созданию новых типов взаимоотношений художников со зрителем [Гельман].

Работы, созданные искусственным интеллектом, невозможно оценивать устоявшимися критериями оценки результатов. А это может привести к тому, что изобразительное искусство более не будет связано с профессиональной принадлежностью. Могилевская пишет о фестивале «Да-Да-Net», который показал, что большинство участников фестиваля – это представители «научно-технической сферы, а не художественной» [Могилевская].

Следует задуматься над словами Бострома о возможной безработице, связанной с последствиями внедрения искусственного интеллекта в

различные профессиональные сферы в том числе сферы искусства и духовности – эти сакральные области человека. Бостром считает, что вложенные в искусственный интеллект знания и умения могут привести к постепенной утрате знаний и способностей у людей. Вложив в машину весь накопленный багаж знаний, человек постепенно начнет терять творческие навыки, научные и практические знания [Bostrom].

Человек, по мнению финского архитектора Юхани Палласмаа, обладает своим исключительным мастерством и знанием, которые могут быть утеряны и замещены искусственным интеллектом; что, в свою очередь, может привести к отказу человека от собственной телесности и отмиранию ряда творческих профессий [Палласмаа]. Ю. Палласмаа описывает опыт художников, которые отмечают важность соприкосновения руками холста и красок. Такая работа переносит художника в другой мир, где появляется возможность «видеть» с закрытыми глазами, через ощущения, передаваемые работой с материалами [Палласмаа]. Палласмаа фиксирует процесс виртуализации творчества, в котором технические устройства со встроенным искусственным интеллектом порождают картины в абстрактном математическом пространстве [13, с. 108]. Данное явление приводит к тому, что происходит высвобождение художника из акта телесного действия [Смирнов].

При классическом рисовании тело художника и его создаваемый образ формируют нераздельное целое. В виртуальном искусстве этого единства не происходит. Здесь автор использует готовые референсы, фильтры и из них собирает некий синтетический образ. Таким образом, возникает следующий вопрос нужны ли художнику краски, холст или все работы можно сразу делать на компьютере через графический планшет? Ответ на данный вопрос непрост, поскольку ответ кроется не в используемом материале (краски, глина, пластилин), а в той антропопрактике, которую человек проделывает над собой.

Но тогда что есть эти антропопрактики, делающие с человеком некую такую работу, которая его делает самим собой? И что будет происходить дальше с человеком, который все больше работы передает техническим устройствам?

Литература

1. Галкин Д.В. От вдохновения машинами к искусственной жизни: этапы развития технологического искусства // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. № 1 (9). 2013. С. 44-51
2. Гельман, М. О цифровом искусстве [Электронный ресурс] / М. Гельман // Режим доступа : <http://www.guelman.ru/artists/mg/original> , свободный. - Загл. с экрана.

3. Могилевская, Т. Сетевое искусство – динамика в России / Т. Могилевская // Художественный журнал. 2000. № 28/29. С. 53-57.
4. Смирнов С.А. Умное тело или проблема формирования человеческой телесности в ситуации жизненного аутсорсинга. Часть 1. // Культурно-историческая психология. 2016. № 1, Т. 12. С. 4-13.
5. Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies // Oxford University Press. 2014. С. 352

ИГРА В ГЕНДЕР: БЕЗГРАНИЧНОСТЬ И ОГРАНИЧЕННОСТЬ ВЫБОРА

Е.В. Горбунова

Новосибирский государственный медицинский университет, г. Новосибирск
kaitelin@mail.ru

«Первым свидетельством успешной консолидации гей- и лесби-идентичности в этнической модели было требование признания равноправия ненормативных и нормативных категорий идентичности» [1.С.105]. Изучая историю становления отношений между мужским и женским полом и то, как происходила медленная, но верная победа «феминности» и постепенное расширение гендерных категорий, мы пришли к тому, что «гендер» стал мобильным благодаря мало закрепленной правовой и этической практике. «Первой была Сапфо (славные старые денечки). Далее следовали вполне приемлемые для общества гомоэротизм классической Греции и гедонизм Рима. Затем, случайно пропустив два тысячелетия, - Форстер, Саквиль-Вест, Рэдклифф Хэлл, инверсия, цензура; затем феминизированные мужики («бабы»), мужеподобные женщины (бутч), педики, наркоманы, натуралки, живущие с гомиками, нарастание цензуры и шантажа, Ортон, наконец Стоунволл Инн (1969) и...- мы стали геями! Конечно, был и феминизм, и некоторые из нас стали лесбийскими феминистками и даже лесбийскими сепаратистками. Были и жалкое существование и борьба, трансвеститы, лесбиянки, политики, полуполезальные публичные дома для геев с совершенно жуткими условиями жизни для проституток-мужчин. Был СПИД, который, благодаря развернувшимся жарким дискуссиям о многообразии сексуальных практик (как противоположность сексуальным идентичностям), породил квир-движение в Америке» [1.С.111]. Столь откровенное изложение становления «квир-движения» отражает все то, что было заложено в наше сознание о том, что из себя представляют лица с нетрадиционной ориентацией, бигендеры и транссексуалы. Занимая пограничное состояние, в период трансформации или «перехода», эти люди непременно окажутся в ситуации, когда не смогут быть поняты как представителями ЛГБТ сообщества, так и представителями «своего» пола, кроме того, отсутствие

возможности трансдисциплинарного подхода к проблемам «транссексуализма», привели к тому, что решение о смене пола может быть неконтролируемым.

Неполноценное правовое регулирование и самостоятельная смена пола путем медикаментозного воздействия на гормональный фон часто ведет к трагическим последствиям. Недостаточность или некорректность психиатрической и психологической помощи таким лицам нередко приводит к тому, что в категории лиц, желающих сменить пол, попадают те, кто имеет нетрадиционную сексуальную ориентацию или же в дополнение к этому психическое расстройство. «Выделяется 5 установленных факторов, влияющих на последовательность осуществления всех 3 этапов медицинской помощи лицам с половой дисфорией: 1) некоторые даже тщательно обследованные пациенты с казалось бы верифицированным диагнозом спонтанно изменяют свои стремления; 2) другие без медицинских вмешательств решают проблемы личностной и социальной адаптации; 3) третьи отказываются следовать данной этапности в процессе психотерапии; 4) некоторые клиники для пациентов с нарушениями половой идентичности часто сокращают штаты персонала и объем работы; 5) нет достоверных данных о дальнейшей судьбе тех лиц, которые отказались от прохождения всех трех этапов медицинской помощи». [2.С.73]. Таким образом, транссексуалы становятся субкультурным явлением, стирая границы, для представления обывателей, в чьих глазах не существует «иных» гендерных категорий. Оставаясь в «пограничном» состоянии до полной смены пола, войти в общество в «новом» образе, пусть и завершенном с точки зрения как физиологии так и психологии, становится невозможным. По-прежнему оставаясь «субкультурой», подчас продолжающей примыкать к маргинальным общественным слоям, они не способны создать семью в традиционном понимании.

Сейчас, сквозь призму времени, находясь в бесконечном потоке информации, в бесконечных двойных трактовках, все сложнее «вспомнить» то, каким был мир в эпоху «маскулинности». Такой мир, по всей вероятности в будущем станет антиутопией, ибо «игра в гендер» ведет нас к тому, что возможность смены пола и «примерка» противоположной гендерной роли, станет обыденностью. Мнимая свобода в гендерных ролях и сакраментальная фраза Симоны де Бовуар о том, что женщиной не рождаются, а становятся, стала отражением этой «гендерной свободы». Анна Мари Джагоз в «Введении в квин-теорию» анализирует идеи Сары Батлер: «Батлер снова и снова напоминает тот факт, что гендер, будучи перформативным, все же не одежда и не может быть снят по желанию. Батлер высказывает идею о «представителях пола, которые драматично его театрализуют». «Вместо того, чтобы выстраивать дистанцию между чем-то и пародируемым оригиналом, Батлер предлагает просто «держат в уме само понятие оригинала». В

результате, гетеросексуальность не будет больше восприниматься как оригинал, с которого вылеплена его ухудшенная копия – гомосексуальность» [1. С.125].

Возможно ли то, что в будущем «пол» больше не будет «судьбой» или «данностью», а возможности медицины позволят периодичность пребывания в том или ином «гендере». Станут ли лица, желающие сменить пол, обыденностью, ведь пока «транссексуализм» - широко распространенное явление, требующее многоуровневого подхода. Невозможность смены пола, и, что еще хуже, незавершенность этой процедуры, ставит в тупик не только личность человека, имеющего данную проблему, но ставит в тупик и общество, которое непременно загоняет таких людей в маргинальные слои. С «новым» полом такой человек не всегда способен начать свою историю заново, сколь бы ни были совершенны те метаморфозы, которые происходят в теле. Какова будет роль этого «нового человека», женщины или мужчины, без возможности продолжения рода или путем суррогатного материнства? Кто же этот новый человек, надевший умело скроенный образ, дополненный всеми типичными атрибутами?

Литература

1. Джагоз Аннамари. Введение в квин-теорию. Перевод М. Кукарцевой/ Отв. ред. В.Е. Кашаев. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2008. С 105. ,С 111., С 122- 125.
2. Матевосян С.Н., Введенский Г.Е. Половая дисфория (клинико-феноменологические и лечебно-реабилитационные аспекты синдрома «отвергания» пола). – М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2012. С. 75.

ИССЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С МОЛОДЫМИ МИГРАНТАМИ

А.А. Дик

ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)», г. Челябинск
anastasiya.dik.97@mail.ru

В условиях современного глобализированного мира миграция стала характерным явлением, охватывающим почти все слои общества, объединяя представителей различных социально-демографических групп.

Целевым ориентиром добровольной миграции могут стать получение образования, трудоустройство, поиск партнера и др. Подавляющее большинство добровольных мигрантов – молодежь (до 35 лет), что

объясняется динамичностью этой социальной группы, ее стремлением к улучшению жизни [3].

Молодые мигранты являются ресурсом развития территорий, поэтому государство разрабатывает специальные меры социальной поддержки для этой категории. Социальная работа с молодыми мигрантами строится в соответствии с основными направлениями Государственной молодежной политики.

Приоритетными задачами в области социальной поддержки молодых мигрантов являются следующие:

- создание условий для получения профессионального образования (квотирование мест в средних специальных и высших учебных заведениях для особо нуждающихся мигрантов и жителей сельской местности);
- социально-экономическая поддержка (стипендии, пособия, льготы)
- медико-социальная поддержка (создание молодежных информационных служб и бесплатных консультационных пунктов);
- помощь в трудоустройстве (молодежные биржи труда, организация дополнительных рабочих мест для молодых специалистов);
- поддержка молодой семьи (льготное ипотечное кредитование, снижение налогового бремени, выплата компенсаций и пособий при рождении ребенка и на период декретного отпуска);
- социально-психологическая поддержка в период адаптации к новому месту жительства (работа психологических служб в учебных заведениях и на некоторых предприятиях, молодежные телефоны доверия);
- профилактика асоциальных явлений (наркомании, алкоголизма, проституции, преступных действий) в среде молодых мигрантов;
- контроль нелегальной миграции (организация регулярных рейдов службами правопорядка, проверка паспортного режима, выдворение нелегальных мигрантов из страны) [3].

Реализацию вышеперечисленных задач можно проследить в условиях г.Челябинска. Например, молодые мигранты, приехавшие для обучения, получают различную помощь в учебных заведениях. В Южно-Уральском государственном университете обучается 2000 иностранцев из СНГ, Ирака, Йемена, Монголии и Китая, что составляет 10% от общего числа студентов. Иностранцам предоставляются места в общежитии, медицинское обслуживание, курсы русского языка. Открыто подготовительное отделение по 4 профилям: инженерно-техническому, гуманитарному, экономическому и научному. Для иностранных студентов созданы комфортные условия получения образования и адаптации в новой социокультурной среде. Стоит отметить, что такая положительная тенденция наблюдается во всех крупных учебных заведениях города [4].

Менее благополучная ситуация складывается в решении вопросов трудовой миграции, по показателям которой Челябинская область является

одним из лидирующих регионов. Согласно отчету Управления по вопросам миграции ГУ МВД России по Челябинской области, за 2016 год было оформлено свыше 10 000 тысяч трудовых договоров о принятии на работу иностранных граждан [1].

В описанных условиях важным направлением социальной работы становится поддержка молодых мигрантов на рынке труда. Однако направлена она, в первую очередь, на оказание помощи легальным молодым мигрантам, трудоустраивающимся либо на государственные предприятия, либо в те отрасли экономики, которые малопривлекательны для коренного населения. В отношении нелегальных мигрантов государственная миграционная политика направлена на выявление, контроль и выдворение их из страны. За прошедший год в Челябинской области почти 1000 мигрантов подлежала депортации [1]. Учитывая сложность получения официального разрешения, а тем более, гражданства РФ, легально может трудоустроиться лишь незначительная часть трудовых молодых мигрантов, государственные меры социальной поддержки данной категории не могут быть названы достаточными.

Прямым результатом отсутствия государственных программ адаптации и интеграции является изоляция мигрантов от принимающего социума и нарастание негативного отношения к мигрантам [2].

Функции социальной защиты и помощи молодым трудовым мигрантам в сложившейся ситуации часто берут на себя общественные организации и фонды. В регионах создаются специальные центры адаптации, оказывающие конкретную помощь, согласно технологии социальной работы с мигрантами. В Челябинской области такие услуги оказывает «Центр народного единства», предоставляющий различные виды помощи, в том числе, бесплатные юридические консультации, подготовку иностранных граждан к сдаче комплексного экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ, проведение пробного тестирования и консультирование по общим вопросам сдачи экзамена.

На сегодняшний день в России сложились целые секторы экономики, ориентированные на использование рабочей силы молодых трудовых мигрантов, но они слабо контролируются государством, поэтому молодые люди, занятые в них, сознательно обрекают себя на маргинализацию [3].

Литература

5. Гернега К.С, Дик А.А. Особенности социальной работы с молодыми мигрантами: опыт и направления развития// Всероссийская психологическая сессия: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции/ Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2017. – С. 89-93.

6. Итоги работы Управления по вопросам миграции ГУ МВД России по Челябинской области за 12 месяцев 2016г. // Опубликован на официальном интернет-портале <https://74.mvd.rf>.
7. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года // СПП КонсультантПлюс.
8. Социальная работа с молодежью: Учебное пособие / Под ред. д.п.н., проф. Н. Ф. Басова. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2008. – С. 88-100.
9. ЮУрГУ: у нас есть все необходимое для студентов-иностранцев // Сайт studyinrussia.ru // Режим доступа: <http://studyinrussia.ru/actual/articles/yuurgu-u-nas-est-vse-neobkhodimoe-dlya-studentov-inostrantsev/> (Дата обращения: 20.02.2017).

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕР ПРОГРАММЫ МАТЕРИНСКОГО (СЕМЕЙНОГО) КАПИТАЛА

К.С. Гернега, Д.А. Дубовская

ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)», г. Челябинск
gernega@yandex.ru, dasha_dubovskaya@mail.ru

В современном мире проблема рождаемости является одной из самых актуальных. На сегодняшний день мало семей, в которых три и более ребенка, так как достаточно сложно обеспечить даже одного. Одной из причин такой ситуации является низкий уровень жизни населения, из-за которого многие семьи долго не решаются на рождение даже одного ребенка, а мысли о том, чтобы стать многодетными родителями приводят взрослых в ужас. В настоящий момент вырастить ребенка – достаточно дорогое удовольствие, ведь для обеспечения малыша всем необходимым родителям придется выложить крупную сумму денег. Ситуацию несколько ухудшает и жилищная проблема в нашей стране, так как большинство молодежи вынужденно снимать квартиры или брать ипотеку на длительный срок, что так же не способствует появлению у них мысли о детях и дополнительных расходах. Осознав данную проблему, правительство Российской Федерации решило поддержать население и выделить крупную сумму на социальную помощь в данном направлении. С 2007 года в нашей стране действует программа «материнский капитал», согласно которой женщины, родившие с 1 января этого года второго и более ребенка, имели право на получение финансовой помощи. Во избежание нецелевого использования средств, правительство заранее ограничило направления, в рамках которых родители могли тратить полученные деньги [1].

Материнский (семейный) капитал установлен Федеральным законом от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Основной целью этой программы был поставлен рост рождаемости в стране и переход преимущественно к модели двух- и трехдетной семьи, что позволило бы обеспечить уровень простого воспроизводства населения страны. Повышение уровня благосостояния семей с детьми также постулируется законом: согласно преамбуле федерального закона, предусмотренные им меры устанавливаются «в целях создания условий, обеспечивающих этим семьям достойную жизнь». Предполагалось, что материнский капитал в первую очередь будет способствовать решению проблемы жилищной обеспеченности семей с детьми. От других пронаталистски ориентированных мер семейной политики в России и за рубежом программу материнского (семейного) капитала отличают такие ключевые свойства, как:

- заранее установленная конечность действия: право на получение сертификата возникает однократно в связи с рождением (усыновлением) женщиной не первого ребенка в период с 01.01.2007 г. по 31.12.2016 г. (в конце 2015 года этот срок продлен до 31.12.2018 г.), хотя возможность распорядиться средствами у тех, кто получил право на сертификат, должна остаться и после этого срока;

- высокий размер помощи с ежегодной индексацией (в 2016 году он составил 453 тыс. рублей);

- строго ограниченный набор способов распоряжения средствами при эпизодическом возникновении возможности получения выплат в наличной форме.

В настоящее время это самая дорогостоящая мера социальной политики в стране: расходы на нее ежегодно растут и в 2015 году достигли 328,6 млрд рублей – это пятая часть всех затрат федерального бюджета в области социального обеспечения населения и охраны семьи и детства. В общей сложности поддержка семей с детьми с помощью материнского капитала уже обошлась федеральному бюджету в 1,36 трлн рублей.

Материнский капитал может быть потрачен только на следующие цели:

- улучшение жилищных условий;
- получение образования;
- пенсионные накопления матери (посредством инвестирования через негосударственный пенсионный фонд, Внешэкономбанк, управляющую компанию);
- ключевым нововведением в области распоряжения средствами материнского капитала будет возможность направления его средств на покупку товаров и оплату услуг для социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов [3].

В 2010 году, была введена антикризисная мера по единовременной выплате 12 тыс. руб. из средств материнского капитала. В 2015 году правительство решило возродить идею с единовременными выплатами – по закону, который начал действовать 2 мая 2015 года, обладатели сертификатов могут получить 20 тыс. руб. [4].

По общему правилу материнский капитал можно использовать после достижения ребёнком возраста трёх лет. Кроме случаев погашения кредита на приобретение жилья, строительства, реконструкции (в том числе погашения части ипотеки). На эти цели допускается расходование средств сразу после получения сертификата [3].

Слабые стороны России связаны с демографическими факторами, то есть относительно низкой долей населения в трудоспособном возрасте (82-е место), относительно высоким уровнем безработицы (52-е место), ограниченными возможностями для развития на рабочем месте (79-е место). Также к слабым сторонам относится качество системы образования (73-е место) и здоровье населения (81-е место) [4].

Таким образом, благодаря программе государственной поддержки семей стимулируется рождаемость в стране, семьи могут спокойно думать о рождении своих детей, зная, что данная программа может им в этом помочь.

Литература

1. Гернега, К.С., Дубовская, Д.А. Особенности реализации государственных программ развития физической культуры и спорта в социально-экономической сфере/ К.С. Гернега, Д.А. Дубовская// Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г.Челябинск, 24-25 октября 2017 г.): в 2т. – Челябинск: УралГУФК, 2017. – Т.2. – С. 312-313.
2. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.: Указ Президента РФ от 09.10.2007 №1351 // СПС «Консультант Плюс». 2014.
3. О мерах дополнительной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный Закон от 29.10.2007 № 256-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». 2015.
4. Судьба материнского капитала после 2016 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kapitalm.ru/zakonodatelstvo/sudba-materinskogo-kapitala-posle-2016-goda> (дата обращения 08.10.2017).
5. Материнский капитал [Электронный ресурс]. URL: http://ru-wiki.ru/wiki/Материнский_капитал (дата обращения 08.10.2017).

РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ГЕНЕЗИСА ФАЛЬСЕОИНТЕРАКЦИЙ

М.В. Евдокимова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
ProstoVerner@mail.ru

Под понятием фальсеоинтеракция мы понимаем «особую форму социального взаимодействия, в основании которого лежит осознанность лжи обеими сторонами коммуникации, и одновременное добровольное принятие или имитация принятия этой лжи за истину» [2, с. 22].

Актуальность социологического анализа фальсеоинтеракций в системе высшего образования обусловлена наличием ряда проблем и противоречий. Например, неотработанность для новых условий механизма управления вузами; необходимость корректировки содержания и технологии образования; снижение качества образования при росте массовости; противоречие критериев эффективности системы образования; противоречие декларативных и реальных целей функционирования элементов современной системы и другие.

Относительно нашей тематики, данные проблемы выступают в качестве отражения возникновения нарушений и фальсеоинтеракций в коммуникативных связях, например, между вузами и Министерством образования и науки. Индикатором закрепления и институционализации фальсеоинтеракций в системе образования могут служить, например, организации по написанию студенческих работ. Такого рода организации уже давно начали приобретать институциональные черты, как внешние (наличие официальных названий, прейскуранта цен, внешней рекламы), так и внутренние (профессиональная этика, солидарность). А печатные издания, начиная от «решебников» для школьников и заканчивая сборниками шпаргалок, уже давно пользуются популярностью среди студентов. С развитием информационных технологий появились специальные сайты с готовыми домашними заданиями и ответами на перечень стандартных вопросов экзамена или зачета по различным дисциплинам. Все знают о существовании таких организаций и сайтов при этом они устойчиво и успешно функционируют. А это значит, что есть хотя бы минимальная доля студентов, которая пользуется этими услугами (обманывая преподавателя), и есть преподаватели, которые догадываясь об обмане студента, делают вид, что не замечают этого (обманывая студента). Следовательно, само присутствие и институционализация таких организаций – это показатель институционализации и депроблематизации фальсеоинтеракций в системе высшего образования.

Вместе с тем, на функционирование современной системы высшего образования оказывают влияние множество факторов, как внутренних, так и внешних по отношению к ней.

Процессы реформирования образования, которым непрерывно подвергается система на протяжении последних десятилетий, также оказывают значительное влияние (прямое или косвенное) на коммуникативные практики между субъектами образовательной системы.

К наиболее важным, с точки зрения нашего исследования, аспектам реформирования следует отнести:

1) информатизацию образования, которая способствовала появлению и распространению заочных форм взаимодействия между субъектами системы образования [1, С.121], что является благоприятным условием генезиса фальсеоинтеракций;

2) нормативно-подушевое финансирование вузов, в связи с которым значительно ограничилась селективная функция высшего образования, поскольку финансовое благополучие университетов стало зависеть от численности обучающихся в нем студентов [4,5];

3) компетентностный подход к образованию, согласно которому основной целью современного образования является не только и не столько передача знаний и социокультурного опыта, сколько формирование у учащихся определённых компетенций – умений, связанных обработкой и анализом информации, а также с поиском способов решений поставленной задачи [3].

Исследовательский интерес представляет вопрос о том, что способствует институционализации фальсеоинтеракций. Обусловлено ли это субъективными характеристиками субъектов, вступающих во взаимодействие, и стремящихся посредством лжи минимизировать свои усилия в достижении цели, или же это обусловлено некими объективными условиями, в которых протекают коммуникативные процессы между субъектами системы образования? Эти исследовательские вопросы в научной литературе остаются неизученными, в связи с чем представляется важным дальнейшее изучение заявленной тематики.

Литература

1. Виноградов П.Ю. Управление знаниями в современных условиях информатизации управления образованием // XIX Царскосельские чтения. Материалы международной научной конференции. Под общей редакцией В.Н. Скворцова; Л.М. Кобрин. СПб: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2015. С. 119-125.
2. Евдокимова (Каширина) М.В. Фальсеоинтеракции в системе высшего профессионального образования: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Абакан, 2015. 148 с.

3. Пирожкова О.Б., Генардукаев Р.С. К проблеме соотношения понятий «компетенция» и «компетентность». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/1_NIO_2013/Pedagogica/2_122267.doc.htm
4. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. №559 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»: [офиц. текст].
5. Ястребова О.К., Михалькова Е.Е. Нормативно-подушевое финансирование в сфере ВПО. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bujet.ru/article/227361.php>

ДИСКУРС «БЕЗОПАСНОСТИ» ПО ОТНОШЕНИЮ К МИГРАНТАМ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ (НА ПРИМЕРЕ САЯНО-АЛТАЙСКОГО РЕГИОНА)

А.И. Евдокимов

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
aievdokimov@gmail.com

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ
МК-587.2017.6*

В последние десятилетия региональный социум Российской Федерации испытал на себе множество внешних и внутренних воздействий, повлиявших на его трансформацию. Одним из процессов, осуществляющих данное воздействие, стала миграция. Несмотря на то, что миграционные процессы происходят как внутри страны, так и связаны с пересечением государственных границ России, большинство населения воспринимает миграцию, в первую очередь, как процесс внешний.

Можно согласиться с Е.А. Ерохиной, что восприятие внешней миграции, с одной стороны, связано с такими положительными последствиями, как расширением социокультурного многообразия принимающих сообществ и решением проблем нехватки трудовых ресурсов. С другой стороны, внешняя миграция воспринимается в качестве катализатора обострения межэтнических отношений. [2, С. 73]

Таким образом, сегодня в региональном социуме существуют два больших дискурса по отношению к приезжим мигрантам: дискурс «развития» и дискурс «безопасности». Сторонники дискурса «развития» считают, что миграция является необходимым условием развития и прогресса общества. Трудовые мигранты положительно влияют на региональную экономику путем ее диверсификации и увеличения конкурентного потенциала. Миграция модернизирует социокультурное поле регионов, подталкивает политические элиты к интенсификации демократических реформ. Сторонники данного дискурса поддерживают

государственные меры по адаптации мигрантов, смягчению миграционного контроля и упрощению процедур въезда иностранцев на территорию Российской Федерации.

Дискурс «безопасности» связан с восприятием миграции в качестве угрозы нормальному функционированию регионального сообщества. Сторонники дискурса «безопасности» считают, что вмешательство мигрантов негативно сказывается на важнейших общественных институтах, создает почву для межэтнических и межрелигиозных конфликтов, увеличивает безработицу и создает дисбаланс на рынке труда. Государство, с позиции сторонников данного дискурса, должно себя вести по отношению к мигрантам максимально жестко и бескомпромиссно, принимая меры по ограничению миграционных потоков и тщательному контролю приезжих.

Преобладание дискурса «безопасности» в региональном социуме Саяно-Алтайского региона было верифицировано эмпирическими исследованиями. Так в 2016 году сотрудниками «Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова» был проведен массовый социологический опрос на территории трех республик обозначенного региона: Алтай (190 человек), Тыва (290 человек) и Хакасия (520 человек). [4]. Так на вопрос: «Какие меры следует принимать властям в связи с нарастанием миграции в регионе», подавляющее большинство респондентов всех трех республик выбрали варианты ответа, относящиеся к ограничительным мерам по отношению к мигрантам. В Республике Хакасия 72% респондентов поддержали политику «безопасности» в отношении мигрантов, 16% респондентов затруднились ответить и только 12% респондентов высказались за «развитие». В Республике Тыва 65,8% респондентов обозначили поддержку мер «безопасности», 21,4% респондентов затруднились ответить и 12,8% респондентов поддержали меры «развития». В Республике Алтай активизацию мер «безопасности» поддержали 62,7% респондентов, 25,3% респондентов затруднились ответить, 12% респондентов поддержали меры «развития».

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что на территории Саяно-Алтая процент населения, поддерживающего меры по привлечению мигрантов, достаточно низок. При этом самый высокий процент затруднившихся ответить проявился в Республике Алтай, где общее количество мигрантов минимально по отношению к другим исследуемым республикам, а самый низкий процент – в Республике Хакасия, где мигрантов больше всего. Это свидетельствует о влиянии общественных стереотипов по отношению к мигрантам на принимающее сообщество, а также о неготовности общества к переменам в общественной жизни. Чем чаще и громче транслируются заявления об отрицательном отношении к приезжим, тем больше становится негативных настроений по отношению к

мигрантам, а положительные оценки не находят общественной поддержки [3, С.117].

Таким образом, именно дискурс «безопасности» оказывает сегодня максимальное воздействие на формирование отношения к мигрантам в региональном социуме. Данный дискурс обращен к укреплению российской идентичности в структуре идентичности жителей регионов России, а также способствует становлению гражданской идентичности и складыванию в перспективе гражданской нации [1, С. 139].

Литература

1. Аксютин Ю.М. Оценка социокультурной эффективности функционирования российской нации в региональном социуме // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 3-1 (57). С. 138-139.
2. Ерохина Е.А. «Местные» и «приезжие»: этническая граница и межэтническое взаимодействие в современном российском мегаполисе // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 72-78.
3. Мадюкова С.А., Персидская О.А. Субъективные и объективные аспекты восприятия мигрантов в массовом сознании принимающего сообщества (на примере г. Новосибирска) // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13. № 4. С. 112-119.
4. Социологическое исследование (июнь - сентябрь 2016 г., Хакасия, Тыва, Алтай). Грант Президента РФ по теме: «Российская гражданско-национальная идентичность: новые риски и способы преодоления (региональная модель)» (проект МК-6746.2015.6). Выборочная совокупность – 1000 чел.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЖИЗНЕННАЯ СТРАТЕГИЯ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Е.И. Заседателева

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
e.zasedatel@mail.ru

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №16-03-00309

Образование является важной сферой общественной жизни. Вопросы получения образования особенно остро встают перед вчерашним школьником после получения основного общего либо среднего образования. И, если выпускник школы, живущий в городе, может быть избавлен от ряда проблем и вопросов, то выпускник сельской школы должен решить, будет он получать дальнейшее образование или не будет, если будет, то для того,

чтобы освоить профессию, или для того, чтобы оттянуть момент вхождения во «взрослую жизнь», или для расширения кругозора и получения новых знаний, или по еще каким-то другим мотивам, которые известны только ему. Выпускник сельской школы должен выбрать, он будет получать дальнейшее образование очно или заочно, также, в последнее время, все большую популярность приобретают дистанционные формы образования, которые так же может выбрать выпускник. У каждой из этих форм образования есть свои плюсы и минусы, которые так же должен взвесить выпускник и, возможно, его родители. Роль родителей может быть довольно значительной, особенно, если выпускник будет обучаться на коммерческой форме обучения за деньги родителей. Однако даже если речь будет идти о бюджетной форме обучения, не каждый молодой человек в семнадцать-восемнадцать лет, если говорить об окончании средней школы, и, особенно, в пятнадцать-шестнадцать лет, если говорить о случаях, когда в поселке есть только неполная средняя школа, может выбрать свою будущую профессию, либо решиться на завершение получения среднего образования в средней школе в другом поселке и переехать туда, либо ездить на учебу каждый день.

Выявление жизненных стратегий современной сельской молодежи может оказать значительное влияние на понимание мотивов, которые двигают молодыми людьми в момент выбора своей будущей профессии и получения образования, этот процесс невозможен без учета внешних факторов, влияющих на изменение жизнедеятельности молодежи, и внутренних, представляющихся в виде жизненных планов и ценностных ориентаций. Поэтому, в настоящее время, в условиях, диктуемых современным обществом, появляется необходимость постоянного создания свежих идей, посвященных саморазвитию, возникновению новых замыслов. Жизненная стратегия определяет сохранение и развитие страны и общества в глобальном мире [1, с. 106].

В настоящее время на положение молодежи оказывают влияние глубокие перемены, происходящие в наши дни и предшествовавшие этому, в условиях реформирующегося и реформируемого общества возникают новые социально-экономические и политические условия, что конструирует радикально новые формы поведения молодежи. Стремясь к самореализации, молодые люди должны не упускать из виду инновационную динамику общества, порождаемую рыночными механизмами производительного потребления.

В качестве критерия успешной самореализации молодежи выделяют ее конкурентоспособность. Современное общество – это общество, в котором выживание человека зависит от конструктивного решения глобальных проблем, воздействующих на образование позитивной направленности социокультурных установок молодёжи [2, с. 124]. Благодаря переходу от плановой экономики к рыночной у молодежи появились не только

преимущества, но и трудности. На сегодняшний день считается важнейшим преимуществом обладание теми знаниями и умениями, которые высоко ценятся на современном рынке труда. Таким образом, можно сделать вывод, что переход к рыночным отношениям не только увеличил спрос и стал мотивировать молодых людей к получению высшего образования, но и кардинально изменил понимание его роли и ценности. С одной стороны, статусная функция высшего образования обусловлена ориентацией молодёжи на жизненный успех, который они соотносят с престижным высшим образованием. Однако, благодаря таким тенденциям, высшее образование обесценилось вследствие массовости его получения и не стало гарантировать получение высокооплачиваемой и престижной работы. Множество молодых людей получает высшее образование «для галочки», «за компанию», «потому, что так принято» или потому, что не хотят идти работать в сферу рабочих профессий, получив на руки аттестат зрелости. Более того, нередки случаи, когда вчерашний студент, получив диплом о высшем образовании благодаря именно такой мотивации, идет работать туда, где можно получить более легкие и быстрые деньги, к примеру, мастером маникюра или монтажником пластиковых окон, забывая о том, что для этой работы ему вполне хватило бы среднего образования и время и, в некоторых случаях, деньги, потраченные им или родителями на его обучение, можно было бы сэкономить.

Таким образом, молодое поколение желает добиться независимости от общества с помощью получения престижного образования и материального достатка, зачастую забывая о том, что на начальной ступени своей карьеры работа по специальности не может обеспечить их материально так, как им хотелось бы. В XX веке высшее образование было необходимо, прежде всего, для более успешной интеграции индивида в общество. На сегодняшний день, роль образования значительно изменилась и далеко не всегда диплом о высшем образовании стал обеспечивать человека денежной, престижной профессией.

Литература

1. Осипова Л. Б., Энвери Л. А. Жизненные стратегии современной молодежи. / Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012, № 4 / том 4. - 106-107 с.
2. Черкасова М. А. Современные жизненные стратегии и их роль в успешной самореализации учащиеся молодежи. / Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2014, № 3 (11). – 124 с.

РАССМОТРЕНИЕ ТЕХНИК МАНИПУЛИРОВАНИЯ В АСПЕКТЕ НЕЙРОФИЛОСОФСКОЙ ПРОГРАММЫ

Е.О. Илюхина

Новосибирский государственный медицинский университет, г. Новосибирск
Plyukhina95@mail.ru

Манипуляция, согласно С.Г. Кара-Мурза [1], это исходный, фундаментальный вариант взаимодействия, при котором один участник жизненной драмы заставляет других действовать в его интересах и по его программе так, что это не распознается жертвами и не вызывает у них сопротивления. Основные виды манипуляции:

1. Бытовая. В общем смысле бытовая манипуляция основана на страхах, иррациональных убеждениях и комплексах человека, которые в большинстве случаев формируются в детстве. Основные компоненты бытовой манипуляции:

- перенос ответственности на другого человека;
- вызывание чувства вины и стыда, ради получения желаемого;
- провокационные вопросы и истерическое поведение впоследствии;
- сплетни.

Степени бытовой манипуляции.

Легкая степень – провокационные вопросы, обида, вызывание вины, привлечение внимания. С такими людьми достаточно легко договориться, они легко отходчивы, просто даешь/говоришь, что они хотят. Например, признаться в любви, сказать, что красивая(ый), самая(ый) лучшая(ый). Получают теплые слова, одобрение и успокаиваются.

Средняя степень – с такими людьми можно договориться, но тяжело. Они психологически продавливают тех, кто продавливается, но не лезут к тем, кто не продавливается. Хитрее, чем первые, так как их манипуляцию тяжелее увидеть, с виду заботливые, хорошие, но делают вид для всяческих выгод. Милые, когда получают, что хотят, а как только не получают желаемого, то обесценивают своих близких и обвиняют во всех бедах и неудачах (причем своих неудачах).

Тяжелая форма – с этими людьми не договориться, они психологически давят и давят. Честные способы общения с ними (выражения чувств, я-высказывания) с ними не помогают, они еще больше впадают в истерику при любом взаимодействии. Готовы избить, унижить, чтобы доказать свою точку зрения и получить желаемое. К этому виду манипуляции также можно отнести демонстративные виды психических расстройств (депрессия, психосоматика, истерия).

2. Профессиональная. Профессиональная манипуляция используется в маркетинге, рекламе, последнее время и собственно бизнесе. Основная идея

заключается во влиянии на мотивацию страха что-то упустить (текст об ограничении выгоды), и мотивации интереса (текст, направленный на человека персонально). «Решить проблему клиента», как якорь, и если у человека есть такая проблема, то он пойдет на рекламу, так как узнал, что компания решает его проблемы. Такая манипуляция не распознается, если не знать ее изнутри. Здесь существует перечень способов, их можно изучить, и в дальнейшем не попадаться на эти способы. В случае профессиональной манипуляции узнать методы, иметь свою осознанность и рефлексия и не вестись на то, что действительно не нужно.

3. Манипуляция в рамках философской и вообще подготовленной к рефлексивному управлению группы. В простейшем случае это манипуляция, которая основана на использовании ошибок логики и аргументации. Более подробно об это говорить в другой работе, посвященной теме именно использования ошибок логики в манипулятивном процессе.

4. Манипуляция психопатов, социопатов, лиц с расстройством личности, у кого имеется нарушение эмпатических функций. Психопатов выделим отдельно, хотя это расстройство в литературе относится тоже к личностным расстройствам.

Такая ситуация у психопатов связана с генетическими нарушениями, у них отсутствует эмпатия и сопереживание. Они могут делать жалостливый вид, как они несчастны, как они чувствительны и эмоциональны, но на самом деле они не чувствуют ничего, это все манипуляция на чувствах других. Что касается психотерапии психопатов в таком случае, групповая терапия очень опасна, так как в группе люди делятся своими чувствами и страхами, психопат запоминает все это и в дальнейшем знает на чем надавить у своих жертв в последствии. Таким образом, рядом с таким человеком, чувствуешь себя очень виноватым во всем, ничтожеством без этого человека, никем. Помимо того, что зачастую мозг у психопатов не реагирует на эмоционально значимые слова стимулы (страх, любовь, смерть и др.) [2]. Таким образом, в дальнейшем необходимо исследование физиологии мозга психопатов и просто манипуляторов, и смотреть нейрофизиологическую разницу, одновременно проводя компаративное исследование с обычными людьми [3].

Особенно важно защищаться от манипуляции, когда чувствуешь свою вину и готов сделать все, что угодно, это стоит анализировать в себе, и задавать себе вопрос «а почему, собственно говоря». Следует обратить внимание на контекст ситуации, и какой человек находится рядом, рядом с кем возникают эти состояния, особенно состояние сопереживания и сострадания, к примеру, с депрессивными людьми. Они посылают невербальные сигналы, чтобы на них обратили внимание и постоянно проявляли жалость, заботились о них, пока они ничего не делают. Важно понимать, где сам виноват действительно, а где вина индуцирована контрагентом и его окружением.

Литература

1. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. — М.: Изд-во: Эксмо, 2005. — С. 19-68.
2. Лишенные совести. Пугающий мир психопатов: Пер. с англ. — М.: ООО "И. Д.Вильямс", 2007. — 288с.: ил. — Парал.
3. Глебов Е.В. Нейрофилософские эксперименты, которые должны быть проведены // Тезисы докладов участников VII Российского философского конгресса «Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад - диалог мировоззрений» (г. Уфа, 6 - 10 октября 2015 г.). В 3-х т. Т.1. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2015.- С. 115.

НЕВОСТРЕБОВАННОСТЬ ИННОВАЦИЙ КАК ОДНА ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ПРОБЛЕМ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.С. Карпова

Новосибирский государственный университет экономики и управления
«НИНХ», г. Новосибирск
tomaan@mail.ru

В современном мире инновации приобретают статус одного из важнейших факторов общесоциального развития. Именно инновации определяют конкурентоспособность любой успешной деятельности отдельно взятого предприятия и страны в целом. Таким образом, инновационная трансформация российской экономики может обеспечить в долгосрочной перспективе национальную конкурентоспособность и успешно решить накопившиеся проблемы в социально-экономической сфере, что, несомненно, актуализирует исследование инновационного процесса. Но термин «инновация» сегодня нельзя рассматривать как чисто экономический или технический.

Лебедев С.А. и Ковылин Ю.А. отмечают, что инновациями являются именно востребованные рынком научные разработки и изобретения [1, С. 40]. Это дает основание полагать, что одной из ключевых черт инноваций является положительный экономический либо социальный эффект от их использования, т.е. инновация должна быть внедрена. Данный факт сигнализирует о необходимости выделения деятельности по выводу на рынок инноваций в новое, самостоятельное звено в структуре инновационной деятельности, что придает особую значимость процессу внедрения инноваций.

Таким образом, одной из центральных проблем инновационной деятельности является вопрос их внедрения и востребованности. Для

решения этой проблемы необходимо определиться с причинами неустойчивости инноваций и трудностей на пути их внедрения.

Так, одной из причин возникновения трудностей в процессе внедрения инноваций может являться слабая связь между традициями и новыми веяниями. Без опоры на «опыт предков» затраты на разработку инноваций существенно возрастают: инноватор во многом повторяет уже известные исследования, затрачивая на это значительные средства, что влечет за собой сокращение бюджета на продвижение инновации. Кроме того, высокие затраты на разработку, нехватка бюджета сами по себе являются причиной неудач при внедрении инноваций: многие инновационные проекты так и не завершаются из-за нехватки финансовых ресурсов [2, С. 25]. Также многие инновации не доведены до этапа внедрения из-за элементарного отсутствия информации о научно-технических достижениях, рыночной конъюнктуре, патентах, предложениях на научно-технические и экспериментальные услуги и т.д. Все это дает основания полагать, что требуется развернутый диалог в сфере науки и практики, обмен идеями, знаниями и инновациями.

Следующей причиной можно назвать недостаточно развитую инновационную культуру [3, С. 341]. Цветкова В.Д. связывает формирование инновационной культуры с развитием творческих способностей и реализацией креативного потенциала самого человека [4, С. 106]. Можно сделать вывод, что разработка проблем реализации личности в современном инновационном обществе позволит решать задачи преодоления сопротивления внедряемым новшествам.

Струк Е.Н. выделяет не освоенность уже имеющихся инноваций всеми членами общества, несоответствие потребительских свойств инноваций запросам индивидов и групп, а также неподготовленность среды и отсутствие социальных, культурных, технологических средств обобщения и интегрирования в культуру нового социокультурного опыта как ключевые проблемы адаптации к инновациям [5, С. 339]. Она отмечает, что инновации производятся достаточно стихийно, что порождает усталость от бесконечности процесса приспособления к новому; доминирующим социальным настроением является тревожность. Она приходит к выводу, что такое состояние общества не способствует общественной поддержке нововведений, поэтому инновации зачастую не внедряются в общественную практику.

Коллектив авторов во главе со Стегний В.Н. отмечают, что сейчас ключевым звеном в деятельности экономического института является создание продукта не столько инновационного в техническом плане, сколько в плане развития определённых потребительских стандартов [6, С. 41]. Т.е. свойство продукта – это виртуальное значение, зачастую имеющее лишь иллюзорную связь с объективной полезностью данного продукта. Стегний

делает вывод, что индустрия постиндустриального общества обрастает множеством типичных моделей потребления. Данное утверждение дает основания полагать, что описанная ситуация может являться одновременно как причиной, так и возможным решением проблемы внедрения инноваций: иллюзорная инновационность и полезность продукта может препятствовать внедрению разработки инновационного характера в силу отсутствия у нее необходимых потребительских свойств; с другой стороны, инноватор, обладая информацией о типичных моделях поведения целевой аудитории своего продукта, может грамотно выстроить маркетинговую кампанию и наделить инновационный продукт характеристиками, требующимися его целевой аудитории.

В процессе осуществления инновационной деятельности важную роль играет та информационная среда, в которой оказывается информация о новых и перспективных идеях на разных этапах их реализации и внедрения [7, С. 217]. Создание благоприятной информационной среды может помочь в решении многих вышеперечисленных проблем.

Литература

1. Лебедев С.А., Ковылин Ю.А. Философия научно-инновационной деятельности: Монография. М.: Академический Проект; Парадигма, 2012. – 182 с.
2. Юрин С.В. Роль государства в финансовом обеспечении инновационной деятельности / С.В. Юрин // Проблемы современной экономики, 2010. – №3(35). – С. 23-27.
3. Соболев Т. В. Философский анализ содержания понятий «культура», «инновация» и «инновационная культура» // Молодой ученый. – 2014. – №13. – С. 337-341.
4. Цветкова, В.Д. Новые возможности исследования новаций инноваций в философии /В.Д. Цветкова//Вестник Челябинского государственного университета. – № 14. – 2008. С. 104-109.
5. Струк, Е.Н. Социальные пределы инновационных изменений // Вестник ИРГТУ. – 2015. – №11. – С. 335-341.
6. Стегний, В.Н. Личность в информационно-инновационном обществе: Монография. Пермь: Из-во Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2015. С. 448.
7. Яголковский, С.В. Психология инноваций: подходы, модели, процессы. Научная монография, Москва, 2010. С. 264.

СУБЪЕКТИВНАЯ МОНОТОННОСТЬ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Г.А. Княн

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
им. маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень
malivia@rambler.ru

Современные условия труда характеризуются высокой интенсивностью и сменой видов деятельности. В то время как ряд сфер жизни общества по содержанию подвержены монотонии, постоянный стресс и высокие нагрузки также приобретают черты рутинизации, снижающей творческий потенциал населения.

Монотонность представляет собой ритмичные повторяющиеся действия в рамках какой-либо трудовой или профессиональной деятельности. Рутинизация труда, как следствие монотонности, во многом характерно для значительного объёма офисной работы в виде осуществления контрольной и регистрирующей функций [1].

В рамках рабочих процессов угрозу представляет двигательная монотонность, где ведущую роль играет энергетический фактор, то есть имеет место напряжение опорно-двигательного аппарата. Развитие постиндустриального общества и технического прогресса в свою очередь сформировало условия для возникновения сенсорной монотонности, выраженной в работах, в которых преобладает информационный фактор. При этом монотонными считаются работы, связанные с длительным пассивным наблюдением, с восприятием однообразной информации или характеризующиеся недостатком информации, поступающей из внешней среды. Таким образом, сенсорная монотонность может проявляться как в производственном, так и в образовательном процессе. Военное образование, осуществляющееся в условиях закрытой организационной системы, ввиду недостатка внешней информации и жёсткого распорядка дня во многом подвержено рутинизации и формированию сенсорной монотонности, что может иметь негативные последствия для интеллектуального и психофизиологического развития курсантов [2].

Основные угрозы монотонности и монотонии труда обусловлены стандартизацией действий и операций и деградацией творческого и креативного потенциала. В условиях военной организации рутинизация является следствием необходимости поддерживать дисциплину, а также общим значительным количеством подчинённых.

Автором было проведено исследование методом фокус-групп на базе образовательных учреждений г. Тюмени (в том числе Тюменского ВВИКУ) по вопросам оценки рутинизации и монотонии труда в условиях образования.

В исследовании было задействовано 8 фокус-групп по 5-7 человек. Половина участников представляла систему военного образования, в то время как остальные отражали ситуацию в гражданских вузах.

Согласно данным исследования в наибольшей степени распространена субъективная монотонность. Молодые люди считают «скучными» и «незначимыми» большую часть предлагаемых дисциплин в рамках образовательных стандартов. При этом в качестве аргументов приводятся следующие факты:

- отсутствие необходимости изучать общеобразовательные дисциплины;
- стремление к экономии времени, затрачиваемого на побочные сферы деятельности;
- ориентация на профессиональный цикл дисциплин;
- стремление к сочетанию образовательного процесса и личного свободного времени в пользу увеличения последнего.

Следует отметить, что если в рамках общеобразовательных процессов по субъективной оценке молодых людей, монотонность характеризуется 8 баллами из 10, то в рамках профессионального цикла этот показатель несколько снижался – до 6 баллов в среднем. Если рассматривать оценку уровня процесса образования в целом, то, она составляла 7 баллов у студентов и 6 баллов у курсантов. Таким образом, достаточно высокие показатели монотонности обучения содержат в себе негативные тенденции снижения мотивации и качества усвоения знаний и навыков.

В качестве причин сложившейся ситуации молодые люди отмечали следующие факторы.

1. Высокий уровень поступающих задач, который не позволяет обдумать ситуацию и сформировать индивидуальную стратегию поведения.
2. Отсутствие понимания полезности результата обучения стимулирует желание сократить усилия на его достижение.
3. Формальность и оторванность от современных реалий (на взгляд молодых людей) преподаваемого материала приводит к утрате стимула к оценке получаемой информации.
4. Большое количество различных точек зрения на ситуации и явления современной жизни вынуждают либо проводить целостный анализ (что требует значительных временных затрат), либо отказываться от анализа в принципе, ограничиваясь выбором внешне привлекательного варианта.
5. Ограниченный кругозор и сфера применения знаний и навыков сужает мотивацию к обучению до примитивных прикладных навыков, которые в представлении молодёжи понятны и реализуемы в ближайшей перспективе. В то время как знания и умения долгосрочного характера остаются невостребованными, ибо вероятность их применения не гарантирована.

Таким образом, акцентирование внимание лишь на «осознаваемых полезных» знаниях увеличивает субъективную оценку образовательного процесса как монотонного ввиду отсутствия структурно-логических связей между собственно знаниями и их возможным применением в практической деятельности.

Несмотря на тот факт, что экономия усилий через устранение монотонных действий объяснима, борьба с монотонностью и монотонией является необходимой. В противном случае «свободное размышление» выпускников в дальнейшем будет замыкаться на работе, и переживаться как раздражение от реализации нежелательного труда.

Литература

1. Гилев В. Г. Исследование функций на монотонность // Концепт. 2016. №7 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-funktsiy-na-monotonnost> (дата обращения: 28.10.2017).
2. Алимарданов З. Ш. Эффективные возможности контекстуальной технологии в подготовке будущих военных специалистов // Проблемы современного образования. 2017. №3 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/effektivnye-vozmozhnosti-kontekstualnoy-tehnologii-v-podgotovke-buduschih-voennyh-spetsialistov> (дата обращения: 28.10.2017).: 28.10.2017).

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

К.С. Ковальчук

Институт философии и права НГУ, г. Новосибирск
microzayn@gmail.com

Настоящее исследование имеет прямое отношение к культурной памяти как внешнему измерению человеческой памяти. Политика памяти стала практикой политических режимов: ни один политик не может в силу своей профессии не участвовать в интерпретации исторических событий. В последнее время политические режимы все чаще обращаются к историческим фактам ради достижения определенных целей. В этом отношении тема работы представляется актуальной, поскольку затрагивает целую проблемную область, нуждающуюся в дополнительной разработке, а именно проблематику мемориальных законов на примере германского кейса дефашизации. Кроме того, важно проследить динамику развития концепции политики памяти в работах авторов разных временных периодов, сравнить их, найти черты сходства и различия, а результат соотнести с политикой памяти как практикой.

Объектом исследования является противоречивый статус политики памяти в Германии и в России.

Предметом исследования выступают работы западных и отечественных историков, социологов и философов, развивающих концепцию исторической памяти в своих сочинениях.

Исходя из темы курсовой работы и поставленных вопросов, проблема исследования заключается в двойственности понятия «политика памяти», как социально-философском термине и как практики. Цель исследования заключается в анализе различных концепций политики памяти в динамике.

Поставленная цель предопределила следующие задачи исследования:

- проанализировать базовые понятия, предшествующие и окружающие понятие «политика памяти» (такие, как «память», «коллективная память», «политика идентичности» и т.д.);
- дать философско-социальную характеристику понятию «политика памяти»;
- изучить принципы формирования понятия «политика памяти» в работах М. Хальбвакса, Я. и А. Ассман, Н.Е. Копосова и О.Ю. Малиновой;
- сравнить общую социально-философскую концепцию с практикой существующих политических режимов (в Германии, России).

Методологическую основу работы составил системный подход, дающий возможность целостного рассмотрения концепции исторической памяти и изучения динамики ее развития. Примененный диалектический метод заключается в исследовании двойственности событий, а также их противоречий и взаимосвязи. Исторический метод был также задействован в ходе работы, что подразумевает анализ события в его развитии. В этой связи, используемые методы позволяют реконструировать полную картину событий, акцентируя внимание на достоверности или искажениях действительности.

В ходе проведения исследования был определен основной понятийный аппарат и связь культурной памяти с национальной идентичностью. Проведенный анализ показал, что представители немецкой политологической мысли посвящают свои исследования в области культурной памяти не только формам бытования коммеморации, но и способам излечения коллективной травмы.

Также были определены основные направления использования событий прошлого российскими властями в отношении политики идентичности в постсоветской России. Было выявлено, что они становятся инструментом выстраивания «символической политики», образуя единую национальную идентичность российского народа. В этой связи трактовка событий прошлого направлена на доказательство гражданам России величия

страны и необходимость сплоченности вокруг благодетельной политической элиты.

В целом, по результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Западные и отечественные историки сходятся в том, что политика памяти является неотъемлемой частью функционирования любого современного общества, в особенности сформировавшегося в демократических условиях, поскольку без механизма памяти истории не существует вообще. В итоге, работы западных и отечественных политологов отличаются более тщательной разработкой теоретических элементов политики памяти со стороны французских и немецких исследователей и использованием отличающихся кейсов. Так, для Германии наиболее болезненной темой являются преступления нацизма и в особенности Холокост, для России – трагический опыт мировых войн, сталинские репрессии и распад СССР. Следует заключить, что в то время, как на Западе дискуссии об исторической памяти приобретают скорее культурную и национальную окраску, в России общественность подвержена проецированию мемориальной составляющей на политическую действительность, будь то коммунистический или либерально-демократический компонент. «Политика памяти» существовала, как практика ещё до того, как в социально-философской концепции памяти появился данный термин, и уже у Хальбвакса он был тесно связан с функционированием общества. Исследователи спокойно живут в рамках данного термина, когда говорят и о концепции, и о практике, свободно употребляют его и в том, и в другом значении.

Полученные результаты работы в перспективе могут быть использованы для исследования проблемы возникновения и развития неонацизма в России – стране, некогда сильно пострадавшей от внешних проявлений идеологии фашизма и нацизма и позиционирующей себя как «страну-победительницу фашизма» [Гришин, 2015]. Вместе с этим необходимым представляется изучить, какую роль в этом процессе возникновения сыграла политика памяти. Также представляется необходимым расширение списка использованной литературы, поиск авторов и чтение в оригинале ради расширения теоретической базы.

Литература

Источники:

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.

3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Копосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. М.: НЛЮ, 2011. 320 с.
5. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
6. Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке: Трансформация дискурса о коллективной идентичности. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. 190 с
7. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

Научно-исследовательская литература:

8. Гришин А. Западные социологи: Европа забыла, кто победил Гитлера // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nsk.kp.ru/daily/26372/3253867/> (Дата обращения: 10.03.2017).
9. Коллективное сознание // Энциклопедия социологии, 2009. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://sbiblio.com/biblio/content.aspx?dictid=97&wordid=81310/> (Дата обращения: 29.04.2017).
10. Кочнева Е.Д. Политика памяти в России как систематическая работа с прошлым // Дискурс-Пи. 2015. №3-4. С.50-56.
11. Розов Н.С. Динамическая концепция менталитета и изменчивое разнообразие российских габитусов // Идеи и идеалы. 2010. Т. 1, №1(3). С. 60-79.
12. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Под ред. Т.Н. Чернявской, К.С. Милославской, Е.Г. Ростова, О.Е. Фролова и др. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина; АСТ-Пресс, 2007.
13. Сидорова Л.О. Концептуальные подходы к понятию «Историческая память» // Вестник МГУКИ. 2012. №4 (48). С.81-86.
14. Трубина Е.Г. Коллективная память / Под ред. В.Е. Кемерова // Современный философский словарь. М.: Панпринт, 1998. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://encyclopedia_philosophy.academic.ru/275/ПАМЯТЬ_КОЛЛЕКТИВНАЯ/ (Дата обращения: 29.04.2017).

ФОРМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Г.Д. Ковригина

Иркутский национальный исследовательский технический университет

г. Иркутск

Kovrigina_gd@mail.ru

Солидарность – это то, что заставляет людей держаться вместе, несмотря на различия их убеждений, статусов и позиций. Солидарность позволяет говорить о категории «МЫ», категориях «своих» и «чужих». Но с изменением социальной реальности меняются и смыслы и формы солидарности людей.

То, что понимали под солидарностью ученые XVIII-XIX веков, когда данное понятие только начинало изучаться (как «универсальная связь между людьми» Л. Буржуа [8], «идеи равенства и братства» в истоках революций во Франции) оно выступало своего рода социалистической трактовкой солидарности. В XX веке смыслы солидарности стали изменяться. Т. Парсонс [9] стал говорить о том, что единых ценностей и целей для солидарности общества недостаточно, А. Харенд писала о том, что политические условия зачастую имеют большее влияние, чем личные убеждения человека [7]. Это привело к тому, что на практике стали изменяться условия, формы и контексты солидарности.

Начало XXI века еще более подтвердило справедливость данных суждений. Ценности меняются под влиянием виртуализации и глобализации, вестернизации и массовой культуры. То, что объединяет людей сегодня, становится не актуальным завтра. Связи, консолидирующие группу, уменьшаются во времени и в пространстве.

Ранее предполагалось, что солидарными могут быть люди объединённые территорией, идеологией или чем-то еще. Сегодня, благодаря развитию виртуального пространства, консолидация может происходить между людьми, живущими на разных территориях, говорящими на разных языках, верящими в разных Богов, живущими при разных социально-экономических и политических условиях. Интернет дал новое пространство для реализации новых форм солидарности людей.

Более того, становится актуальна солидарность не вообще (солидарность «борьбы за права и свободы», за «равенство и братство», за «мир во всем мире» и т.д.), а солидарность конкретных движений и процессов (политических партий, экологических активистов, гражданских инициатив и прочего). Солидарность становится более локальной и уменьшенной в масштабе, имеет конкретные формы, но в то же время не продолжительной во времени. В то же время, солидарность приобрела конкретные формы действия, она престала быть идеологическим и

теоретическим конструктом, она стала иметь четкие формы и ясное понимание, что надо делать, чтобы достигнуть результата в ближайшее время, а не «когда-нибудь потом».

В работе М.К. Зверева и О.А. Кармадонова [2] показываются новые траектории формирования солидарности, обозначается, так называемая «потоковая модель», включающая вертикальные и горизонтальные процессы солидарности. В исследованиях В.П. Бабинцева [1], Г.Д. Ковригиной [3], О.А. Полюшкевич [4,5], А.Н. Самарина [6] показываются условия и формы социальной солидарности в новых условиях регионального мирового развития, тенденции трансформации социального воспроизводства и социокультурной динамики. Указанные авторы приходят к заключению о том, что солидарность выступает как результат конкретных действий и поступков отдельных людей и целых социальных групп, они объединяют участников формально и неформально, давая локальные смыслы «здесь и сейчас», а не абстрактные «где-то там».

Данные трансформации социальной солидарности показывают изменение ментальных структур, ментальных столпов консолидирующих наше общество. Одновременно, вырабатываются новые схемы и механизмы конструирования солидарности на повседневном уровне. Солидарность как высшая ценность, категория высоких материй престала быть актуальной, она приобретает локальные, конкретные формы и определяет реальное поведение отдельных социальных групп и людей. Солидарность для реализации конкретных задач – становится понятной и достижимой. При этом она теряет сакральность и высшие смыслы, но приобретает прикладной и рациональный характер. Каждый участник движения или общественной инициативы – знает для чего и почему он в этом участвует, что получит в итоге. Его личные цели могут и не совпадать с общими задачами движения, процесса или явления, но результат объединяет.

Этот новый контекст социальной солидарности будет определять формы и механизмы как конкретных мероприятий, так и научных фундаментальных исследований в данной области в будущем.

Литература

1. Бабинцев В.П. Формирование солидарного общества как стратегия регионального развития: проблемы и риски реализации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. № 20 (139). Вып. 22. С. 57–64.
2. Кармадонов О.А., Зверев М.К. Консолидация российского общества: потоки и преграды. Иркутск: Издательство ИГУ, 2012. С. 112.
3. Ковригина Г.Д. Социальное воспроизводство современного российского общества в аспекте проблем социальной консолидации // Проблемы социального воспроизводства современного российского общества:

политические, экономические, культурные и демографические аспекты. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск: Издательство ИГУ, 2014. С. 241–246.

4. Полюшкевич О.А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: социальные и экономические перемены. 2015. № 6. С. 3–18.

5. Полюшкевич О.А. Философия благодарности // Гуманитарный вектор. 2017. Т.12. №1. С.67-74.

6. Самарин А.Н. Социальная эмпатия: у истоков солидарного сознания // Конфликтология. 2008. № 3. С. 164–183.

7. Arendt H. On revolution. New York: Faber & Faber. 1963. p. 179-216.

8. Bourgois L. Solidarité. Paris: Librairie Arman Colin. 1906. p. 69-73.

9. Parsons T. Societies. Englewood Cliffs: Prentice-Hall. 1966. p. 332-340.

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ

О.В. Кокорина, А.А. Сулаев

Институт философии и права НГУ, г. Новосибирск
olga.v.kokorina@gmail.com; mortedominati@gmail.com

Современный работодатель сталкивается с целым рядом проблем, касающихся управления своим персоналом. Эти проблемы касаются мотивации сотрудников, выстраивания отношений и коммуникаций в коллективе, сохранения благоприятной для работы среды и ряда менее важных проблем, к которым пытаются подойти с позиции разнообразных методологий. Как правило, эти методологии опираются на четкое разделение человеческой деятельности в виде труда, обучения и игры. Тем не менее, подобное разделение по целям деятельности не отражает различие в самой деятельности, против чего выступают авторы данной работы.

Так как деятельность - это процесс, а процесс определяется по особенностям протекающих изменений, есть основание полагать, что деятельность следует классифицировать именно через специфику её протекания, а не через целевой аппарат. Исходя из этого, можно прийти к выводу, что любая осознанная активность человека способна включать в себя все виды деятельности в разном соотношении друг к другу, что приводит к повышению продуктивности деятельности. Именно на такой посылке основывается наша работа, целью которой является выявление игровых элементов, способных повысить эффективность проектной команды.

Геймификация (Game - *англ.* игра) как инструмент была выбрана не случайно. Как известно, игра сочетает в себе механизмы социализации, осмысления происходящего и восполнения психической энергии, что делает её наиболее предпочтительным видом деятельности для человека. Следуя

анализу игры Йохана Хейзинги[1], можно также сказать, что игра является самоценной деятельностью, правила в которой являются не ограничивающим, а конструктивным элементом, помогающим совершать некоторую деятельность. Это значит, что правильная интеграция игровой деятельности в рабочее пространство позволит улучшить качество работы, психологическое состояние и мотивацию сотрудников. Также, учитывая психодраматический подход Якоба Морено[2], можно заявить о том, что игровая интеграция поможет улучшить слаженность работы в команде.

Следующим шагом к введению игровых элементов во внутренние бизнес-процессы является выбор метода интеграции. В данной работе предлагается проводить двухступенчатый анализ проектной деятельности, в котором учитывается комплементарность социальных и производственных процессов. Важно понимать, что для разных точек зрения на систему может быть разный уровень атомарности отдельных элементов. К примеру, действия у станка, требующие точность и техничность, не могут быть атомами для игры, так как один некачественный срез может загубить целую череду идеальных движений. В данном случае атомарным элементом игры станет производство готовой детали. В то же время, интеллектуальный труд сложно фиксируем и крайне разнообразен. Финальная концепция может не включать в себя большинство озвученных на брейншторме идей, однако это не значит, что они не были ценны для развития концепции.

Продемонстрированное решение об атомарности акта с точки зрения игры помогает определить инструменты геймификации и уровень, на котором проводится формальная игра. Так как игровая деятельность часто приводит к взаимодействию на разных уровнях, изначально не предусмотренных игрой, формальный уровень является уровнем апелляции, а значит, что должен заключать в себе игровой баланс и проектироваться в соответствии с целями и задачами проекта.

Важным моментом использования геймификации как инструмента управления является цель использования, которая может кардинально поменять концепцию игры. Авторами работы предлагается разделять ситуации, где игра используется в качестве этапа системы, который оптимален для целей стабилизации процессов, и ситуации, в которых игра выступает как функциональный элемент системы.

Таким образом, геймификация является сложным, однако актуальным инструментом управления в ситуации современности.

Литература

1. Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. / Пер., сост. и Х 35 вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; Коммент. Д. Э. Харитоновича -М.: Прогресс - Традиция, 1997. - 416 с.

2. Морено Я. Л. Театр Спонтанности. / Пер. с англ., авт. вступ. ст. Б.И. Хасана; Фонд ментального здоровья, Красноярск, 1993
3. Fullerton T. Game design workshop: a playcentric approach to creating innovative games / Tracy Fullerton, with Christopher Swain, and Steven S. Hoffman. - 2nd ed.

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

М.Г. Лисовец

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
им. маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень
malivia@rambler.ru

Современный бизнес в своём развитии во многом опирается на взаимодополняемость отраслей народного хозяйства, а также на многообразие способностей навыков и умений населения. Во многом значимой опорой для укрепления бизнеса является социальный капитал, реализация которого может проявляться в рамках семейных, национальных, дружеских и иных кругах общения.

Этническое предпринимательство как таковое было достаточно чётко сформулировано в работах В. Зомбарта, который объяснял образование мононациональных отраслей природной предрасположенностью народов к отдельным видам деятельности, а также наличием у них ряда необходимых качеств, характерных для конкретного бизнеса [1, с. 135]. Таким образом, природно-географические характеристики и ряд этно-культурных аспектов позволяет говорить об усилении этничности отдельных отраслей.

Данному факту способствует феномен развития посредничества в среде национальных меньшинств, который был впервые зафиксирован Эдной Бонавич [2]. Согласно её исследованиям наличие в составе населения этнических групп некоренного происхождения, может сыграть ключевую роль в развитии отраслевой специализации региона. Анализ ведущих европейских государств: Германии, Франции, Великобритании, – показал рост контроля ряда сегментов рынка со стороны мигрантов, представителей малых народов [2]. При этом их способ бизнес-образования также заключён в передаче навыков от более опытных бизнесменов, а также формировании собственных технологий путём экспериментирования.

Формирование национально обусловленных секторов экономики может иметь положительную сторону, заключающуюся в улучшении качества жизни мигрантов, а также в создании коммуникационных каналов с местным населением посредством торгового оборота.

Однако усиление развития этнического бизнеса имеет и свои негативные стороны, выражающиеся в накоплении деструктивных тенденций в бизнес-образовании в целом.

1. Как правило, основным институтом передачи опыта в рамках диаспоральных сообществ является акселерация. Её качество достаточно высоко ввиду необходимости оперативного вовлечения мигрантов в процесс получения дохода. Таким образом, этнический бизнес, особенно при соответствующей структуре отрасли (сельское хозяйство), может быть полностью изолирован от экономической системы в целом, включаясь в неё лишь на стадии реализации товара.

2. Монополизация отраслей экономики отдельными диаспорами может привести к ограничению знаний, навыков и методов работы с сырьём и материалами, что создаёт искусственные барьеры свободной конкуренции [3]. Исследования в рамках регионов показывают, что мигранты активизировали свою деятельность в рамках малого и среднего бизнеса. По оценкам социологов до 60 % данных видов бизнеса в течение 20 лет может приобрести этническую основу на базе миграционных потоков. Представители коренного населения, в том числе представители малых этносов, исторически проживающих на данной территории, составят лишь 10-15 % от всех малых предприятий. Однако следует отметить, что значительная часть бизнеса мигрантов не затрагивает инновационные сферы, что высвобождает от 20 до 30 % малого бизнеса [3], который является наиболее перспективным относительно поддержки государства и возможностей развития.

3. Достаточно ярко проявляется низкий уровень легализации бизнеса мигрантов, что может быть обусловлено затруднительным процессом регистрации и организации дела, с учётом требований законодательства России. Данный факт может послужить стимулом к развитию теневого сектора этнического бизнеса, как оппозиционной силы легализованным отраслям коренного населения. В условиях теневых отношений возможности обучения в рамках официальной системы государственной поддержки бизнеса достаточно ограничены, что исключает мигрантов-бизнесменов как из статистических документов, так и их активного образовательного пространства.

4. Расслоение в этнической среде приводит к формированию кастовости в сфере реализации трудового и предпринимательского потенциала. Согласно данным качественных социологических исследований, подобное расслоение оказывает достаточно сильное влияние на распределение ресурсов и обеспечение доступа к благам, в том числе информационным и образовательным. В ряде регионов, распределение трудовых и предпринимательских возможностей происходит неравномерно при рассмотрении мигрантов из Таджикистана и Азербайджана, где первые

занимают самые низкооплачиваемые и низкодоходные ниши ввиду недоступности более доходных сфер деятельности. Подобный факт приводит к псевдоидеациональной стратегии адаптации [4, С. 59], которая препятствует качественной адаптации мигрантов и формирует условия для ещё большей закрытости.

Таким образом, следует отметить, что современный этнический бизнес обусловлен процессами дифференциации отраслевой принадлежности и стремлением к закрытости от проникновения в сектор представителей иных культур. Анализ структуры спроса мигрантов на бизнес-активную деятельность показывает, что этнический миграционный бизнес в целом имеет ряд положительных аспектов влияния на региональную экономику, но также сопряжён с рядом рисков.

Литература

1. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного человека / В. Зомбарт – М.:, 1924. – 341 с.
2. Россияне не видят смысла заниматься бизнесом. Петербургский правовой портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://ppt.ru/news/117288>. (дата обращения: 01.09.2017).
3. Малый бизнес в России построят за счет мигрантов. Официальный портал РБК. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2011/12/21/focus/562949982347369> (дата обращения: 01.09.2017).
4. Сорокин П. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. Сорокин – СПб.: РХГИ, 2000. – 1054 с.

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЧЕРКОВЕДЕНИЯ КАК ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ В СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ЭКСПЕРТИЗЕ

В.В. Лозбенъ

Новосибирский государственный университет экономики и управления
г.Новосибирск
vladlena.lozben@gmail.com

Вопросы обеспечения безопасности информации требуют постоянного усовершенствования. Все большее значение в современных условиях приобретают биометрические технологии как одно из основных направлений защиты информации. В настоящее время биометрические системы внедряются во всех странах мира. Биометрия определяется как процесс сбора, обработки и хранения данных о физических характеристиках

человека с целью его идентификации. К биометрическим идентификаторам относят: отпечатки пальцев, геометрию лица, радужную оболочку глаз, голос, почерк, печать на клавиатуре, узор вен на руках и прочее.

Биометрическая защита более эффективна по сравнению с PIN-кодами, электронными ключами, smart-картами и прочим, так как биометрический идентификатор не подliegt утери и сложен в подделке. Среди современных средств биометрической идентификации выделяют системы для идентификации личности по почерку. Одной из наиболее существенных проблем в судебном почерковедении являются экспертные ошибки. Оказать существенное влияние на вывод экспертизы могут такие факторы, как:

- субъективность оценки результатов вывода, т.к. в процессе исследования необходимо участие человека;
- человеческий фактор (невнимательность, поспешные выводы, усталость и т.п.);
- высокие временные затраты на проведение исследования, особенно при больших объемах информации.

Почерк или подпись человека – это сложный почерковедческий материал, так как на формирование почерка в течение всей жизни человека оказывают влияния различные факторы, основными среди них являются психофизиология человека, методы обучения письму. Кроме того на формирование почерка в каждый конкретный момент времени оказывают влияние внешние и внутренние факторы. Эти факторы могут иметь эпизодический характер. Все это увеличивает возможность допущения ошибок эксперта в выводах. Кроме того, на вывод эксперта оказывают непосредственное влияние его квалификация и стаж работы. Воздействие всех перечисленных факторов является одной из наиболее острых проблем при проведении почерковедческих экспертиз.

В докладе раскрываются проблемы в области почерковедения, связанные с необходимостью непосредственного участия человека в процессе проведения почерковедческого исследования. Для решения обозначенных проблем описывается развитие инструментов и методов почерковедческой экспертизы, становление почерковедения как науки со времен возникновения письменности. Приводится хронологическая последовательность этапов развития почерковедения как экспериментальной науки, представляются примеры успешного и провального применения разработанных методик почерковедческого исследования на практике.

Литература

1. Аубакирова, А.А. Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения : дис. ... докт. юрид. наук :12.00.09. – Челябинск, 2010. – 45 с.

2. Кулик, С.Д., Автоматизация криминалистического исследования рукописных документов и вопросы безопасности // Научная сессия МИФИ-2008. XV Всероссийская науч. конф. – С.Д. Кулик, Д.А. Никонец. «Проблемы информационной безопасности в системе высшей школы». Сб. науч. трудов. М.: МИФИ, 2008. с. 88–89.
3. Кулик, С.Д. Примеры использования нейросетевого алгоритма в методиках для эксперта-почерковеда. Нейрокомпьютеры: разработка и применение – С.Д. Кулик, Д.А. Никонец, 2009 г., с. 61-65.
4. Лебедев, С.А. Основы философии науки / под ред. проф. С.А. Лебедева : учебное пособие для вузов. – М.: Академический Проект, 2005. – 544 с.
5. Самигуллина, Г.А., Разработка интеллектуальных экспертных систем прогнозирования и управления на основе искусственных иммунных систем // Теоретическая информатика. Вып. 4. – Алматы, 2009. – с. 15-22.
6. Степин, В.С. Философия науки и техники – В.С. Степин, В.Г. Горохов, М.А. Розов. М.: Гардаки, 1996 г. – 512 с.
7. Hunt J. E., Cooke D. E. Learning using an artificial immune system // J. Network Contr. Appl. 1996. V. 19. P. 189-212.
6. Гайкова, Л.В. Интеллектуальные системы: учеб. пособие / Л.В. Гайкова. Саратов :Сарат. гос. техн. ун-т, 2009. – 188 с.

ДИНАМИКА ПЕРИФЕРИЙНЫХ ОБЩЕСТВ: К ПРОБЛЕМЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ГРАНИЦ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ Р. КОЛЛИНЗА

С.С. Лысенко

Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск
irinalysenko-m@mail.ru

Процессы роста и распада государств всегда вызывали интерес у политиков и ученых. Сегодня внимание мировой общественности приковано к событиям, разворачивающимся вокруг небольших спорных территорий, где под различными масками ведутся военные действия и политические переговоры между Российской Федерацией и её потенциальными противниками. Политическая нестабильность и распад Украины, стремительная периферизация российской экономики и общества сегодня снова, как и во времена распада СССР, актуализирует ряд вопросов связанных с территориальной динамикой государств. Для того чтобы объяснить смысл наблюдаемых явлений необходимо, прежде всего, обратить внимание на используемый для этой цели теоретическом инструментарии и задать вопрос, достаточны ли его возможности для решения такого рода задач?

Среди теорий объясняющих территориальную динамику государств достаточно широко используется геополитическая теория Р. Коллинза. Проверим в данной статье познавательный потенциал геополитической теории Р. Коллинза на примере текущих событий в обществах относящихся с позиции миросистемного подхода к периферии.

Р. Коллинз формулирует пять геополитических принципов территориальной динамики государства, где ключевыми факторами являются «размер», «ресурсы», «окраинность – центральность», «чрезмерность расширения». При этом основной акцент в своем исследовании Р. Коллинз ставит на динамику государств, имеющих территориальное и ресурсное преимущества. Распад таких государств возможен или в результате мировых войн, или в результате чрезмерного расширения, чему посвящены четвертый и пятый принципы. Для объяснения территориальной динамики периферийных обществ данные принципы не подходят. В случае государств периферии работает первый принцип, утверждающий, что именно за счет мелких и бедных государств происходит расширение государств, имеющих преимущество в размерах и ресурсах. Однако следует отметить, что полное территориальное поглощение, превращение во внутреннюю периферию, происходит далеко не всегда. Малые и бедные государства чаще всего зависят от лидеров экономически, на уровне военных и политических договоров. В связи с этим понятие миросистемного подхода «периферизация» может помочь более внимательно подойти к исследованию формирования механизмов геополитического влияния.

Третий принцип геополитической теории Р. Коллинза – «Государства, расположенные в центре географического региона, имеют тенденцию с течением времени дробиться на более мелкие единицы» [1. С. 238] – мог бы послужить теоретической основой для объяснения процессов, например, в современной Украине, однако, данное государство не единственное оказавшееся в центральном положении после распада СССР. Например, Казахстан и Белоруссия, будучи центральными, не претерпевают процессов территориального распада. Следовательно, здесь необходимы дополнительные гипотезы.

Далее, обращает на себя внимание то обстоятельство, что Р. Коллинз не объясняет, как происходит процесс распада. Он сам предложил провести синтез геополитической теории и теории социальных революций Т. Скочпол, в работе которой этот процесс описан. Однако Т. Скочпол основной источник дестабилизации власти видит в чрезмерных затратах на военные нужды, что, например, в случае Украины не наблюдалось. Следовательно, снова необходимо вводить дополнительные гипотезы.

Теория Р. Коллинза не объясняет вызревание и рост идеологических разнородностей на удаленных от центра территорий. Границы геополитической теории здесь могут быть преодолены через синтез с рядом

теоретических положений теории А. Алесины и Э. Сполоре о соотношении размера нации, доступности социальных благ и роста идеологической и культурной разнородностей (см. подробнее [2]).

Геополитическая теория Р.Коллинза не рассматривает структуру территории и поэтому проблема «отсоединения» или утраты внутренних территорий им не поднимается, а именно она выходит на первый план при упадке власти и росте сепаратизма. Методологическая лакуна может быть заполнена с привлечением теории уязвимости А. Стинчкомба, в которой значительное место уделяется структуре территории. Он выделяет «хартленд», «спорную пограничную территорию», «окраину» (bush), «дикую местность» (wilderness), «пограничье», «фронтир» (frontier) (см. подробнее [3. С. 296]).

Делая выводы необходимо подчеркнуть, на сегодняшний день геополитическая теория роста и распада государства Р.Коллинза может быть теоретическим основанием для исследования геополитической динамики современных периферийных обществ, но необходимо дальнейшее развитие теории, что осуществимо как путем синтеза с другими непротиворечащими ей теориями, так и посредством выдвижения дополнительных гипотез.

Литература

1. Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса // Время мира: альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под ред. Н.С. Розова. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 234 –278.
2. Alesina A., Spolaore E. The size of nations. – Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press, 2003. – 262 p.
3. Стинчкомб А. Геополитические понятия и военная уязвимость // Время мира. альманах. Вып. 3. Война и геополитика / под ред. Н.С. Розова. – Новосибирск, Изд-во НГУ, 2003. С. 288–300.

О ЧЁМ МОЛЧАТ ЭКСПЕРТЫ: КАКИХ ВОПРОСОВ НЕ ХВАТАЕТ В СУЩЕСТВУЮЩИХ МОНИТОРИНГАХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (ПО МАТЕРИАЛА ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА В Г. НОВОСИБИРСКЕ)

С.А. Мадюкова

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
sveiv7@mail.ru

Работа выполнена по гранту РФФИ-ОГОН (проект № 16-03-00144)

В 2016-2017 гг. в Новосибирске сотрудниками Института философии и права СО РАН и Новосибирского государственного технического

университета проведена серия экспертных полуформализованных интервью в рамках проекта «Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества: построение системы показателей и апробация в деятельности органов муниципального управления города Новосибирска». В опросе приняли участие около 80 экспертов, которых можно разделить на три подгруппы: первая - это эксперты-исследователи, среди которых – научные сотрудники институтов СО РАН и преподаватели ВУЗов города, в фокусе научных интересов которых лежит проблематика межэтнических взаимодействий и муниципального управления этносоциальными процессами. Вторая группа – эксперты-управленцы, к которым мы относим сотрудников районных и городской администраций, а также работников учреждений культуры, которые в рамках своей профессиональной деятельности напрямую взаимодействуют или координируют процессы, в основе которых лежат межэтнические взаимодействия. Наконец, к третьей группе относятся эксперты – руководители или почетные представители диаспор, землячеств и др.

Поскольку гайды экспертных интервью имеют некоторые содержательные различия, в данной статье мы сфокусируем внимание на анализе интервью с экспертами первой группы, с экспертами-исследователями. В гайд интервью с этой группой экспертов были включены два вопроса: «Какие наиболее значимые вопросы (показатели) должны быть включены в инструментарий мониторинга (исследований) межэтнических отношений и этнических проблем?» и «Каких вопросов (показателей) недостает в существующих (известных Вам) инструментариях мониторингов и исследованиях, чтобы лучше понять состояние и степень напряженности межэтнических отношений и проблем?». С одной стороны, подобные вопросы подчас являются «общим местом» в такого рода исследованиях (методом полуформализованного интервью экспертов). С другой стороны, зачастую такие вопросы так и проходят «в фоне» исследования и не подвергаются специальному анализу. Цель данной статьи – проанализировать, какие проблемы, по мнению экспертов, существуют в исследовании межэтнических отношений, должны изучаться, но, в силу тех или иных причин, не включены (пока?) в инструментарии мониторинговых исследований. В данной работе проанализированы указанные выше два вопроса в 22 интервью с экспертами-исследователями. Стоит отметить, что некоторая часть экспертов оказалась не готовой дать развернутый содержательный ответ на данные вопросы, ограничившись высказываниями о недостаточном уровне собственной компетентности или отсылками к ресурсам, на которых опубликованы методики и результаты мониторинговых исследований межэтнических взаимодействий: *«На сайте Омского университета выложены опросники по мониторингу»* (интервью № 17), *«На мой взгляд, вполне профессионально сделано (о федеральном мониторинге)»*

(интервью № 18), *«Сложно сказать»* (интервью № 15), *«Я никогда с такими инструментариями не работала профессионально, как я могу об этом судить»* (интервью № 13), *«Если посмотреть работы исследовательских центров хотя бы по России в целом, то наберется прекрасный инструментарий, т.к. наработок много»* (интервью № 11), *«Сложно сказать. В нулевые годы было много аспектов не затронуто. Сейчас как-то и в регионе стараются уделять внимание. Если определенные технологии, разработанные социологами»* (интервью № 21).

Тем не менее, можно выделить несколько ключевых направлений, которые так или иначе были отмечены экспертами в интервью. Первое направление – вопросы, связанные с этнической культурой. Причем если одна часть экспертов лишь упоминает сферу культуры как «общее место», сферу, которая так или иначе должна, по их мнению, фигурировать в инструментарии, не разворачивая данный тезис: *«Вопросы, связанные с культурой, социальными проблемами, межэтническими взаимодействиями. Сейчас я не могу конкретизировать»* (интервью № 22), *«Вопросы, связанные с сотрудничеством в культурной сфере»* (интервью № 3), то другие конкретизируют, что в инструментарий стоит закладывать вопросы, связанные с конкретными знаниями и представлениями о культуре разных народов *«Насколько они знакомы с культурой других народов? Пробовали ли они когда-нибудь их традиционные блюда? Были ли они когда-нибудь на их праздниках?»* (интервью № 9), наличием центров национальной культуры – *«выяснить, насколько они охватывают различные группы, которые представляют»* (интервью № 21). Часть экспертов отмечает необходимость понимания степени важности «другой» культуры для представителей принимающего сообщества: *«Насколько мне важно/ не важно, или я отношусь к этому негативно, чтобы та или иная диаспора могла представить этническую специфику своей культуры в каком-то социально значимом проекте или на каком то социально значимом мероприятии. Мне важно, мне всё равно или я вообще ничего такого не хочу, это моя страна и нечего мне тут петь песни на таджикском языке, например»* (интервью № 13), а также необходимость исследования взаимности процесса познания культуры – *«Если мы говорим про вопросы в инструментарии, то вопросы, которые бы касались не только принятия или неприятия у коренного населения представителей других культур, но и обратная связь, насколько представители этих культур готовы уважать, включаться в ту культуру, в которую они приехали»* (интервью № 14).

С другой стороны, эксперты подчеркивают, что «при опросе интеллигенции, людей с высшим образованием, даже если у них будет какое-то иное отношение, на прямой вопрос будут отвечать так, как хотелось бы от них услышать, а не как они думают на самом деле», следовательно, подчеркивается необходимость наличия в инструментарии мониторинга не

только и даже не столько вопросов, связанных с отношением к этнической культуре в целом, а *«что-то конкретное, например, вопрос, если у тебя на лестничной площадке поселится семья цыган – будешь ли ты возражать. Что-то такое, что позволяло бы увидеть не общие тенденции, я в принципе в целом хорошо отношусь к таджикам, они неплохие люди, а что-то конкретное. что непосредственно касается быта, взаимодействий прямых»* (интервью № 14). В данном контексте значимым представляется мнение одного из экспертов о том, что инструментарий массового опроса *«надо максимально привязывать к среде, к территории, например для жителей Хилокского рынка нужны одни вопросы, для жителей Волочаевского жилмассива другие, для жителей, к примеру, Пашино, куда переехала Гусинобродская барахолка, которая поликультурно развивается, нужны третьи вопросы, о традициях ценностях, нормах»* (интервью № 1). Эксперты фиксируют необходимость вопросов, связанных с национальной (этнической) идентификацией респондента: *«Два вопроса должны быть обязательно: “Какая у тебя национальность?” и “Как ты относишься к другим национальностям?”»* (интервью № 15), а также конкретным составляющим этой идентичности: *«Кем себя человек определяет, т.е. текущая этническая идентификация. Второе – это родной язык. Третье – национальная принадлежность родителей и откуда они. Необходимо также спрашивать про конфессиональную принадлежность, и меняли ли вы конфессиональную принадлежность»* (интервью № 17).

Еще одно ключевое направление, которое озвучивали эксперты – это вопросы взаимодействия с органами власти, включенности органов власти в решение «этнически маркированных» вопросов, а также механизмов снятия органами власти межэтнического напряжения и предупреждения межэтнических конфликтов: *«Мне кажется важным исследовать, как, каким образом органы власти не номинально, а реально - чем помогают и в чем мешают. Это желательно не по отчетам и бумажкам узнавать, а спрашивать у реальных людей»* (интервью № 13). Кроме того, эксперты подчеркивали значимость доступа к результатам мониторинга для представителей органов власти *«чтобы принимать адекватные управленческие решения»* (интервью № 4), а также необходимость скоординированности действий различных ведомств, деятельность которых связана с межэтническими взаимодействиями на уровне района, города, страны: *«это некое взаимодействие между органами власти, например сводки, должна быть некоторая аналитика связанная с этническим окрасом преступлений»* (интервью № 2). Эксперты выделяли также конкретные сферы, в которых необходимо исследовать управленческие решения: *«Вопервых, это миграционная политика. Во-вторых, вопросы, связанные с приобретением гражданства. В-третьих, обучение в школе, методики преподавания. Нужны ли школы национальных меньшинств? Нужно ли*

обучение на национальных языках?» (интервью № 8). Как представляется, подобные вопросы довольно сложно операционализировать и включить в качестве показателей в инструментарий мониторинга. Исследовать данные вопросы для комплексного представления об этносоциальных процессах на разном уровне действительно представляется необходимым, однако для этого нужны принципиально иные исследовательские методики.

Ещё одна значимая сфера, неоднократно обозначенная экспертами в интервью – необходимость комплексного анализа «финансовой стороны» вопроса. Причем речь идет как о необходимости изучения в целом *«вопросов, связанных с сотрудничеством в экономической сфере, проблем трудоустройства и занятости»* (интервью № 3), так и конкретно о «нелегальном бизнесе»: *«даже органы власти мало в это посвящаются. Не секрет, что многие представители диаспор занимаются нелегальным бизнесом. Не всегда законными методами добывают средства. Это самая закрытая тема»* (интервью № 22).

Представляется интересным мнение одного из экспертов о важности *«задать вопрос тем, кто приезжает – какую помощь они бы хотели получить в процессах социализации?»* (интервью № 13). Кроме того, один из экспертов подчеркнул необходимость включения в инструментарий мониторинга *«показателей психологического благополучия. И показателей, которые могли бы помочь зафиксировать и проследить в динамике положение человека в социальной структуре социума, возможность социального лифта. Если такая возможность есть, то диаспора имеет возможность перспективного развития. Если же все социальные лифты закрыты, то соответственно наблюдается напряженность»* (интервью № 8).

Таким образом, основные тематические блоки, выделенные экспертами в качестве необходимых содержательных составляющих мониторингового исследования, касаются вопросов этнической культуры, экономических аспектов межэтнических взаимодействий, вопросов, связанных с деятельностью представителей органов власти в управлении межэтническими взаимодействиями, а также вопросы психологического благополучия и помощи мигрантам. Значимым, хотя и сложным в реализации, представляется акцентирование специфики места (микрорайона) в инструментарии мониторинга.

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТАХ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О.Д. Макаров

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск
OlegMakar@list.ru

Основными действиями, нацеленными на прекращение роста любых экстремистских организаций, должны являться регулярные профилактические мероприятия по противодействию антиконституционным проявлениям. Тем более, что в этом направлении есть положительный опыт. Например, в Республиках Марий Эл, Татарстан, Удмуртской Республике, Саратовской, Оренбургской, Пензенской областях разработаны и действуют целевые программы по профилактике терроризма и экстремизма, гармонизации межэтнических отношений. Представляется, что необходимо также вводить подобные программы на всей территории России, а не только в отдельных регионах.

Как показала практика, самыми распространенными методами борьбы с экстремистскими настроениями среди подростков и противодействия им являются именно профилактические программы, а также вовлечение подростков в созидательную социально направленную деятельность – спортивные секции, клубы, общественные организации, творческие и технические кружки и тому подобные организации.

По моему мнению, действенной мерой в профилактике рассматриваемых проявлений выступает привлечение сотрудников полиции для прочтения лекций в образовательных учреждениях и разъяснения опасности экстремизма. Если проанализировать уже имеющийся положительный опыт совокупности мер по профилактике экстремизма в отдельных регионах и соединить его с уже существующим богатым опытом применения конкретных мер противодействия, а это, прежде всего, поиск и выявление очагов экстремизма, целенаправленная работа правоохранительных органов с уже известными экстремистскими организациями, то можно добиться существенных результатов [1, с.114-120]. Разъяснительная работа в молодежной среде по предупреждению распространения идей экстремизма и терроризма должна базироваться не на стереотипах и замалчивании проблем молодежи, а на воспитании защитной реакции учащихся школ и высших учебных заведений России на призывы к экстремизму и физическому и моральному насилию на почве ненависти.

Используя зарубежный и российский опыт противодействия радикальным идеям, можно выделить три важных требования к профилактике экстремизма через образовательные программы [1, с.122-130].

Во-первых, в рамках образовательных программ необходимо ввести понятие экстремизма и преступления на почве ненависти и объяснить последствия подобных явлений. Требуется, затронув историю развития идей экстремизма и терроризма, дать установку молодежной аудитории подвергать сомнению правомерность идей и призывов, с которыми они могут столкнуться как в процессе интернет-общения, так и в реальной жизни. Учащиеся должны ясно понимать, что продвижение угрожающих для общественной безопасности идей подчас используется в отдельных социальных группах при помощи физической силы или словесных оскорблений, что характерно для преступлений на почве ненависти.

Второе требование для программ профилактики экстремизма через образование – это повышение навыков критического мышления. Развитие логики и навыков критического мышления молодых людей рассматривается в качестве жизненно важного элемента в деле предотвращения насилия и экстремизма. Расширение прав и возможностей студентов мыслить критично предоставит возможность научиться оспаривать предлагаемые им идеи, использовать рациональное мышление и участвовать в серьезных дискуссиях. Существует мнение, что программы, поддерживающие выработку навыков критического мышления, должны быть включены в учебные планы начальной школы, поскольку их реализация в средней школе или на университетском уровне является запоздалой.

Третий аспект профилактики – это культурная подготовка учащихся для идейного противостояния в словесных спорах и дебатах на тему экстремистских призывов на почве ненависти. Эрудиция, нравственные ценности и ясное понимание общественной опасности экстремизма должны быть культурной базой для достойного ответа на словесные провокации в ходе общения с представителями экстремистских течений.

Технология составления комплексной программы профилактики идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде может быть единой для всех регионов и авторских коллективов [2, с. 36-40]. Безусловно, для успешной реализации программы необходима организация системы непрерывного мониторинга состояния общеобразовательной организации с позиции профилактики идеологии экстремизма и терроризма.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о необходимости системного, комплексного подхода к организации профилактических мероприятий, направленных на нейтрализацию экстремистской деятельности. Деятельность социальных институтов, включая органы государственной власти, образовательные учреждения, просветительские организации, средства массовой информации и другие, должна быть

направлена на своевременное выявление и устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности. Важным направлением должно стать выстраивание новой стратегии управления межнациональными отношениями, миграционной и молодежной политикой, повышение уровня готовности специалистов к деятельности по воспитанию у молодежи толерантного сознания в части расширения знаний в области психологии, социологии, религии, права и педагогики.

Литература

1. Беспалов С.В. Сотрудничество России со странами постсоветской Евразии в сфере безопасности // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 11 (55). С. 114-130.
2. Некишев А.В., Клементьев А.С. Перспективы совершенствования модельного законодательства государств-участников СНГ в сфере противодействия технологическому терроризму и экстремизму // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века - COUNTER-TERRORISM. 2015. № 4. С. 36-40.

РЕКЛАМНЫЕ ОБРАЗЫ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

С.В. Малых

Иркутский государственный университет, г. Иркутск
malihshs@mail.ru

Реклама тесно связана с тем обществом, в рамках которого функционирует. В то же время эта связь довольно сложна и диалектична, что дает основания говорить о сверх-социальной или социокультурной функции рекламы. Рекламные сообщения всеядны, быстротечны и вездесущны по своей природе. Они призваны обслуживать мир повседневности, помогать людям ориентироваться в нем и его правилах игры. Реклама не воспринимается в качестве чего-то целостного, имеющего время и место своей локализации, но лишь как всегда и всюду сопровождающая нас пыль, как дорожные знаки, подсказывающие об альтернативах, запретах, требованиях общественного бытия. В то же время, именно то, с чем приходится сталкиваться каждый день, и имеет решающее значение для выработки представлений о реальности, а значит - для ее конструирования. Поэтому можно утверждать, что реклама реализует незаметное (ненавязчивое), но основательное нормирование социальной жизни. Фактически это нормирование идет по двум направлениям.

С одной стороны, реклама консервативна, она придерживается авторитарных ценностей, поощряет стереотипные модели поведения и, как результат, поддерживает status quo порождающего ее общества и культуры.

С другой же стороны, она выступает источником трансляции новых смыслов и образов, инициатором трансформаций и, отчасти, творцом социокультурного универсума. Реклама раздвигает границы социального пространства, открывает ранее недоступные способы самореализации, совершенствования жизни и осмысления действительности. Однако, воспроизводя человеческие традиции или вводя в обиход новое, она не только популяризирует придуманное и созданное за ее пределами, но также впрыскивает в сознание людей и те ценности, которых придерживается сама. Таким образом, реклама тихо совершает культурную революцию, ненавязчиво, но емко и убедительно доводя до сведения, что главный культурный стиль сегодня - рекламирование, он единственно адекватная форма, способная вместить и предъявить любое содержание, как бы часто оно не менялось.

Из вышеизложенного следует одно крайне важное и глубокое наблюдение. А именно то, что вообще для поддержания своего существования реклама как социальный институт может и должна вмешиваться в общий социальный запас знаний с целью закрепления и удержания «удобных» для ее целей смыслов других институтов, а также внедрять и «пестовать» системы знаний и ценностей собственно рекламного толка.

И, видимо, можно с уверенностью говорить о том, что она этим занимается, причем достаточно активно и эффективно. В частности, анализ особенностей рекламных посланий убеждает нас в том, что современный институт рекламы целенаправленно реализует коррекцию глобального «определения реальности» как минимум по нескольким направлениям: социальное пространство, социальное время, социальные коды, социальная идентификация и социальное настраивание.

Прежде всего, вспомним, что «пространственная структура. имеет социальное измерение, благодаря тому факту, что зона моих манипуляций пересекается с зоной манипуляций других людей» [1], а, следовательно, можно говорить о пространстве социального, или о социальном пространстве.

Социальное пространство не есть что-то аморфное, оно имеет определенную структуру. У действующих в нем субъектов есть достаточно четкое представление о том, с кем, как, когда и по какому поводу можно и нужно вступать в контакт, а с кем и почему - нельзя; каким образом достигать поставленных целей, не возмущая спокойствия других и т. д. В результате социальное пространство выступает для всех людей как пространство, в котором все их отношения подчинены установленному порядку и именно поэтому не бессмысленны. В связи с этим реклама как институт, жизнеспособность которого зависит от эффективности выполнения предписанных ему функций, стремится таким образом влиять на запас

знаний о социальном пространстве, чтобы среди существующих, а также новоиспеченных вариантов действий и отношений, наибольшего признания и максимально широкого применения добивались те, которые способствуют пропагандируемому ей (рекламой) потреблению товаров, идей, услуг. Иными словами, реклама стремится контролировать отбор, освоение и использование плодородных угодий пространства социальных отношений согласно принципу расширенного потребления.

Доказательством приведенных выше рассуждений может служить факт «открытия досуга». Еще до сравнительно недавнего времени основной смысл жизни широких слоев населения заключался в том, чтобы работать и с помощью этого добывать средства для пропитания. Однако такая подчиненность людей трудовой повинности делала их безучастными по отношению к другим радостям. И когда со всей остротой на повестку дня встал вопрос о сбыте продукции, которой с развитием массового производства стало слишком много для привыкших себя ограничивать рабочих, была осознана необходимость изменения уклада жизни обывателей. Капитаны индустрии незамедлительно приняли меры по повышению заработной платы и уменьшению продолжительности рабочего дня.

Реклама же занялась собственно переориентацией интересов людей во внепроизводственную сферу, открывая им глаза на возможности самореализации в области досуга. Причем с течением времени ей удалось не только привлечь внимание к досугу как к способу восстановить силы после тяжелого труда, но и возвести его в ранг высших ценностей жизни современного человека.

Литература

1. Полношкевич О.А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2014. 190 с.

КОММУНИКАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕНЕГ

А.П. Никитин

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
nikitinanton5891@gmail.com

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ
№ МК-7733.2016.6*

Вопрос о происхождении денег является важной и актуальной проблемой как для экономической науки, так и для социальной теории в целом. От ответа на этот вопрос зависит выбор при характеристике

социальной реальности, как при использовании бинарных оппозиций рациональности и иррациональности, нормативности и стихийности, коммуникативности и замкнутости и т.д. Деньги – это не только продукт социальных отношений, но и фактор, их детерминирующий. Формирование денежной экономики поэтому нельзя рассматривать вне широкого социального контекста, иначе мы легко можем впасть в однобокий детерминизм и увлечение простыми схемами.

Самой простой схемой происхождения денег, которой лучше всего назвать объяснительной моделью, является конвенциональная концепция, истоки которой можно обнаружить в трудах Аристотеля. Для Аристотеля возникновение денег является результатом обмена между разрозненными общностями людей. В момент распада первобытной семьи у отдельных общностей возникает необходимость в вещах, принадлежащим другим общностям. Создается меновая торговля: к примеру, обменивается вино на хлеб и наоборот. «Когда стала больше требоваться чужая помощь для ввоза недостающего и вывоза излишков, неизбежно стала ощущаться потребность в монете, так как далеко не каждый предмет первой необходимости можно было легко перевозить. Ввиду этого пришли к *соглашению* (курсив наш – А.Н.) давать и получать при взаимном обмене нечто такое, что, представляя само по себе ценность, было бы вместе с тем вполне сподручно в житейском обиходе, например железо, серебро или нечто иное» [1, с. 391]. Поскольку функция денег определяется именно коллективным соглашением, то сами по себе деньги условны и зависимы от отношения к ним: «Стоит лишь тем, кто пользуется деньгами, переменить отношение к ним, и деньги потеряют всякое достоинство, не будут иметь никакой ценности в житейском обиходе, а человек, обладающий даже большими деньгами, часто не в состоянии будет достать себе необходимую пищу» [1, с. 392].

В основе конвенциональной концепции лежит представление о том, что основная функция денег – это функция средства обмена, которая способствует эффективному совершению торговых сделок. Противоположной позиции в этом вопросе придерживаются сторонники институциональной концепции. В институциональной версии основной функцией денег является функция средства платежа, предназначенного в первую очередь государству и/или церкви. В соответствии с институциональным объяснением деньги возникли в результате необходимости для молодых государственных образований привести систему поборов, собираемых с разных народов, занимающихся различными видами хозяйственной деятельности, к единому знаменателю, будь то весовая мера зерна либо фиксированный объем металла, либо что-то иное. Экономические отношения Древнего Египта, Месопотамии, Шумерского царства демонстрируют, что появление денег связано с формированием единицы счета для административно-учетных нужд централизованных обществ

Древнего Востока. Эта единица счета использовалась для уравнивания наказаний за нарушения общественного порядка, а также применялась для исчисления налогов и сборов различного рода.

С позиции институционалистов необходимость унифицированного платежа оказалась главным фактором в процессе возникновения денежной экономики. В первую очередь платеж выступал наказанием за вину (штрафы и взыскания за уголовные преступления, а также налог-жертва), он полагался богам и их наместникам на земле. За такие деньги нельзя было купить товар, но можно было получить искупление. В дальнейшем представление о независимом происхождении платежа стерлось, и деньги стали средством оплаты именно потому, что они – средство обмена. Но, как показал К. Полань [2], неверно было бы считать, что все наиболее значимые функции денег сформировались из практики обмена. Архаичное общество не знало универсальных денег, различные предметы использовались как деньги, но в ограниченных пределах: одни предметы для обмена, другие в качестве меры стоимости, третьи для накопления богатства, четвертые для институционального платежа. Кроме того, пока эти функции были разделенными, употребление денег в качестве средства обмена развивалось позже всего.

Функция платежа при этом оказывается определяющей не логически, а исторически, поскольку выполнение обязательств первоначально не было связано с экономическими сделками. «Нарушение обрядовых и социальных обязательств, будь то в отношении бога, племени, родных, тотема, деревни, возрастной группы, касты, гильдии, подлежит исправлению не посредством платежа, а путем совершения действия нужного *качества*» [2, с. 130]. Необходимость в определенной стандартизации этого исправления в рамках развития государственного аппарата приводит к трансформации качества обязательства в *количество*.

Конвенциональная и институциональная концепции происхождения денег являются наиболее распространенными в экономической теории и в социальной философии. Попытки соединить логические основания одной с эмпирическим базисом другой приводят к созданию различных синтетических вариаций, в которых результат синтеза образует теоретические модели, оригинальные по отношению к исходным.

Одной из таких концепций является коммуникативно-семантическая, в рамках которой сам денежный обмен рассматривается как особый институт со своими правилами, возникший в ходе социальной коммуникации как объективация экономических отношений. Вопрос о происхождении денег в этой концепции становится аналогичным вопросу о том, что позволяет под словом «дождь» подразумевать соответствующую разновидность осадков. Как у слов есть своя семантика, употребляемая в процессе коммуникации, так и у денег есть свои функции, признаваемые в процессе экономического

обмена. Мы слышим фразу «Идет дождь» и понимаем, что идет дождь; мы держим в руках обрезок бумаги с надписью «1000 рублей» и понимаем, что у нас есть возможность приобрести что-либо за цену, не превышающую 1000 рублей.

Важной категорией этого объяснения является понятие статусной функции. Статусная функция – это функция, которая не может выполняться благодаря физическим свойствам ее носителя, а лишь благодаря коллективному признанию некоего статуса. У различного рода вещей существуют функции, выполняемые благодаря их физическим свойствам, и функции, осуществляемые в процессе социальной коммуникации. Раскаленный утюг может обжечь вне зависимости от того, распознают ли эту функцию в нем люди; бумага может гореть также вне этой обусловленности; купить же утюг за бумажные банкноты получится только в том случае, если они признаны, приняты и используются как действующие деньги. Статусная функция денег может существовать лишь при наличии коллективного представления о предмете денег как обладающем тем статусом, который несет соответствующую функцию. Процесс присваивания физическим предметам несвойственных им функций является выражением коллективной интенциональности: «Чтобы статусные функции были действенны, необходимо коллективное принятие или признание объекта или личности как имеющих этот статус» [3, р. 8]. Только в силу коллективного признания кусок бумаги может считаться тысячей рублями, а утюг чьей-то собственностью.

Таким образом разногласие между институциональным и конвенциональным подходами снимается благодаря утверждению, что любой институт функционирует благодаря невербализируемой конвенции (коллективной интенциональности, приписывающей статусные функции). Общественная жизнь есть череда приписываний: общество наделяет определенных людей властными полномочиями; эти люди, в свою очередь, наделяют определенные предметы денежными функциями; общество принимает данные предметы как деньги; люди, наделенные властью, распределяют их в общественной среде и т.д. Институциональные правила есть следствие явной или скрытой конвенции, и деньги именно признаются деньгами.

Литература

1. Аристотель. Политика // Аристотель Сочинения в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 375-644
2. Полань К. Семантика использования денег // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. С. 125-137

3. Searle J.R. Making the Social World: the Structure of Human Civilization. New York: Oxford University Press, 2010. 208 p.

КОМИЧЕСКОЕ: КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА «СМЕШНОГО» И «НЕСМЕШНОГО»

К.А. Овечкин

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
Ovechkin-kirill@mail.ru

В наше время отмечается недостаточность исследований на тему современного юмора и анализа его эволюции, видимо по причине того, что юмор считается несерьезной темой. А ведь это не так. Комическое и все виды его проявления, включающие в себя юмор, сатиру, пародию в словесных и визуальных искусствах и повседневной жизни, неразрывно связаны с социальной и культурной средой. Рассматривая понятия «смешное» и «несмешное» мы рассматриваем влияние комического на смеховую культуру.

Итак, наша цель понятия смешное и несмешное. Чтобы раскрыть их мы обратимся к категории комическое, философской категории, обозначающей культурно оформленное, социально и эстетически значимое смешное. В дальнейшем я буду отождествлять понятие смешное и комическое. Обратившись к этой категории, мы провели историко-философский анализ ее концепций и выявили основные принципы комического в трудах философов, что дало нам представление о понятии «смешное».

Для полноты представления комического, мы различили и дали определения следующим основным формам комического: юмор, сатира, ирония, сарказм. Итогом первой главы можно считать, раскрытие общей теоретическую часть категории «смешное», т.е. его принципов возникновения.

Перед тем, как перейти к дальнейшему анализу, мы задались вопросом, без которого невозможно обойтись при рассмотрении понятий *смешного* и *несмешного*: почему же всегда будет существовать ситуация, при которой кому-то шутка будет смешна, а кому-то нет? Ответ прост – социальная среда, в которой человеку вкладываются моральные, эстетические и этические нормы. Этот фактор мы рассмотрели на примере карикатурного журнала «Шарли Эбдо» и скандала, который произошел в связи с ним в 2015 году, тем самым выявив, что *социальная среда влияет на воспроизводство и восприятие комического*.

Учитывая этот фактор, мы рассмотрели функционирование комического в культуре двух эпох: советской и современной России, тем самым проведя сравнительно-исторический анализ форм комического. В

советской культуре мы отметили два момента, которые дают представление о понятии *несмешное*. Это идеологизированность и «снисхождение». Несмешной официальный юмор культивировался в сфере критики буржуазного общества. Идеологизированность рождает «снисхождение», которое подразумевает под собой снисхождение по отношению к идеологическим противникам, на жизнь которых советские граждане должны были смотреть свысока как представители самого передового и гуманного общества. *Смешное* в советской действительности рождается как ответ на идеологизированность и предстает в виде социальной критики в форме анекдота и «дозволенной критики» на советской эстраде в лице Райкина и других комиков, которая соответствовала теории противоречия, описанной в трудах Канта, Бергсона, Гегеля и Проппа.

Современное комическое строится на двух аспектах: *вариативность* комического и его *коммерциализация*.

Вариативность заключается в глобализации, в доступе к огромному количеству всех проявлений комического, юмор сатиру пародии и тд, эта вариативность создает огромное количество *смешного*. Но эта вариативность представляет собой неофициальную среду, как анекдот в советский период.

Официальная сфера, которая отражается в телевиденье и эстраде, пронизана идеей коммерциализации, а вследствие этого сознательное культивирование низких категорий комического. Коммерциализация юмористического продукта подразумевает под собой акцент на коммерческой успешности, т.е. максимальном получении прибыли от юмористического контента. Такой подход снижает качество любых проявлений комического в наши дни. Телевизионный юмор ставит целью вызывать смех и при этом получать его гарантированно, не экспериментируя, обращаясь к не самому качественному, зато работающему на массового зрителя комическому, извращая его до низких категорий.

Культивирование низких категорий комического, примерами которых служат «гримасничество» в Аншлаге и сексизм в Comedy Club лишь подтверждает фактор коммерциализации.

Таким образом, рассмотрев теории комического, мы выявили причины возникновения комического, т.е. «смешного». Применив эти теории к советской и современной действительности, мы поняли как рождается *смешное* и при каких факторах появляется *несмешное*, тем самым достигли целей нашей работы.

Литература

1. Кант И. Критика способности суждения. – М.: Искусство, 1994 – 367 с.
2. Бергсон А. Смех. – М.: Искусство, 1992. – 127 с.
3. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1991.

4. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. – СПб.: Алетейя, 1997
 5. Борев Ю.Б. О комическом. – М.: «Искусство», 1957. – с. 118
- Аристотель. Поэтика // Аристотель. Соч., т. 4. М.: Наука, 1984.

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

У.А. Огурцова

ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)», г. Челябинск
ulya.ogurtsova2011@yandex.ru

В настоящее время в России социологи выделяют наличие проблемы гражданской и государственной идентичности. Идентичность предстает как серьезная проблема российского общества, после переломного времени 1990х годов. Масштабные трансформации в российском обществе отразились на самосознании людей. Существует потребность в формировании социально ориентированного поколения россиян.

Сам термин «идентичность» употребляется относительно общностей, народов, стран и отдельных индивидов. Идентичность рассматривается как процесс непрерывного обретения себя индивидом, группой, социальными общностями, странами, народами и поиска смысложизненных ориентаций.

Идентичность в обществе поддерживается наработанным социальным капиталом. Под социальным капиталом подразумеваются продуктивные связи и взаимодействие людей в обществе, основанных на доверии и стремлении воспроизвести и умножить позитивное содержание их жизни. Понятие «социальный капитал» показывает значимость общества и групповых общественных образований и сообществ, для функционирования всех элементов и сфер – экономики, политики, образования и духовной сферы [1].

Идентичность человека проявляется в процессе развития собственного человеческого капитала. Социальный капитал неразрывно связан с человеческим капиталом. Человеческий капитал измеряется наличием у человека жизненного опыта, навыков, компетенций, образования [2].

Молодежь является носителем инновационного потенциала. В целях достижения устойчивого социально-экономического развития страны создания в молодежной среде национально-государственной идентичности, а также создания условий для формирования гармоничной личности государственная молодежная политика реализует меры, направленные на развитие внеэкономического капитала молодежи.

В рамках создания условий для реализации потенциала молодежи в социально-экономической сфере, а также внедрение технологии "социального лифта" предусматривается формирование системы поддержки молодежной добровольческой (волонтерской) деятельности [3].

Добровольчество (волонтерство) - осуществление добровольческой (волонтерской) деятельности гражданами, их группами или добровольческими (волонтерскими) организациями в интересах физических лиц, юридических лиц, социальных групп или общества в целом [4].

В ходе участия в волонтерской деятельности молодежь имеет возможность развить получить новые полезные навыки и жизненный опыт, проявить себя в новой деятельности, получить профессиональную практику, проявить свою активную социальную позицию. Определить для себя

В 2014 году была учреждена некоммерческая организация «Ассоциация Волонтерских центров с целью выстраивания системной работы волонтерских центров, осуществляющих свою деятельность в субъектах Российской Федерации. Ассоциация волонтерских центров является научно-методическим центром, осуществляя экспертное и методическое сопровождение общественных и образовательных организаций, бюджетных учреждений, органов власти на федеральном уровне.

В Челябинской области аналогичной деятельностью на уровне региона занимается АНО "Ассоциация волонтеров Южного Урала", которая была создана в рамках реализации программы развития волонтерства на Южном Урале в феврале 2015 года при поддержке Управления молодежной политики. На сегодняшний день развитие волонтерского движения является одним из основных приоритетов развития молодежной политики региона. Основными направлениями волонтерской деятельности являются:

- медицинское волонтерство;
- событийное волонтерство;
- социальное волонтерство;
- спортивное волонтерство;
- корпус 70-летия Победы в Великой Отечественной войне ("Волонтеры Победы").

Основной целью работы Центра является координирование и обеспечение взаимодействия всех волонтерских сообществ области. Руководители Центра выстраивают единую систему организации добровольческой деятельности на территории Южного Урала и создают условия для развития волонтерского движения в каждом учебном заведении и муниципальном образовании региона. Активизация волонтерской деятельности будущих специалистов-студентов позволяет результативно формировать основные профессиональные ценности у будущих специалистов, развивать личные и профессиональные навыки.

Добровольческие организации формируют условия для формирования социальных связей, доверительных отношений, взаимопомощи внутри структуры, основывающихся на нормах морали.

Ежегодно Росмолодежь проводит всероссийскую форумную компанию, в рамках которой есть возможность стать соорганизатором в качестве волонтера. Это возможность применить свой опыт, знания, умения и оказать помощь в проведении крупных всероссийских мероприятий. Участие проходит на основе конкурсного отбора.

В 2016 году была создана система сопровождения телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу: <http://добровольцыроссии.рф>, которая предлагает возможность учета опыта и достижений волонтера, поиска мероприятий и работодателей, добровольцев (волонтеров), прохождения обучения, участия в событиях и специализированных конкурсах. Личная книжка волонтера – документ, который содержит сведения об опыте волонтерской деятельности, достижениях и компетенциях.

Существуют также форумы, имеющие профильную направленность, в которой представители добровольческих организаций имеют возможность стать участником: смена «Молодые руководители социальных НКО и проектов» в рамках форума «Территория Смыслов на Клязьме», форумы окружного, областного и муниципального масштаба. Всероссийский форум добровольцев в Санкт-Петербурге – ключевое событие в волонтерском сообществе России, которое проводится в целях развития эффективной добровольческой деятельности в нашей стране. В рамках него проходит обмен опытом практиками и экспертами в области добровольчества, представление лучших практик развития добровольческой деятельности в регионах, оказание содействия в позиционировании лучших проектов в сфере добровольчества.

Таким образом, можно сделать вывод, что волонтерская деятельность является важным фактором и ресурсом общественного развития, выступает средой формирования социального капитала молодежи, так как является созидательной и социально значимой формой самореализации личности. Возможность проявления гуманизма, гражданской активности помогает формировать гражданскую и государственную идентичность.

Литература

1. Гернега, К.С, Ватагина, И.Н. Психологическое здоровье личности в современных социально-экономических условиях /К.С. Гернега, И.Н. Ватагина// Всероссийская психологическая сессия: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции/ Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2017. – С. 83-86.

2. Федотова Н. Н. Идентичность и социальный капитал: процессуальные теории // Вестник московского городского педагогического университета. Серия: экономика. №2. 2013 С. 29-38
3. Федотов Л. Н. Внеэкономический капитал и его роль в понимании общества // Знание. Понимание. Умение. 2006. №2. С.230-235
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, I. Общие положения.
5. Методические рекомендации о порядке регистрации и учета достижений/опыта молодых граждан, принимающих и изъявивших желание принять участие в добровольческой (волонтерской) деятельности на территории Российской Федерации

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКЕ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКА)

О.А. Персидская

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
olga_alekseevna@mail.ru

Работа выполнена по гранту РФФИ-ОГОН (проект № 16-03-00144)

Интенсификация современных миграционных процессов существенно изменяет численное соотношение, статус и взаимное влияние этнических групп в городских сообществах России. В эти сообщества встраиваются новые этнические группы, данный процесс сопровождается не только механическим приростом «видимых» мигрантов⁴ [4, с. 9], но также институализацией их сообществ, пробуждением и ощутимым всплеском этнического и национального самосознания как со стороны мигрантов, так и принимающего сообщества, ростом инициативности этнически ориентированного актива; часто эти процессы находят выражение в росте межэтнического напряжения. В культурном отношении такие процессы приводят к взрыву полиморфизма, избыточности разнообразия, скоплению различных культурных форм, каждая из которых отстаивает свою особость и значимость [7].

Как правило, говоря об этнической принадлежности представителей наиболее крупных групп мигрантов, проживающих в нашей стране, выделяют украинцев, армян, казахов, азербайджанцев, белорусов [2, с. 36]. В Новосибирске, помимо отмеченных, также достаточно весомы доли

⁴ Термин, используемый Л.М. Дробижевой для характеристики иноэтничных мигрантов, внешне отличимых от большинства представителей постоянного населения.

проживающих в городе узбеков (0,75% от числа лиц, указавших национальную принадлежность в ходе Всероссийской переписи населения 2010 г.), татар (0,73%), немцев (0,63%), таджиков (0,61%), киргизов (0,44%)⁵.

Анализ восприятия принимающим сообществом динамики межэтнических отношений в пространстве города под влиянием миграционных процессов выполнен на основе анализа результатов экспертных полуформализованных интервью, проведенных в 2016-2017 гг. сотрудниками ИФПР СО РАН и НГТУ при участии автора [Подробнее см. 1, 3, 5, 6]. К участию в исследовании были привлечены три группы экспертов, работающие с темой межэтнических отношений: работники ВУЗов и научных институтов, имеющие опыт исследования межэтнических отношений, специалисты администраций и культурных учреждений города, сталкивающиеся с этнической тематикой в своей работе, а также авторитетные представители диаспор и организаций гражданского общества.

В целом, большая часть экспертов оценила динамику межэтнических отношений в городе положительно. Так, многие эксперты высказали точку зрения, что в Новосибирске как таковых проблем в межэтнических отношениях нет, есть лишь некоторая напряженность бытовых отношений, которая разрешается на уровне межличностных взаимодействий. Среди причин улучшения межнациональных отношений были названы как те, что имеют отношение к системным сдвигам в рамках страны, так и к локальному уровню города. Причины системных изменений – формализация законодательной базы в отношении мигрантов и повышение ответственности муниципальных властей за состояние межнациональных отношений. По мнению экспертов, эти изменения привели к снижению числа преступлений, связанных с мигрантами, и, соответственно, существенно разрядили негативный потенциал отношений между людьми разных национальностей. Также эксперты отметили, что волна, связанная с националистическими настроениями принимающего сообщества, пошла на спад – эксперты уже давно не слышали ни о националистических организациях, ни о межнациональных конфликтах с их участием. Еще одна возможная, по мнению экспертов, причина улучшения межэтнических отношений системного уровня – экономический кризис, последствия которого привели в том числе к сокращению потока мигрантов. Причины улучшения межэтнических отношений локального уровня, озвученные экспертами – переезд вещевого рынка с Гусинобродского шоссе за территорию города (это решение местных властей, по мнению экспертов, значительно улучшило

⁵ Национальный состав населения муниципальных образований Новосибирской области // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. URL:

http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/resources/1331588041396d3fac47ef367ccd0f13/национальность.pdf (дата обращения 09.08.2017 г.).

ситуацию на МЖК и прилегающей к бывшему рынку территории), проведение большого числа межнациональных мероприятий и увеличение числа общественных и иных организаций, занимающихся национальным вопросом.

В то же время, некоторые эксперты высказались о том, что межнациональная ситуация за последние годы в городе ухудшилась. Прежде всего эта тенденция вызвана негативным отношением принимающего сообщества к трудовым мигрантам-выходцам из регионов Средней Азии. Среди других причин ухудшения межэтнических отношений в городе были озвучены угроза терроризма и экстремизма, олицетворением которой в глазах принимающего сообщества нередко выступают мигранты, рост конкуренции за образовательные и трудовые ресурсы между мигрантами и местным населением, а также немотивированная ксенофобия и агрессивность принимающего сообщества по отношению к «видимым» мигрантам.

Заключая, отметим, что, хотя положительная оценка динамики межэтнических отношений превалирует над негативной, однозначного ответа о том, улучшились или ухудшились в городе отношения между людьми разных национальностей, эксперты не дали. Представляется, что механизмы национальной политики, направленные на развенчание негативных стереотипов о мигрантах и интенсификацию практик межэтнической коммуникации, при условии стабилизации социально-экономической ситуации в стране, способны гармонизировать межэтническую ситуацию.

Литература

1. Madiukova S.A., Persidskaia O.A. Ethnic enclaves as a social and territorial phenomenon (based on the city of Novosibirsk) // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 10. № 7. С. 983-994.
2. Арутюнян Ю. В. Об этнических диаспорах в российской среде // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 34-44.
3. Мадюкова С.А., Персидская О.А. Мигранты в социальном пространстве города // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14. № 3. С. 161-176.
4. Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества / Отв. ред. Л. М. Дробизева. М.: Институт социологии РАН, 2016. 400 с.
5. Персидская О.А. Межэтнический конфликт в Новосибирске глазами экспертного сообщества / Россия - пространство диалога народов Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Редакционная коллегия: А.В. Голубева, А.А. Слугина, Д.В. Ильина, В. В. Журавлев, В.В. Введенский; Рецензенты: М. А. Абрамова, В. И. Шишкин, Д. В. Березняков. 2017. С. 45-46.

6. Персидская О.А., Попков Ю.В., Скалабан И.А. Мигранты в межэтническом сообществе Новосибирска: специфика взаимной адаптации // Вестник НГУЭУ. 2016. № 3. С. 229-239.
7. Хачатурян В. М. К проблеме трансформаций культурного пространства в эпоху глобализации: гибридизация и анклавизация // Культурологический журнал. 2013. № 1. С. 3. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/185.html&j_id=13 (дата обращения 17.05.2017 г.).

СОЛИДАРНОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О.А. Полюшкевич

Иркутский государственный университет, г. Иркутск
okwook@mail.ru

Осмысление социокультурного опыта прошлого – это залог будущего. Ученые, политики, да и обыватели рассуждают об общественных идеалах, ценностях и нормах, правителях и народах; они опираются на реальные или выдуманные истории прошлого, жизни прошлых поколений, так как социокультурное воспроизводство предполагает память поколений. Так называемая негенетическая память общества становится одновременно и залогом, и толчком социального развития.

Социокультурное разнообразие настоящего формируется благодаря особенностям мировоззрения, идеалов и ценностей, представлений и убеждений представителей различных поколений, проживающих в одно время.

Покорение – достаточно понятное на обывательском уровне сознания понятие. В силу того, что в повседневном пространстве поколение используется как термин, объясняющий отношения отцов и детей или же выявляющий специфику какого-то знакового поколения («декабристов», «детей войны», «революционеров»), то общее представление об этом явлении есть у многих.

Вопрос изучения поколений и, более того, выявления условий солидарности поколений становится более сложным, когда мы с научной точки зрения пытаемся проанализировать причины формирования поколений, формы и виды развития, роль в истории, особенности преемственности поколений и прерывание социокультурных традиций воспроизводства. Поколение – это условие жизни общества. Преемственность поколений – показатель его жизнеспособности. Последовательность поколений создает баланс преемственности и изменений по отношению к социальным, интеллектуальным, экономическим и иным ресурсам, политической власти и культурному наследию.

Но современный мир строится не только на знаниях, навыках и представлениях старших поколений – он вырабатывает новые законы, новые нормы и новые модели жизни, которые, увы, слишком далеки от того, как жили наши предки. В современном обществе, по разным подсчетам, живет от трех до шести поколений, каждое из которых имеет свои убеждения, ценности и приоритеты. В связи с этим встает два вопроса: 1) как эти поколения взаимосвязаны между собой, что их объединяет; 2) как формируется единое пространство взаимодействия нескольких поколений, а вместе с тем и общая солидарность общества. Данная книга является попыткой проанализировать эти процессы.

Изучение преемственности поколений обусловлено качественными социально-политическими и экономико-культурными трансформациями общества, что приводит к изменению его духовной сферы. Очевидным примером изменения духовных ориентиров нашего общества является изменение ориентаций с коллективистских на индивидуалистские (под влиянием демократических идеалов, рыночных отношений и т. д.). Переворот в шкале ценностей требует пристального внимания в области солидарности и преемственности поколений. Естественные процессы преемственности и противоборства, всегда существовавшие в истории, существенно нарушены. Взаимоотношения между поколениями являются одной из самых важных действующих энергетических и информационных сил развития общества (Дж. Ст. Милль). Эти процессы активизируют формирование новых моделей социальных действий и отношений. Это требует пристального внимания всех субъектов социального развития, так как игнорирование этих процессов может привести к аномии, дезорганизации общества, регрессивному развитию.

Немаловажным моментом в изучении социокультурных особенностей преемственности поколений являются мировоззренческие изменения жизненного мира поколений. История последних ста лет нашего государства показывает существенное влияние идеолого-политического компонента формирования жизненного мира поколений. На сегодняшний день в России отсутствует четкая идеологическая линия, что означает утрату стержня, объединяющего различные поколения для общих целей.

И наконец, благодаря полученному ранее культурному, социальному, политическому опыту возможно осуществить более разнообразную социализацию подрастающего поколения как в настоящем, так и в будущем. Преемственность поколений важна потому, что консолидирует общество; социальная память может создавать структуру социального воспроизводства и давать новые направления социальной динамики. Это дает более полное осмысление социокультурного развития общества.

Важными моментами понимания принципов солидарности поколений являются пространство и время, мировоззрение и ценности, которые накладывают свой уникальный контекст на жизненный мир каждого поколения. Научный интерес заключается в том, что любое поколение уникально и неповторимо, и чтобы управлять общим социальным пространством, необходимо понимать внутренние механизмы и потенциал развития особенности социального и личного времени, коллективной памяти и условий формирования жизненного мира каждого поколения [1].

А вместе с тем мы формируем карту (схему) общих механизмов социокультурной динамики, характерной для определенного исторического момента времени. Сегодня современная общественная практика, теоретическая наука испытывают потребность в новых обобщенных данных как о позитивном, так и о деструктивном опыте культурно-исторической динамики российского социума, выраженной в трансформации жизненных миров представителей различных поколений. С этой целью в первой главе рассматриваются теоретико-методологические основы исследования теории поколений, анализируются ключевые философские и социологические подходы. Во второй главе анализируется пространственно-временное восприятие различных поколений с целью выявления социальных ожиданий, страхов и претензий, исследования чувства безопасности и напряженности в оценке своей жизни. В третьей главе показываются особенности жизненных миров поколений и особенности формирования жизненных сценариев трех условных поколений; на основе этого анализируются перспективы солидарности и причины разобщенности нашего общества.

Литература

1. Полношкевич О.А. Солидарность поколений. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2014. 160 с.

БРЕНД СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

М.В. Попова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск
Marina_popova1990@list.ru

Формирование бренда сложная задача, требующая времени, плановой работы, концепции, альтернативных вариантов развития бренда и многого другого. Это сложный вопрос для города и региона, но еще более тяжелый для сельских территорий.

Чтобы развивался бренд сельской территории, нужна концепция бренда, средства для ее внедрения и поддержания, кадры, способные обеспечить эффективное внедрение бренда и его развитие, поддержка

населения и т.д. С каждым из этих пунктов в сельских территориях могут возникать проблемы. Из-за отсутствия денег или кадров, понимания и одобрения руководства зачем необходим бренд территории и как он может повлиять на развитие в целом.

Россия сельскохозяйственная страна. Сельские территории занимают существенную часть ее площадей. Поэтому, изменение имиджа территории, формирование бренда сельской территории может стать новым толчком в социальном благоустройстве и развитии инфраструктуры конкретной территории, увеличении уровня удовлетворенности жизнью жителей данной территории и формировании положительной идентичности с данным пространством.

Имидж и бренд сельского региона – это ресурс развития в сфере экономики и политики, культуры и социально-демографической структуры. Поэтому, создание брендов сельских территорий является важным моментом положительного восприятия региона, социальной идентичности и социальной солидарности местного сообщества.

Бренд сельской территории поможет:

- способствовать повышению престижа и деловой конкурентоспособности региона;
- идентифицировать регион среди остальных равнозначных субъектов территорий;
- повышать доверие со стороны органов государственной власти;
- увеличивать объем государственных и коммерческих заказов;
- способствовать успешному участию в различных международных и федеральных про-граммах;
- повышать инвестиционную привлекательность;
- получать дополнительные ресурсы для развития экономики;
- заложить социокультурные перспективы развития территории;
- повысить социальную идентичность жителей данной территории;
- создать новые точки притяжения для внутреннего и внешнего туризма;
- ценить ресурсы отдельного сельского района в социальном воспроизводстве страны.

Социальные институты и группы людей, которые могут сформировать ресурсы для продвижения бренда сельских территорий, включают в себя: представителей власти, бизнеса, некоммерческих организаций, общественности и многих других.

Власть, участвуя в создании бренда сельских территорий сможет регулировать развитие инфраструктуры, увеличение привлекательности региона приведет к увеличению малого и среднего бизнеса, а это, в свою очередь, к увеличению налогов в местный бюджет. Пример социально-

политического ориентира развития бренда территории отражен в работе М.В. Поповой [3].

Бизнес сможет расширить сферу деятельности, предоставлять большее количество услуг, тем самым сможет больше получать доходов. Повышение привлекательности региона приведет к увеличению туристов в сельских территориях, что также положительно отразится на доходности малого и среднего бизнеса сельских территорий. В учебном пособии Ю.В. Борисовой и П.В. Поповой показаны формы и инструменты, причины и последствия развития маркетинга территории [1].

Некоммерческие организации смогут сформировать социальный капитал активных целеустремленных граждан, готовых взаимодействовать между собой и всеми с кем необходимо для улучшения своей земли, той территории где они живут. Пример изучения образа города в аспекте стратегии развития представлен в исследовании Ю.В. Борисовой [2].

Бренд сельской территории положительно отразится и на общественности. Положительная территориальная идентичность и социальное развитие, социальная консолидация и социокультурная солидарность приведут к интеграции сельского социума. Примеры символического конструирования территориальной идентичности отражены в исследовании М.В. Поповой и О.А. Полюшкевич [4].

Поэтому, перцептивное направление развитие бренда сельских территорий может стать основой создания и развития имиджа страны и бренда отдельных территорий.

Литература

1. Борисова Ю.В., Попова М.В. Введение в маркетинг территории. Учебное пособие. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2017. 146 с.
2. Борисова Ю.В. Образ города как стратегия развития (на примере Иркутска) // Урбанистика. 2017. № 3. С. 81–92.
3. Попова М.В. Социально-политический ориентир территориального бренда// Известия ИГУ. Серия Политология. Религиоведение. 2017. Т.22. №64. С. 203–211.
4. Попова М.В., Полюшкевич О.А. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Урбанистика. 2017. №3. С. 117–134.

ВЛИЯНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ НА ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ОРГАНИЗАЦИЯХ

Т.В. Прокопьева

Институт философии и права НГУ, г. Новосибирск
Prokopeva_t@bk.ru

Либерализм все больше проникает в различные области современного российского общества. Экономика, образование, медицина, культура становятся все более и более либеральными. Либерализм этих областей связан с ориентированием их на самый разнообразный спектр потребностей человека. Постоянно расширяющийся спектр потребностей определяет и разнообразие форм организации их предоставления.

Отвечая на вопрос о влиянии окружающей нас действительности на процесс принятия решений и создание моделей, в рамках онтологического подхода, английские исследователи XX в. социолог Т. Бернс и психолог Д. Сталкер по принципу наличия или отсутствия иерархии выделили два типа моделей [4, С. 369]: модели структуры управления организацией, в которых присутствует иерархия, исследователи назвали их механистическими или бюрократическими и модели, в которых иерархия отсутствует, исследователи назвали их адаптивными или органическими. Те структуры, которые имеют чисто бюрократическую или чисто адаптивную модель в действительности встречаются редко, соответственно любая из них может быть описана как сочетание одного, и другого типов приведенных структур управления. Одним из необходимых условий существования моделей бюрократического типа, кроме критерия закономерности внешней и внутренней среды, есть рациональное поведение субъекта.

Проникновение и распространение либерализма в различных областях, расширение не только спектра потребностей человека, но и возможностей их удовлетворения приводит к ситуации непредсказуемости и неопределенности. Американский экономист XX-XXI в. Н. Талеб писал, что в мире возникает все больше явлений, которые становятся причиной того, что события являются причиной других событий, что вызывает эффект снежного кома [9, С. 5], в результате чего нас окружает детерминированный хаос. Вопросы влияния фактора случайности на изменение моделей управления и соответственно на процесс принятия решений касались еще античные философы. Аристотель упоминал о факторе случайности, который влияет на структуру управления. Деятельность демагога, по мнению Аристотеля, влияет на существующую структуру управления и порой приводит к ее разрушению и появлению новой системы устройства организации [1, С. 376-644]. Развитие свободы и индивидуальности в современном обществе, распространение информационных технологий и

интернет коммуникаций приводит к появлению «творческого разрушения», и в связи с этим к появлению аномалий, «которые нельзя предвидеть и трудно подогнать под существующую парадигму» [2, с. 37]. Поэтому в процессе принятия решений важно, чтобы руководители, меньше полагались на планирование и больше уделяли внимание импровизации, стремясь не упустить постоянно появляющиеся возможности, что соответствует появлению в модели управления элементов органической структуры, что соответствует появлению в модели управления элементов адаптивной структуры. Кроме того, стратегия принятия решений каждой конкретной структуры управления неотделима от аналогичного механизма других систем. Поэтому управление каждой структурой в отдельности – это участие в управлении общим процессом взаимодействия и развития коммуникаций.

Литература

1. Аристотель. Сочинения: в четырех томах. Т.4. – М.: Мысль, 1983. 830 с.
2. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 256 с.
3. Бьюкенен Д. М. Сочинения / Пер. с англ. – М.: Таурис Альфа, 1997. Т. 1: Нобелевские лауреаты по экономике. – 556 с.
4. Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент. – М.: Экономист, 2003. – 528 с.
5. Горан В.П. Философия. Что же это такое? // Часть 1. Философия науки. – 1996. – № 1 (2); 1997. – № 1 (3). С. 3–14.
6. Диев В.С., Трубицын О.К. Управление в организациях: модели, структуры, принятие решений//Вестник НГУ. Серия: Философия. 2010. – Новосибирск, Т. 8, вып. 4, С. 51–60.
7. Диев В.С. Управление, философия, общество//Вопросы философии. – М.: Наука. № 8. 2010. С. 35 – 41.
8. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешнее расширение человека / Пер. с англ. В. Николаева. — М.; Жуковский: «Кучково поле», 2003. — 464 с.
9. Талёб Н. Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Н. Н. Талёб; пер. с англ. В. Сонькина, А. Бердичевского, М. Костионовой, О. Попова; под ред. М. Тюнькиной. — М.: Изд. «Колибри», 2009. — 528 с.
10. Целищев В. В., Хлебалин А. В. Интуиция, формальная онтология и семантика знаков в формализме Гильберта // Онтология, гносеология, логика. С. 5–11.

КРИМИНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ НОВНИКОЛАЕВСКА ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 Г. И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА СТРАНИЦАХ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ГОРОДСКИХ ГАЗЕТ

М.Б. Руденков

Институт истории, гуманитарного и социального образования НГПУ,
г. Новосибирск
maksim-rudnikov@mail.ru

Развитие Новониколаевска является достаточно изученным исследовательским полем. Но при этом ученых редко волновало состояние его криминальной жизни. Историки, разбиравшие данную проблему, обычно затрагивали тему городских правонарушений либо по всей России, либо её отдельных макрорегионов, не детализируя подробно своё внимание на каких-либо городах. И, как мне кажется, весомым источником изучения этого вопроса является периодическая печать, отражавшая традиционно самые передовые сведения.

Цель данного исследования – выявить и охарактеризовать публикации о криминальной жизни города на страницах газет «Голос Сибири» (1916–1918 гг.), «Свободный голос Сибири» (1918 г.), «Сибирский голос» (1918 г.), «Свободный голос» (1918 г.), «Народная Сибирь» (1918–1919 гг.), «Военные ведомости» (1918–1919 гг.), «Родная Сибирь» (1919 г.), «Русская Речь» (1918–1919 гг.), «Надежда России» (1919 г.), послуживших источниками данной работы.

«Голос Сибири», изначально поддерживавший «социально-революционные» идеи, с сентября 1917 г. стал меньшевистской газетой, из-за чего в начале 1918 г. неоднократно закрывался и возрождался под измененными названиями, в начале марта окончательно перестав существовать [1, С. 3]. «Народная Сибирь» была органом эсеровской печати и после прихода к власти в городе проколчаковских сил, подверглась гонениям, поменяла название на «Родная Сибирь», но вскоре также закрылась [4, С. 11]. Газетами, легально существовавшими в дальнейший период, были «Надежда России» (имевшая пропагандистский характер), «Русская речь» (отражавшая кадетскую направленность) и «Военные ведомости» (которой заведовал начальник новониколаевского гарнизона) [3, С. 36] [4, С. 11].

Во всех упомянутых изданиях была схожая структура. Информация о преступлениях за последние 1–2 дня присутствовала в разделе «Хроника» (в «Надежде России» – «Местная жизнь», в «Военных ведомостях» – «Из местной жизни») [2, С. 3].

Судя по материалам газет, самыми распространенными городскими преступлениями являлись кражи (большой процент от которых составляли хищения леса) [8, С. 3] [10, С. 3].

Часто упоминались факты бесчинства солдат и бежавших военнопленных, что связано с участием России в Первой Мировой войне [7, С. 3]. Преступники пользовались кризисной ситуацией и нередко совершали свои деяния в форме полицейских или солдат (обычно проводя обыск в квартире или у кого-то на улице) [6, С. 3]. Последствия боевых действий видны и в том, что во множестве выпусков помещались сведения о преступниках-подростках, появившихся, как мне кажется из-за того, что их отцы уехали на фронт, а матери не могли обеспечить даже пропитанием [5, С. 3]. Также упоминается криминальная деятельность китайцев, массово появившихся в России перед началом Гражданской войны, возможно, связано распространение наркотиков в городе в этот период [15, С. 3].

Как можно проследить на основе изучаемых изданий, после начала революции в феврале 1917 г., многие горожане восприняли свержение монархии не как победу над угнетателями, а как событие, легитимизировавшее их девиантное поведение [9, С. 3]. При этом на работу полиции, а затем милиции, негативно влияли недостаточность финансирования и нехватка кадров [11, С. 3].

После Октябрьской революции, судя по материалам городской периодики, заметно увеличение числа убийств [14, С. 3].

С началом Гражданской войны возросло количество случаев производства, хранения и продажи спиртного, что, вероятно, объясняется экономическим кризисом в стране, из-за чего многие люди потеряли возможность легально зарабатывать деньги [13, С. 3]. Также расцвела спекуляция [12, С. 3].

В целом, то Первая Мировая война, революционные события 1917 г., а также дальнейшие военные действия внутри страны негативно повлияли на криминальную обстановку в Новониколаевске: увеличилось количество различных преступлений (краж, убийств, случаев производства и хранения алкоголя, спекуляций), при этом органы правопорядка испытывали проблемы финансового и кадрового характера, мешавшие должным образом выполнять свои обязанности.

Литература

1. Выход первого номера газеты Новониколаевска «Голос Сибири» – 17 августа [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancalendar.ru/sobytiya/vyhod-pervogo-nomera-gazety-novonikolaevska-golos-sibiri/> (дата обращения: 07.06.2017).
2. Местная жизнь // Надежда России. Новониколаевск, 1919. № 25. С. 3.

3. Молчанов Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.). М.: Издатпрофпресс, 2002. 272 с.
4. Средства массовой информации Новониколаевска – Новосибирска. 1906–2006 гг.: словарь-справ. / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. Отд-ния Рос. Акад. Наук; авт.-сост.: А. Л. Посадсков, И. В. Лизунова; отв. Ред. Е. Н. Савенко. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2007. 544 с.: 48 ил.
5. Хроника // Голос Сибири. Новониколаевск, 1917. № 47. С. 3;
6. Хроника // Голос Сибири. Новониколаевск, 1917. № 159. С. 3.
7. Хроника // Голос Сибири. Новониколаевск, 1917. № 163. С. 3.
8. Хроника // Голос Сибири. Новониколаевск, 1917. № 165. С. 3.
9. Хроника // Голос Сибири. Новониколаевск, 1917. № 201. С. 3.
10. Хроника // Голос Сибири. Новониколаевск, 1917. № 215. С. 3.
11. Хроника // Народная Сибирь. Новониколаевск, 1918. № 10. С. 3.
12. Хроника // Народная Сибирь. Новониколаевск, 1918. № 83. С. 3.
13. Хроника // Народная Сибирь. Новониколаевск, 1918. № 91. С. 3.
14. Хроника // Русская речь. Новониколаевск, 1919. № 38. С. 3.
15. Хроника // Русская речь. Новониколаевск, 1919. № 147. С. 3.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМА К РОССИИ В СВЕТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ Р. КОЛЛИНЗА

Т.Г. Рысаев

Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации
rys.tim2014@yandex.ru

В 1978 г. Р. Коллинзом была опубликована теория, позволяющая объяснять и предсказывать геополитические взлеты и падения территориальной власти. Успешное предсказание распада СССР, сделанное Р. Коллинзом в 1980 г., позволило ему убедить научное сообщество не только в том, что его отрицательная оценка основных целей предвыборной программы Р. Рейгана, была правильной, но и то, что его теория может быть надежным инструментарием для анализа геополитической динамики государств. Основные причины распада Советского Союза Р. Коллинз видел в центральном геостратегическом положении и чрезмерном грузе контроля, формирующимся в результате «ножниц» между скоростью расширения территории и скоростью извлечения с этой территории ресурсов. Сегодня возникает потребность ответить на вопрос, а не столкнется ли современная Россия с проблемами подобными тем, что привели к распаду СССР?

Один из пяти сформулированных Р. Коллинзом геополитических принципов гласит: «Чрезмерное расширение приводит к ресурсному напряжению и государственной дезинтеграции» [1. С. 241]. На фоне

серьезных проблем экономического развития российское государство обнаруживает устойчивую тенденцию расширения территории влияния. В этом отношении помимо присоединения Крыма, самого значительного геополитического события, следует вспомнить результаты второй Чеченской войны, войны с Грузией 2008 г., участия в военном конфликте на территории Восточной Украины, военной операции в Сирии. Все проекты несут значительные затраты для бюджета страны. Наибольший положительный экономический эффект возможен от присоединения полуострова Крым, но это может произойти лишь в отдаленной по времени перспективе. На территории Крыма расположен ряд промышленных и сельскохозяйственных предприятий (судостроение, виноделие и рыбопереработка), имеются значительные трудовые ресурсы. Перспективными для российских властей выглядят и планы по развитию Крыма как курортной зоны. Однако на текущий момент включение Крыма в российскую экономику требует серьезных ресурсных затрат, например, для постройки моста через Керченский пролив, проведения реформ по созданию общей с Россией инфраструктуры, нормализации жизни населения в условиях блокады полуострова со стороны Украины и Евросоюза. Решение существующих на полуострове проблем осложнено международной обстановкой и зависимостью российского производства от зарубежных технологий. Так, например, несмотря на санкции, запрещающие компаниям из Евросоюза поставлять в Крым оборудование для производства энергии, Россия, решая энергетическую проблему, поставила в этот регион газовые турбины производства немецкой компании Siemens, что обернулось крупным международным скандалом. Таким образом, современное российское государство расширяет территорию своего влияния, но активизация ресурсов с этих территорий проблематична. Наличие большого количества таких проблемных территорий может вести к формированию эффекта чрезмерного груза контроля и дестабилизации политической власти.

Одним из отрицательных факторов развития современной России является то, что ее геостратегическое положение является центральным. Р. Коллинз утверждает, что «Государства, расположенные в центре географического региона, имеют тенденцию с течением времени дробиться на более мелкие единицы» [1. С. 238]. Центральные государства это такие государства, чьи границы на большем протяжении соприкасаются с границами государств, которые являются их потенциальными противниками. Центральные государства вынуждены вкладывать значительные средства в оборону, что способствует напряжению финансовой системы. Россия после присоединения Крыма получила глубоководные порты в Керчи, Феодосии, Севастополе, что несомненно позволит получить дополнительные портовые мощности для внешней торговли и улучшить военно-стратегические позиции в регионе. Однако это не снижает ее центральности, современная Россия

является самым обширным государством мира с самой протяженной границей. В условиях продвижения НАТО на Восток и ведения активных боевых действий в Сирии военные затраты России возрастают. Помимо этого, после присоединения Крыма ситуация на российских границах усложняется. Введение США и странами Евросоюза санкций ударило по российским связям с членами Таможенного союза, которые не поддерживали ответные российские контрсанкции, что вынудило Россию бороться с реэкспортом. Следует также отметить, что Москва перестала видеть в Белоруссии «щит» на западных рубежах государства после введения последней пятидневного безвизового режима для граждан восьмидесяти стран, включая США и страны Евросоюза.

Анализ ситуации присоединения Крыма к России с позиции геополитической теории Р. Коллинза позволяет сделать еще один вывод. Р. Коллинз утверждает, что уровень доверия населения правительству (легитимность власти) определяется геополитическим престижем могущества его государства. Большая часть российского общества восприняла вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации как «историческую справедливость». В результате этого присоединение Крыма привело к небывалому росту уровня доверия населения Президенту России. Однако следует отметить, втягивание России в затяжные или «маленькие победоносные» войны, что уже не раз случалось в истории Отечества, может привести политического лидера к утрате легитимности, а российское государство и общество к очередной геополитической катастрофе.

Литература

1. Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса // Время мира: альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / под ред. Н.С. Розова. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. С. 234 –278.

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ К ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ И СООБЩЕСТВУ

Д.Г. Сергиенко

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск
mr.d.sergienko@mail.ru

В 2016 г. в России впервые за долгое время, восстановился и даже вырос показатель нетто-миграции. С учетом прибывших и выбывших иностранных граждан, и россиян, приток людей по всем регионам РФ

составил 261,9 тыс. человек [1]. В частности, в Новосибирской области на начало 2017 года миграция прибывших составляет 43 тысячи 405 человек, что на 30% больше по сравнению с 2015 годом.

Интерес иностранных граждан к РФ в 2016 году обусловлен стабилизацией экономической обстановки, укреплением курса рубля, а также улучшенными условиями работы в России.

По прибытию, у всех категорий мигрантов, существует ряд проблем, которые возникают в процессе адаптации и интеграции в новое общество. Как для мигрирующего населения, так и для местного - стоит задача успешно адаптироваться к друг другу. Естественно, в большей степени процесс адаптации, а особенно интеграции объективно возложен на мигрантов, но, если местное население будет включено и будет тоже пытаться понять иную культуру, взаимное приспособление, как правило, значительно снизит конфликтогенность и конфликты между местными и приезжими.

Об этом свидетельствуют результаты исследований, в которых я принимал участие в ноябре - декабре 2016 г. в г. Новосибирске, проводимых с целью изучения межэтнических, междиаспоральных и внутридиаспоральных отношений в городском сообществе. В качестве метода анализа использовался метод интервью и наблюдения. Его результаты позволили выделить следующие проблемы, с которыми сталкивается, к примеру, казахская и киргизская молодежь приезжая на временное или постоянное местожительство в Новосибирск.

Среди них: Понижение социального статуса по сравнению с тем, который они занимали в своих странах, что является серьёзным фактором профессиональной депривации; Социальная и культурная депривация. Нахождение в культурно враждебной среде (социальная изоляция); Дискриминация при устройстве на работу; Дискриминация при посещении культурно-просветительских организаций.

Следствием этого являются эмоциональные реакции, связанные с ожиданиями и суждениями, которые проявляются в возмущении, враждебности и фрустрации.

В ходе анализа были выделены явные запросы на поддержку успешной адаптации и интеграции, с учетом сохранения этнокультурной идентичности. Мигрирующему населению важно знать, что думают о них местные, как они их воспринимают, мигранты открыто говорят о желании общаться с местным населением, хотят познавать их культуру, традиции и манеру поведения в обществе. Если мы не будем содействовать решению заданных запросов, это приведёт к длительным процессам адаптации и интеграции, продолжению и, возможно, усилению в местном сообществе антимигрантских настроений, деления на «свой», «чужой», объединения в свои группы и нежелание общаться с другой и как следствие отторжение иного, что как правило приводит к конфликтности на бытовом уровне.

Для решения обозначенных проблем требуется совокупность методов для включения и освоения культурных и социальных практик. Среди них может быть и метод тренинга.

В конфликтологическом тренинге выделяются две приоритетные задачи: познакомить обучаемых с межкультурными различиями в межличностных отношениях, что требует участия в проигрывании ситуаций, которые протекают по-разному в разных культурах; сделать возможным перенос полученных знаний на новые ситуации, что достижимо, если обучаемый знакомится с самыми характерными особенностями другой для него культуры.

Основная цель – повышение компетентности в вопросах межкультурного взаимодействия, развитие стрессоустойчивости, а также конфликторазрешения.

Достижение поставленной цели происходит на трех уровнях:

- Повышение когнитивной информированности (когнитивный уровень – научиться думать);
- Выработка этнокультурной чувствительности (эмоционально аффективный уровень – научиться чувствовать);
- Повышение поведенческой компетентности, освоение навыков конфликторазрешения и урегулирования (Конативный уровень– научиться взаимодействовать в вопросах межкультурной коммуникации) [2].

Конфликтологический тренинг способствует:

- Пониманию специфики тех или иных норм правил с представителем другой культуры, получив при этом обратную связь, которая будет способствовать освоению культурных норм местного населения, тем самым преодолевая осложняющих общение привычки и манеры поведения.
- Выстраиванию коммуникации между двумя и более людьми, принадлежащих к разным этническим группам;
- Эффективному выстраиванию моделей взаимоотношений в кризисных ситуациях;
- Предотвращению и конструктивному разрешению конфликтов.

Приоритетным преимуществом тренинга является именно то, что в тренинге у нас есть возможность смоделировать ситуацию под те условия, которые мы хотим, тем самым создавая искусственную среду для взаимодействия, мы можем в игровой форме воспроизвести те или иные ситуации, которые интересны нам, обсудить их и найти решение. У каждого участника своя история, свои цели, мотивы и потенциал, опыт конфликтологического взаимодействия и конфликторазрешения. Участники тренинга сами отвечают на свои же вопросы и находят правильное решение, тренер лишь выполняет наводящую функцию.

Сложность поставленных задач требует проведения нескольких тренингов, они не могут быть решены одним тренингом. В нашем случае,

конфликтологический тренинг не разовое явление, а серийное. На каждом тренинге мы порционно подаём информацию и параллельно диагностируем запросы для следующего тренинга. Как правило, при диагностике мы выделяем то, что наиболее важно для участников, что они хотят обсудить, что им важно, какие ситуации остались не решёнными и чему стоит уделить большее внимание исходя из их слов.

Если нам удалось правильно сконструировать тренинг и провести его на должном уровне, то пусть не все, но большая часть участников точно перейдёт от этноцентрического к этнорелятивистскому этапу. Полученные навыки и компетенции смогут значительно помочь в процессах адаптации и интеграции в новое общество. Более того, как правило, после тренинга многие проводят самоанализ, что также приводит к положительным результатам.

Литература:

1. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/mtm_2016.htm (дата обращения 23.10.2017);
2. Киберленинка. Тренинг как метод формирования позитивных межэтнических отношений. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/trening-kak-metod-formirovaniya-pozitivnyh-mezhetnicheskih-otnosheniy> (дата обращения 23.10.2017).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИТЯЗАНИЯ В КРИЗИСНОМ ОБЩЕСТВЕ

В.А. Скуденков

Иркутский государственный университет, г. Иркутск
vskudenkov@mail.ru

Кризисное общество всегда порождает новые условия и формы социального взаимодействия и воспроизводства. Оно разрушает старые, ранее работающие схемы и механизмы преемственности и социальной памяти и предлагает альтернативные стратегии. Кризисное общество конструируется нелинейной последовательностью и потому непредсказуемо. Истинные и ценные категории в одно время – теряют свою значимость и важность во времена перемен.

Экономические притязания являются одним из индикаторов изучения уровня кризисности общества. Чем более стабильны и логичны экономические притязания различных социальных групп, тем более стабильно общество. И наоборот, если экономические притязания различных социальных групп в относительно короткие сроки (от года до трех лет)

кардинально меняются, это является сигналом к тому, что кризисные моменты активно расширяют свою сферу воздействия.

Исследование проводилось в два этапа – весной 2014 года – до введения экономических санкций и весной 2017 года, когда экономические санкции более двух лет определяют уклад жизни россиян. Методы исследования – опрос, фокус-групповое интервью.

Выборка респондентов повторилась. В опросе приняло участие 1450 человек в 2014 году и 1480 человек в 2017 году, в возрасте от 18 до 75 лет, 55% женщин и 45% мужчин, различного социально-экономического статуса. Исследование проходило в Сибирском федеральном округе.

В 2014 году представления о благосостоянии были более разнообразны и многопрофильны (более половины – 12 из 14), введение экономических санкций привело к тому, что осталось только два критерия из 14.

Такая сильная динамика представлений о благосостоянии говорит о том, что экономические санкции существенно пошатнули уверенность россиян в своем материальном благополучии.

Снижение коэффициентов, входящих в ядро – также уменьшилось – практически в два раза. Это говорит о том, что в период санкций представления о благосостоянии трансформировались в сторону обеспечения необходимым. Это вызвано ростом тревоги за свое будущее, вызванным экономическими санкциями.

За время санкций сменились страхи и тревоги россиян. В 2014 году тревогу вызывало повышение цен на товары (36%), сокращение рабочих мест (24%), невозможность повышения зарплаты (20%), рост безработицы (13%), замедление темпа роста экономики (7%). В 2017 году источники тревоги и страхов изменились: невозможность увеличения заработной платы (43%), сокращение рабочих мест (31%), рост безработицы (26%). В 2017 году россиян больше волнует внешне-экономическая деятельность (курс доллара и евро, рост цен на нефть и т.д.), тогда как в 2014 об этом даже не упоминали.

Также в 2017 году все чаще используют любые возможности для увеличения своего благосостояния респонденты любого пола, возраста и социального статуса.

Схожие результаты мы получили, изучив ответы респондентов об успехе. В 2014 году успех для большинства был связан с социальным признанием, социальными достижениями и общественной известностью и лишь треть имели ценностью финансово-карьерные показатели. В 2017 мерки успеха стали более рациональны и материально ориентированы и только четверть респондентов имеют ценностью социальные формы проявления успеха.

Уменьшение ядра представлений успеха косвенно свидетельствует об ужесточении социального развития, разрушения благоприятных условий

реализации и самореализации. Люди все больше замкнуты в определенных рамках зарабатывания денег, а не личной реализации и творчества.

Таким образом, экономические санкции спровоцировали желание россиян избегать неудачи, они ищут альтернативные формы и способы заработка и занятости, категории успешности из сферы социальной, все более переходят в сферу экономическую и предъявляют четкие критерии – успешности или не успешности.

Увеличение уровня тревожности повышает мотивацию и альтернативные формы поведения в экономической и социальной сфере, нацеленные на повышение благосостояния и успеха. Также можно говорить об увеличении индивидуальных стратегий благосостояния и успеха, уменьшения значимости социально одобряемых форм заработка и социальной реализации.

Таким образом, полученные результаты позволяют говорить о том, что уверенности в материальном благосостоянии не намечается, критерии социального успеха становятся все более материально и экономически осязаемыми, что говорит об общем росте напряженности и социальной неуверенности в будущем.

Литература

1. Полюшкевич О.А. Солидарность поколений : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 180 с.
2. Полюшкевич О.А. Философия благодарности // Гуманитарный вектор. Серия: Философия. Культурология. 2017. Т.12. № 1. С. 67-75.
3. Скуденков В.А. Экономические притязания городских жителей Иркутской области // Урбанистика. 2017. № 3. С.93-105.
4. Скуденков В.А. Изменение представлений об успехе и благосостоянии в сознании россиян (с 2014 по 2017 гг.) // Социология. 2017. №4. С. 155-160.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНАХ

К.С. Гернега, А.А. Стариков

ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)», г. Челябинск
gernega@yandex.ru, anton_starikov98@mail.ru

Положительная роль субъектов предпринимательства в развитии экономики региона неоспорима. Доля малого предпринимательства в ВВП России составляет около 20% [2]. Я считаю, что вопрос развития условий для деятельности субъектов малого предпринимательства стоит гораздо более

остро для России, чем любой иной, касающийся развития экономики, так как субъекты малого предпринимательства имеют огромный потенциал.

Субъект малого предпринимательства – субъект, действующий в сфере малого предпринимательства, в уставном капитале которого доля государственной собственности РФ, субъектов РФ, муниципальной собственности, собственности общественных и религиозных организаций (объединений), благотворительных и иных фондов не превышает 25%, доля собственности, принадлежащая одному или нескольким юридическим лицам, не являющимся С.м.п., не превышает 25% и в которых средняя численность работников не превышает: в промышленности, строительстве и на транспорте - 100 чел., в сельском хозяйстве и научно-технической сфере - 60 чел., в оптовой торговле - 50 чел., розничной торговле и бытовом обслуживании населения - 30 чел., в остальных отраслях - 50 чел. В число С.м.п. входят также фермеры и физические лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица [2].

Субъекты малого предпринимательства обеспечивают устойчивое развитие экономики, прежде всего ввиду диверсификации капитала. «Не класть все яйца в одну корзину» позволяет преобладающее количество малых предприятий перед средними и большими. При имеющихся больших оборотах, среднее и крупное предпринимательство зачастую пользуется заемным капиталом для расширения своей деятельности. В случае провала своей деятельности, юридическое лицо объявляется банкротом, а его имущество распродают на торгах для погашения займа. Подобные аукционы зачастую не способны полностью закрыть брешь в экономике. В случае с малым предпринимательством подобные случаи – редкость.

При наличии системы из многочисленных малых предприятий в регионе обеспечивается более жесткая конкуренция, что положительно сказывается на предоставляемых услугах и товарах. Преобладание в экономике такого типа рыночной структуры как совершенная конкуренция или монополистическая конкуренция заставляет все субъекты малого и среднего предпринимательства постоянно улучшать свою деятельность, пускай то интенсивным или экстенсивным путем [1].

Равномерное распределение капитала при наличии большого количества малых фирм – еще один положительный фактор. Обычно средний доход в субъектах малого предпринимательства на человека многим ниже, чем в крупных компаниях. Прежде всего, из-за меньшего капитала и оборота средств. Но тем самым распределение прибыли в регионе будет более равномерное, что положительно скажется на покупательской способности среднестатистического гражданина.

На данный момент уже существует множество форм поддержки предпринимательства, рассмотрим основные и них.

Налоговые льготы. Специальные режимы налогообложения (УСН, ЕНВД, ЕСХН, ПСН) позволяют работать на сниженной налоговой ставке. С 2016 года региональные власти вправе дополнительно снижать налоги на ЕНВД (с 15% до 7,5%) и на УСН Доходы (с 6% до 1%). На УСН Доходы минус Расходы возможность снизить ставку с 15% до 5% существует уже не первый год. Кроме того, с 2015 по 2020 годы индивидуальные предприниматели, впервые зарегистрированные после вступления в силу регионального закона о налоговых каникулах, вправе в течение двух лет вообще не платить налог на режимах ПСН и УСН.

Финансовые льготы. Это прямая финансовая господдержка в виде грантов и безвозмездных субсидий, выдаваемых в рамках общероссийской программы, действующей до 2020 года. Финансирование можно получить на возмещение затрат по лизингу; процентов по займам и кредитам; на участие в конгрессно-выставочных мероприятиях; проектов по софинансированию (до 500 тысяч рублей).

Административные льготы. Здесь имеются в виду такие послабления, как упрощённый бухучёт и кассовая дисциплина, надзорные каникулы (ограничение количества и продолжительности проверок), возможность оформлять с работниками срочные трудовые договоры. При участии в госзакупках действует специальная квота для представителей малого бизнеса – не менее 15% совокупного годового объёма закупок государственные и муниципальные учреждения обязаны производить у них. При получении кредитов поручителями малого бизнеса выступают государственные гарантийные организации [3].

Каждую из этих мер можно назвать «полумерой» ввиду того, что она одобряется федеральными государственными органами, и лишь может приняться в региональных. Наличие подобной системы поддержки малого бизнеса приводит к неудовлетворительному соотношению закрытых и открытых малых предприятий. Со статистики федеральной налоговой службы мы видим, что в 2016 году впервые с 2010 года открылось предприятий меньше чем закрылось (4,55 млн против 5,22 млн) [4].

Экономика – важнейший фактор развития региона. Каждый имеет различные возможности для предоставления льгот и различных услуг, но делая упор на развитие малого предпринимательства, регион обеспечит себе устойчивое и фундаментальное развитие.

Литература

1. Гернега, К.С., Ватагина, И.Н. Государственно-частное партнерство как инструмент формирования инновационной инфраструктуры в вузах России/ К.С. Гернега, И.Н. Ватагина// Материалы III Международной научно-практической конференции «Университет XXI века в системе непрерывного образования» 12-13 октября 2017. – Челябинск, 2017. – С. 96-100.

2. Критерии отнесения к субъектам малого предпринимательства в 2017 году. <https://www.regberry.ru/malyy-biznes/subekty-malogo-predprinimatelstva-kriterii-otneseniya> (дата обращения-24.10.2017)
3. Рукина С. Н. Финансовая поддержка субъектов малого предпринимательства в регионе / С. Н. Рукина // Образование и наука: современные тренды : коллективная монография / гл. ред. О. Н. Широков. — Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. — С. 77–87.
4. Сайт Министерства экономического развития РФ <http://economy.gov.ru/minec/press/interview/20160224> (дата обращения-24.10.2017)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ

А.С. Тимощук

Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир
human@vui.vladinfo.ru

Многим известна книга Паршина «Почему Россия не Америка?», в которой высказаны некоторые здравые компаративистские соображения в области геополитики и экономики. Полагаю, что нужно учесть географические особенности и переформулировать заголовок «Почему Россия не Канада?», где население составляет 30 млн. человек и они сосредоточены на юге, что по широте соответствует Краснодарскому краю. В Канаде незамерзающие порты, а её экономика работает на экспорт сырья, зерна и энергоресурсов. Россия – уникальная страна, с самым большим северным населением. Сильное государство – это необходимость её выживания в неблагоприятных географических условиях. Поэтому поставленная тема конференции – сохранении России как государства и общества представляет неизменную актуальность на любом этапе развития нашей страны.

На каждом историческом этапе устанавливается своя динамика центростремительных и центробежных векторов в бытии многонациональной России. Сайт фонда «Русский мир» накопил много материалов, посвящённых центробежным политическим силам. Последняя статья анализирует референдум в Каталонии: «На начало XX века в мире насчитывалось 54 страны, в это число не вошли явные колонии и доминионы, а также страны находящиеся под протекторатом других держав. В 2017 г. таких стран было уже 197.

Политологи полагают, что в ближайшие 20 лет может появиться ещё как минимум 40 государств. Эти показатели могут превзойти даже Средневековье, когда по самым скромным подсчётам существовало около 180 государственных образований и бесчисленное множество территорий,

никому не подчинявшихся и никем неуправляемых. И это в условиях, когда до открытия Христофором Колумбом Нового Света должны были пройти ещё столетия, а Африка оставалась малоизученным и непознанным континентом» (<http://www.russkiymir.ru/publications/231530/>).

Называются старые и новые линии разлома: страна басков, Северная Ирландия, Южный Тироль, Фламандия и Валлония, Бавария, Трансильвания, Корсика, Техас, Калифорния, Квебек. Насколько неизбежно самоопределение этих территорий? Для нас особенно интересна судьба России. Польша, Финляндия, Прибалтика, Закавказье, Украина, Средняя Азия – кто следующий? Будут ли ещё пассионарные этносы? Так, в Татарстане в 2017 г. были проведены спецоперации по раскрытию сепаратистских организаций – «Татарского общественного центра», «Хизб ут-Тахрир»

Феноменологически, бытие современного социокультурного хаосмоса определяется двумя трендами – ценностно-смысловой пролиферацией и индивидуацией. Пролиферация – это процесс генерации новых идей, идентичностей, структур и порядков, в том числе политических, а индивидуация – бесконечное углубление в личный жизненный мир, самосозидание и самореализация как непохожего, уникального Другого.

Другость в политике – одна из причин дивергенции российского истеблишмента и местных прибалтийских, грузинских, украинских элит. Собственно, предложение многополярности от В.В. Путина тоже является разновидностью онто-политической инаковости, понимаемой как гарант равновесия разнородных систем. Инаковости от англо-саксонской модели доминииона, до сих пор определяющего актуальную политику и экономику от Канады до Новой Зеландии.

Вопрос, как быть с пролиферирующей инаковостью, которая в условиях экономического профицита позволяет политическим элитам клонироваться снова и снова? Где предел дробления политических образований, реализующих свои личные амбиции и не останавливающихся не перед какими соображениями целесообразности, устойчивости и здравого смысла? Политические новоделы не смущают проблемы рынка сбыта, энергетического рынка, падение демографических показателей.

Развитие цивилизации, выделение наций, формирование национальных элит тоже можно рассмотреть как процесс самоиндивидуации коллективных субъектов. Это тот же процесс самоиндивидуации, где субъектом выступают политические лидеры, а объектом – масса населения. В этом контексте отделение наций – это управляемый политэкономический процесс капитализации и самореализации региональных элит. Собственно сами этносы редко проявляют волю к выходу из состава более крупного государственного образования. Эта тема формируется и форсируется

местными политическими элитами и поддерживается государствами конкурентами.

Практически везде в мире выход из состава метрополии сопровождался противостоянием центра и периферии и разным масштабом жертв. Где-то они исчислялись миллионами, как в Индии. Часто центробежные силы продолжают своё действие и имеет место дробление вновь образованных государств к неудовольствию зачинщиков первичного раскола. Агенты национального самоопределения наивно полагают, что дальше процесс самоиндивидуации закончится. Однако эта вольница имеет тенденцию к клонированию

Мы не хотим повторения межнациональных конфликтов в Чечне, Краснодаре, Пугачёве, Бирюлёво, Арзамасе. Мы хотим сохранения целостности России, её развития по пути благосостояния и безопасности. Что нам нужно? Hard power, Soft power, Smart power.

Жесткая, мягкая и умная сила должны дополнять друг друга, они не являются альтернативами. Так русский язык сохраняет своё конкурентное преимущество благодаря уверенной позиции России в разных областях: экономике, демографии, культуре, спорте и т.д.

Трансформация системы политической власти в Советском государстве – от Ленина к Горбачеву и дальше в современной России – от Ельцина к Путину ставит на повестку дня актуальные стратегические задачи: 1) сбережение народонаселения самой крупной страны в северном полушарии, 2) обеспечение воспроизводства политической элиты, 3) развитие системы эффективной народной политической власти, 4) удержание территории и союзного блока государств, 5) сохранение беспособной армии, 6) защита отечественной науки и образования, 7) обеспечение социальных условий и механизмов воспроизводства научно-технической элиты в России.

АНАЛИЗ ПРОЦЕССА ВНЕДРЕНИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ШКОЛ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

И.Д. Украинцева

Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ
ukraintseva-id@bk.ru

Внедрение инклюзивного образования в систему общего образования является одним из актуальных процессов, происходящих в современном российском обществе. С 2012 года оно реализуется в России официально после внесения поправок в ФЗ №273 «Об образовании в Российской Федерации» [1]. Согласно этому закону под инклюзивным образованием

понимается обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей.

В Бурятии на протяжении тринадцати лет реализуется проект «Развитие инклюзивных школ в Республике Бурятия». Накопленный за данный период опыт нуждается в изучении и представляет научный интерес. В рамках нашей научной работы было проведено социологическое исследование с целью всестороннего анализа процесса внедрения инклюзивного образования в общеобразовательные школы Республики. Исследование включало в себя опросы двух видов: массовый и экспертный. Ниже представлены предварительные результаты массового опроса.

Данный опрос был проведен в 2014-2015 учебном году в общеобразовательных школах Бурятии, имевших на тот момент официальный статус инклюзивных. Согласно указанному критерию площадкой для исследования стали четыре школы: три школы г. Улан-Удэ: №4, №20, №13 и школа №2 г. Кяхта [2]. В группу опрашиваемых вошли дети без инвалидности и дети с инвалидностью по общему заболеванию без видимых признаков ограничения жизнедеятельности в возрасте от 13 до 18 лет. Данная группа была выбрана по причине их непосредственного участия в процессе внедрения инклюзии в школы. Для сбора всесторонней информации о данном процессе было целесообразно изучить мнение детей без особенностей, их отношение к людям с инвалидностью, оценить степень их готовности к совместному обучению с детьми-инвалидами. Массовый опрос учащихся общеобразовательных инклюзивных школ Республики Бурятия охватил 417 респондентов. Распределение участников опроса по полу составило: 47% – юноши, 53% – девушки. Анкета состояла из вопросов открытого и закрытого типа и была составлена с учетом возрастных особенностей респондентов.

В результате интерпретации полученных данных была подтверждена основная гипотеза исследования о том, что внедрение инклюзивного образования в общеобразовательные школы приводит к повышению степени толерантности к людям с ограниченными возможностями здоровья. Явное проявление толерантного отношения отмечено у 80% участников опроса. Показатели «позитивных» ответов существенно преобладают над «негативными»: 58% респондентов испытывают сострадание, 36% отметили, что не разграничивают людей с инвалидностью и без и только у 6% возникает чувство страха и дискомфорт. Кроме того, существенная доля опрошенных школьников (73%) с удовольствием смотрели паралимпийские игры в Сочи в 2014 г. Популярными ответами на вопрос о чувствах, которые вызвали игры, стали «гордость» – 63% и «уважение» – 59%. Стоит отметить, что 5% опрошенных детей помимо предложенных авторами вариантов представили свой – «восхищение».

Одной из важнейших задач нашего исследования было выявление отношения детей без инвалидности к инклюзивному образованию. Полученные данные позволили выявить несколько интересных фактов. Так, по мнению большинства респондентов (79%), выбор места учебы – право самих детей с инвалидностью. При этом только 12% опрошенных выбрали бы для них инклюзивные школы, а 26% определили бы их в специализированные классы в общеобразовательной школе. В то же время 55% детей были бы не против, если бы к ним в класс пришел учиться ребенок с инвалидностью, и только 1% отрицательно отнеслись к такой идее. В целом, отношение к инклюзивному образованию у участников опроса положительное, хотя некоторые показатели были ниже ожидаемых. Возможно, выявленные проблемы связаны с недостаточной информированностью детей о проблемах людей с ограниченными возможностями здоровья, поверхностным представлением о целях и задачах инклюзивного образования, слабым вовлечением детей без инвалидности в мероприятия инклюзивного характера. Беседы по проблемам инвалидности проводились только с 57% респондентами, 56% вообще не знакомы с детьми с инвалидностью, которые учатся в их школе. Также небольшой процент осведомленности отмечен и у детей, прошедших беседы: новые знания о проблеме инвалидности получили лишь 30% респондентов, а 33% затруднились ответить. Тем не менее, проведенные беседы оказывают положительный эффект: желание оказать помощь людям с ограниченными возможностями здоровья появилось у 35% детей, доброжелательное отношение отметили 24% и лишь 4% остались равнодушны.

Анализ полученных данных выявил существующую приверженность сложившимся в обществе стереотипам по отношению к людям с инвалидностью. Достаточно большая доля респондентов (43%) затруднилась описать барьеры, с которыми сталкиваются инвалиды. Предложенные остальными участниками опроса варианты можно условно разделить на две группы: пространственно-бытовые («трудности в передвижении», «отсутствие специальных приспособлений») – 33% и психо-социальные («трудности в общении», «насмешки», «недостаток внимания», «комплексы») – 24%. Схожие по смыслу ответы получены и на вопрос о мерах по улучшению жизни людей с инвалидностью. Самыми популярными были варианты, связанные с устранением физических барьеров, а именно «обеспечение беспрепятственного доступа ко всем объектам социальной сферы» – 78% и «транспортная доступность» – 64%. Таким образом, у большинства опрошенных детей наблюдается распространенное представление о человеке, имеющем инвалидность, которое сводится к наличию видимого заболевания и определенным физическим ограничениям. Это приводит к тому, что таким важным аспектам, как получение людьми с инвалидностью доступа к образованию, обеспечение трудовой и досуговой

занятости, придается наименьшее значение, хотя именно они лежат в основе создания доступной среды для людей с ограниченными возможностями здоровья.

Основными результатами исследования являются выявленные положительные тенденции, а также явные и скрытые проблемы внедрения инклюзивного образования, их причины. В дальнейшем имеющаяся информация позволит нам разработать рекомендации и предложения по корректному внедрению инклюзивного образования в другие школы республики.

Литература

1. «Об образовании в Российской Федерации»: Федеральный закон №273 от 29.12.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html>
2. Украинцева, И.Д. Инклюзивное образование детей с ограниченными возможностями в республике Бурятия: состояние, проблемы и перспективы / И.Д. Украинцева // Baikal Research Journal. – 2014. – №3. – С. 22

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ-ЖЕНЩИНАМИ-МАТЕРЯМИ В УСЛОВИЯХ ПЕНИТЕНЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

К.Б. Утешева

ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)», г. Челябинск
Kseniya_08091@mail.ru

Проблема социальной работы с лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в современных условиях приобретает особое значение. После распада государства в 90-х гг. XX в., последующие неудачные реформы, мировой экономический кризис привели к ухудшению социального и экономического положения большинства населения страны, что вызвало всплеск преступности и необходимость совершенствования форм и методов работы государственных и общественных организаций по профилактике и предупреждению правонарушений. Это обусловило необходимость исследования проблемы социальной работы с лицами, освобожденными из мест лишения свободы и приобщении их к общественно-полезному труду.

Необходимость обращения к данной проблематике вызвана также тем, что в новый период развития нашей страны возникли такие явления в социально-политической жизни как демографические, миграционные процессы и межнациональные конфликты, способствовавшие росту преступлений. В этой связи повышается роль и значимость государственных

и общественных организаций, исправительных учреждений, правоохранительных органов, осуществляющих социальную работу с гражданами и предупреждению роста преступности.

Социальная работа в пенитенциарных учреждениях современной России активно складывается и развивается, как особый вид деятельности по оказанию социальной помощи и поддержки, по осуществлению социальной защиты осужденных. Для осуществления именно этого вида деятельности созданы отделы социально-психологической работы и группы социальной защиты и учета трудового стажа осужденных. Сотрудники названных подразделений исправительных учреждений, решая определённые им нормативными актами задачи, в первую очередь руководствуются в своей деятельности Конституцией РФ. Она провозгласила РФ социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В соответствии со ст. 7 Конституции РФ охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный заработок, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты.

Государственно-правовые основы социальной работы наряду с Конституцией РФ конкретизируются в Федеральных законах, законах субъектов Федерации, указах Президента России, постановлениях и распоряжениях министерств и ведомств, правовых актах органов местного самоуправления. Так, Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в РФ» в соответствии с Конституцией РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права устанавливает основы правового регулирования в области социального обслуживания РФ. Данный Закон дает основные понятия, определяющие сущность социального обслуживания. Она определяется как деятельность социальных служб по социальной поддержке, оказанию социально-бытовых, социально-медицинских, психолого-педагогических, социально-правовых услуг и материальной помощи, проведению социальной адаптации и реабилитации граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации [1]. Кроме того, Федеральный закон закрепляет полномочия Российской Федерации в области социального обслуживания; системы социальных служб; организацию социального обслуживания; ресурсное обеспечение социального обслуживания и другие положения. Отдельные их положений имеют прямое отношение и к организации социальной работы с осужденными в период отбывания наказания, так и после их освобождения.

По данным Федеральной службы исполнения наказания, женщины составляют около 5% всего тюремного населения России [2].

Женская преступность характеризуется следующим образом:

1. Население нашей страны составляют преимущественно женщины. Несмотря на это, женская преступность ниже уровня преступности мужчин;
2. Женская преступность характеризуется иным соотношением корыстных и насильственных преступлений. Доля женщин среди лиц, совершивших насильственные преступления, отдельные преступления против интересов службы, бандитизм, разбой и некоторые другие, значительно меньше мужской [3];
3. Женской преступности характерны корыстные злодеяния, зачастую связанные с профессиональной деятельностью;

У большинства женщин-заклученных, имеется высшее профессиональное образование, что свидетельствует о сформированном сознании, наличии ценностно-мотивационной сферы, жизненных приоритетов и в целом общей культуры и информированности.

Женщины, имеющие желание забеременеть и родить в условиях заключения, получают неоднозначную оценку со стороны общества и сотрудников ИУ. С одной стороны, беременные женщины получают некоторые послабления в условиях содержания: дополнительное питание, медицинский уход, возможность условно-досрочного освобождения. Есть вероятность, что рождение ребенка может стать важным положительным стимулом для женщины, отбывающей наказание. С другой стороны, мать, находящаяся в ИУ, может воспринимать ребенка как дополнительный груз. Губительным образом влияют на мать и условия содержания в заключении: отсутствие нормальных бытовых условий, несоблюдение гигиенических норм, неполноценное питание, минимум личного пространства, строгий распорядок дня, ограничения проявления самостоятельности в действиях.

Осужденная-мать - обширное понятие. Такие женщины могут иметь ребенка не только в условиях заключения, но и у родственников, а также на государственном попечении. В условиях заключения заключенные матери являются как преступниками, так и жертвами социального неблагополучия, которым необходима помощь и поддержка. В большей степени жертвами являются их дети. Отсутствие матери рядом способствует развитию многих отклонений с раннего возраста. Из-за специфической биопсихической зависимости в период младенчества заменить ребенку мать практически невозможно.

Главная цель социального работника в работе с осужденной матерью является реанимирование материнства как главного компонента ценностно-мотивационной сферы и институтов социальной реабилитации [3]. Осуществление этой цели может послужить успешному исправлению, а также снижению негативных влияний ввиду условий отбывания наказания в период формирования и развития ребенка с раннего возраста.

Для осуществления вышеперечисленной цели необходимо создание в исправительном учреждении условий для стабилизации психологического состояния женщины; организовать систему непрерывного социального и межличностного контакта с ребенком, родственниками; консультации психологов, социальных педагогов и работников, детских врачей; организовать обучение основ материнства; разработать возможности более длительного проживания ребенка с матерью (до трех лет), предоставление права на более оплачиваемую работу, трудовое и жилищное устройство после освобождения.

Тестирование, индивидуальные беседы – эти способы помогут получить более глубокое представление о личности заключенной для проведения комплексной социальной работы. Первым этапом изучения личности матери должен послужить анализ социально-демографических данных, конкретной среды и обстоятельств ее воспитания и развития, выявление факторов риска, повлиявших на дальнейший образ жизни.

Следующим этапом организации социальной работы является прогнозирование вариантов развития трудной жизненной ситуации и личности осужденной, комплексное планирование, составление программ ее исправления и ресоциализации осуждено [3]. При этом необходимо учитывать индивидуальные характеристики осужденных женщин и на их основании выстраивать коррекционную работу на устранении и профилактике социальных проблем, личностных черт и качеств; создание благоприятных среды для реализации положительного потенциала; помощь в получении социальных пособий.

Таким образом, социальную работу с осужденными матерями необходимо выстраивать в связи мать-дети для пробуждения в женщинах материнского инстинкта.

Литература

1. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ // Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/70552648/>
2. Утешева К.Б., Гернега К.С. Система социального обслуживания в малых городах// Проблемы социально-экономического развития в новых экономических условиях: взгляд молодых исследователей: сборник статей участников Международной научно-практической конференции IV Уральского вернисажа науки и бизнеса. – Челябинск, 2017. – С. 310-314.
3. Луговская С.В. Социально-психологический портрет осужденных-женщин, имеющих детей в условиях пенитенциарного учреждения// Человек и образование. – 2011. - № 1 (26). - С.136

4. Ускачева И., Шатов С. Совершенствование нормативно-правового регулирования в области социальной и воспитательной работы с осужденными к лишению свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. - М.: Юрист. – 2008. - № 4. – С.215-249

РАДИКАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПУТИ РАЗВИТИЯ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ

В.М. Филатова

Институт философии и права НГУ, г. Новосибирск
valentinafil26@gmail.com

В современном обществе имеется широкий спектр идейных течений, направленных на то или иное преобразование общественной жизни и затрагивающих не только политические и экономические, но и культурные основы. Некоторое из таких идей принято называть «радикальными» [3]. В связи с массовым употреблением термина «радикализм» в литературе, средствах массовой информации и сети Интернет возникает сложность с определением данного феномена, в частности, проблемой для исследователей данной темы становится часто встречающееся отождествление радикализма с понятиями «экстремизм», «терроризм» и пр. С одной стороны, рассмотрев историю возникновения и количество определений термина «радикализм», можно заметить множество предпосылок и оснований, дающих право отождествлять радикализм и экстремизм. С другой стороны, углубившись в суть феномена, можно говорить о том, что, в сущности, радикализм представляет собой нечто иное. В работе предпринята попытка рассмотреть возможный путь решения этой проблемы.

Термин «радикализм» возник в конце XVIII в. в Англии и в XIX в. получил свое широкое распространение в континентальной Европе. Уже тогда радикализм выступал в качестве одного из путей эволюционного развития общества, становясь при этом альтернативой не только самой революции, но и формам ответного проявления реакции на нее. Чуть позднее, в середине XIX в., там же, полноправно вошел в оборот термин «экстремизм».

В настоящее время под радикализмом понимается бескомпромиссная приверженность определенным взглядам и решительный образ действий, преимущественно, в политике, направленный на кардинальное изменение существующих институтов. В Новой философской энциклопедии радикализму дается следующее определение: «буквально бескомпромиссное стремление идти до конца, добиваться коренных изменений и наиболее полных результатов в любой преобразовательной деятельности» [2]. Очевидно, что наиболее часто радикализм получает распространение в

кризисный период развития общества, угрожающий традиционному укладу жизни. В этом проявляется основное сходство радикализма с экстремизмом. Стоит отметить, что под экстремизмом, согласно Шанхайской конвенции, принято понимать какое-либо деяние «направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований и участие в них» [4, Статья 1].

Среди особых типов радикализма принято выделять революционный радикализм, который, согласно Новой философской энциклопедии, представляет собой «ориентацию на преодоление любых препятствий с применением насилия, характеризующуюся религиозной и этнической нетерпимостью и жертвенностью» [2]. Очевидно, что данный вид радикализма представляет собой собственно то, что сегодня понимается под феноменом экстремизма.

Не смотря на то, что многие до сих пор воспринимают радикализм как лишь только социально-политическое явление, однако, на сегодняшний день, его можно встретить и во многих других сферах жизни общества, как и в случае с общераспространенным феноменом экстремизма. Так, например, существуют понятия религиозного и философского радикализма, которые имеют некоторую связь с политической сферой, однако, представляют собой нечто отличное только от радикализма политического. В сущности, это процесс нового, без опоры на предшествующие рассуждения, пересмотра тех вопросов, которыми издавна задается человек в отношении себя и мира. Так, российский философ А. Л. Казин пишет: «Радикализм сегодня включён в систему основных политологических категорий, однако смысл этого слова выходит за границы политологии, вторгаясь в этику, эстетику, религию и даже повседневную жизнь. Радикализм это крайность, превышение меры. Радикал не поступается принципами, он всегда смотрит в суть, в корень дела. Можно сказать, что любой радикализм имеет в качестве антипода половинчатость, беспринципность, соглашательство» [1].

Среди очевидных сходств понятий радикализма и экстремизма бывает тяжело увидеть их основное различие. Определенная разница между двумя этими понятиями есть и заключается, во-первых, в том, что радикализм в отличие от экстремизма на первом месте оставляет фиксацию на содержательной стороне тех или иных взглядов и установок на преобразование, и лишь впоследствии речь может идти о методах их реализации. Тогда как экстремизм всегда представляет собой именно действие, радикализм может быть исключительно «идейным». Во-вторых, если рассмотреть процессы, движения и идеи, которые в истории философии и политики на протяжении веков называли радикальными, то очевидным

будет тот факт, что радикализм как таковой зачастую может нести в себе некий созидательный момент, в отличие от экстремизма, который всегда носит деструктивный характер.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что радикализм – достаточно широкое понятие, обозначающее комплекс идей, рождающих желание дойти до корня социальных проблем, часто посредством решительного образа действий. При этом радикализм включает в себя экстремизм и, особенно, терроризм, как наиболее жесткие формы проявления радикальных взглядов, подразумевающие под собой готовность и воплощение в жизнь непосредственно деструктивных действий.

Литература

1. Казин А. Л. Национальная идея. Литературная газета от 12.09.2006.
2. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01c5f2fc88579f33e24aabc5?p.s=TextQuery> (Дата обращения: 19.10.2017).
3. Русакова О.Ф. Радикализм в России и современном мире: вопросы типологии. URL: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=36&Itemid=64 (Дата обращения: 19.10.2017).
4. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15.06.2001). URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normid=1168301> (Дата обращения: 19.10.2017).

ПОДВИЖНИК И ГОСУДАРЬ: ДВА ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

М.В. Филиппёнок

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург
f_estelle@ngs.ru

В настоящей работе исследуются особенности осознания идентичности на периферии латинского мира в XII веке, нашедшие свое отражение в кондукте – гимнографическом жанре того времени. Представляющий собой малый жанр латинской гимнографии XII-XIII веков, кондукт не имеет на сегодняшний день четкого филологического статуса. Предположительно он возник как песнопение интермедийного характера, предшествующее на богослужении чтению Священного Писания и исполнявшееся во время шествия священнослужителя из алтаря к амвону [4]. В музыкальном отношении произведения этого жанра представляли собой

композиции, выходящие за рамки традиций григорианского хорала. Относительная тематическая и мелодическая самостоятельность способствовали вынесению на первый план словесного содержания. Озаглавленные в рукописях словом «conductus», произведения являют собой образцы гимнической поэзии, посвященные празднованиям Рождества Христова (кондукты рукописи Е-Мп 289) и почитанию памяти святого апостола Иакова Зеведея (кондукты «Кодекса Каликста»).

Несмотря на то, что почва для возникновения нового жанра была подготовлена в Лиможе, впервые такие песнопения, имеющие подзаголовок «conductus», встречаются в двух рукописях: норманно-сицилийском манускрипте, имеющем в научной литературе обозначение Мп – 289, и т. н. «Кодексе Каликста». Кондукты этих источников являются, по всей видимости, оригинальными произведениями, созданными для исполнения в Палатинской капелле города Палермо и в Соборе Святого Иакова города Сантьяго-де-Компостела.

Обращение к историческому контексту позволяет выдвинуть предположение относительно черт, присущих этому жанру в его ранней модификации, сделавших песнопения востребованными прежде всего в этих областях.

В условиях военного противостояния мусульманам в период Реконкисты культ святого Иакова способствовал сплочению нации и превращению Сантьяго-де-Компостела в паломнический центр Западного мира. О значении имени апостола свидетельствует боевой клич испанцев: «Святой Иаков с нами – рази, Испания!» (¡Santiago, у siegra Espana!), первые упоминания которого относятся к X веку. А к XII веку относится ряд исторических фактов, ознаменовавших возросшее внимание к почитанию святого. Этим столетием датируется документ, написанный каноником компостельского собора, Педро Марсио, который содержит описание битвы при Клавихо, где произошло чудесное явление святого Иакова войску астурийцев. Огромную роль в распространении и развитии культа апостола сыграл учрежденный около 1160 года для защиты паломников Великий военный орден Меча святого Иакова Компостельского.

Связь с культом святого апостола Иакова обнаруживается и в кондуктах «Кодекса Каликста». Во-первых, все четыре произведения посвящены святому. Во-вторых, в их строении присутствуют определенные топосы – общие места, восходящие к топосам греческих энкомиев [5]. В особенностях их содержания выделяются две тенденции: стремление подчеркнуть чудотворный дар апостола Иакова и акцентирование его статуса как воина-защитника.

В условиях противостояния мусульманам развитие культа святого апостола Иакова Зеведеева стал не только центром кристаллизации основных духовных ценностей латинского мира, но и важным фактором формирования национальной идентичности [3].

Для Сицилии XII век был временем энергичной экспансии нормандцев. Несмотря на сохранение определенной свободы вероисповедания населения, которое составляли и греки, и арабы, и норманны, начиная с XII столетия церковная иерархия на острове принимает «тот же вид римско-католических епископств, какой она имела в других частях Италии, во Франции, Англии или Германии» [1, С. 18]. Однако именно в XII веке процесс этот проходил медленно и неохотно. Так, по утверждению Д. Норвича, император Рожер II установил твердый контроль над латинской церковью на острове, и за все время его правления он разрешил строительство лишь одного крупного латинского монастыря в Палермо [2, С. 90]. И все же, национальная и религиозная разнородность, по всей вероятности, послужила причиной того, что объединяющим началом в этом регионе стала идея прославления светской власти, окруженной ореолом «ромейского» величия.

Кондукты сицилийской рукописи Мп – 289 отличаются особым вниманием к концептам закона и царской власти. Посвященные Рождеству Христову, эти произведения и в образно-тематическом строении, и в особенностях использования стилистических и риторических приемов подчеркивают богоданность царской власти, окруженную подобающей ей торжественностью.

Для Сицилийского Королевства сохранение независимости и утверждение власти короля было важнейшей стратегической задачей политики короля Рожера II. Сосуществование различных национальностей на одной территории должно было подкрепляться общей идеей. Формирование идеи государственности происходило под сильным влиянием византийской концепции симфонии⁶, что и нашло свое отражение в памятниках гимнографии.

Литература

1. Бартлетт Р. Становление Европы: Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры. 950 – 1350 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.
2. Норвич Д. Расцвет и закат Сицилийского королевства. М.:Центрполиграф, 2005.
3. Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. Издательство Московского университета. № 2, с.103 -107.
4. Ellinwood L. The Conductus // The Musical Quarterly. Vol. 27. No. 2. 1941. Pp. 165–204.
5. Menander Rhetor / ed. by D. A. Russell and N. G. Wilson. Oxford, 1981.

⁶ Принцип взаимодействия светской и церковной властей, которые в идеале находятся в состоянии согласия и сотрудничества.

ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

С.С. Аносов

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
г. Иркутск
ssanosov@mail.ru

Социальные изменения общественного воспроизводства приводят к тому, что меняется социальная расстановка ключевых игроков в пространстве социального воспроизводства общества. Конец XX и начало XXI веков обозначило активизацию третьего сектора в социальной активности. Некоммерческие организации стали основой для развития общественного сектора, гражданских инициатив и в целом социальной активности.

Одни ученые говорят о том, что социальные задачи, которые ставят перед собой руководители и члены общественных организаций определяют социальный ориентир общественного развития (Антропова Ю.Ю., Коробейникова А.П. [1], Батьянова Л.Н. [2] и другие). Другие рассматривают данный вопрос с позиции социального капитала, приобретаемого общественными и некоммерческими организациями в процессе социальной активности (Полюшкевич О.А. [3,4], Трескин П.А. [5,6] и другие). И первых и вторых объединяет ориентир на социальную активность как форму и инструмент изменения социальной реальности, построение институтов гражданского общества.

Целями создания и участия в НКО является решение социальных задач определенных групп людей (инвалидов, детей, ветеранов, мужчин или женщин и т.д.), при этом, участники некоммерческих организаций находят сферу самореализации и саморазвития в подобной деятельности. Иными словами, через сочетание социальных и личных интересов происходит формирование устойчивого института гражданского общества, имеющего влияние на реальные стратегии социальной политики общества.

Социальная активность НКО может отражаться в роли социальных посредников между властью и обществом, бизнесом и обществом. Иными словами, некоммерческие организации создают схемы и каналы социальной ответственности власти и бизнеса, социально активных граждан и других институтов общества для решения разнообразных задач.

В 2017 году нами было проведено исследование среди жителей Иркутской области, в котором приняли участие 1200 человек в возрасте от 18 до 75 лет, имеющие разный образовательный и материальный статус, 60%

женщин и 40% мужчин. Погрешность выборки 2,4%. Исследование проходило в таких городах как Иркутск, Ангарск, Усолье-Сибирское, Черемхово, Шелехов, Саянск, Зима, Тайшет, Тулун, Байкальск.

Целью его было выявление форм и мотив участия граждан в деятельности некоммерческих организаций и их оценки роли НКО в построении гражданского общества.

Основными формами участия граждан в деятельности НКО являются: сбор и передача вещей, продуктов нуждающимся (20 %); участие в коллективных акциях (молодежных, культурно-просветительских, правозащитных, экологических) (25 %); сдача крови (донорство) (15 %); участие в поездках в детские дома, дома инвалидов, престарелых, в больницы (11%); сбор финансовых средств (15 %). При этом, личное консультирование (по своим прецессионным навыкам), личная поддержка и работа заняли минимальные позиции (1-3%). Это говорит о том, что люди готовы формально принять участие, даже отдать часть крови, потратить личных денег, но тратить больше чем «можно» (допустимо в сознании) – не готовы. Безоговорочно служить мало кто может.

Достаточно предполагаемо, женщины больше чем мужчины готовы работать в некоммерческих организациях, более молодые также чаще одобряют данную деятельность, чем более старшие. Люди, имеющие высшее образование (чаще в гуманитарной сфере), нежели чем те, кто имеет среднее или средне-специальное образование.

Таким образом, результаты исследования позволяют говорить о четких тенденциях усиления социальной активности граждан. Участие в некоммерческих проектах, пока еще разовых или регулярных, но не постоянных все больше входит в жизнь обычных граждан, это позволяет говорить о социальной включенности, разнообразии социальных механизмов развития гражданского общества и гражданской инициативы.

Предполагаю, что в будущем данная тенденция только будет усиливаться и найдет больше форм и механизмов адаптации и внедрения в жизненные стратегии представителей различных социальных групп и институтов, что в целом будет способствовать процессам социальной интеграции и социокультурной солидарности.

Литература

1. Антропова Ю.Ю., Коробейникова А.П. Некоммерческие организации и неформализованная социально-значимая активность граждан (региональный аспект) // Социодинамика. 2016. № 12. С.11-18.
2. Батьянова Л.Н. Социальные предпосылки формирования групп интересов в гражданском обществе // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы: материалы III всероссийской научно-практической

конференции / ФГБОУ ВПО «ИГУ» ; под общ. ред. О.А. Кармадонова, О.А. Полюшкевич. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. С. 101-106.

3. Полюшкевич О.А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 190 с.

4. Полюшкевич О.А. Оценка социального капитала и перспективы консолидации: гендерные аспекты // Женщина в российском обществе. 2013. №1. С. 60-71.

5. Трескин П.А. Общественные организации как социальный капитал региона // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. №64. С. 120-130.

6. Трескин П.А. Социальные и естественные условия развития некоммерческих организаций города Иркутска // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке : Международная очно-заочная научно-практическая конференция. Чита: ЗабГУ, 2017. С. 159-166.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ ДОКТРИНЫ «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» И КОНЦЕПЦИИ БЕНЕФИЦИАРНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

А.Н. Артемова

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
megadelicious@yandex.ru

В связи с проблемой злоупотребления принципом ограниченной ответственности юридического лица со стороны контролирующих его лиц особую актуальность в настоящее время набирают правовые доктрины, позволяющие отступать от принципа ограниченной ответственности юридического лица в ситуации, когда имеет место обход закона или злоупотребление правом. Иными словами, когда юридическое лицо не является самостоятельным субъектом права, а используется контролирующими его лицами для противоправных целей.

Доктрина «снятия корпоративной вуали» является изобретением англо-американского права. На протяжении столетия она применялась судьями Великобритании и США, которые в своих решениях формулировали критерии ее применения. В качестве таких критериев выступали критерии «маски», «простого фасада», «альтер эго», «инструмента», «доминирования и контроля», «агента» и др.

До последнего времени под доктриной «снятия корпоративной вуали» понимали не формально-определенную юридическую доктрину, а совокупность юридических приемов, позволяющих пренебречь самостоятельной личностью юридического лица и лишить его отдельной

правосубъектности; «не более, чем условное собирательное обозначение для массы самых различных правовых категорий и институтов» [1, С. 122].

Однако в 2013 году Верховный Суд Великобритании вынес решение по делу *Prest v. Petrodel Resources Ltd*, определив дальнейшую судьбу доктрины «снятия корпоративной вуали». В этом деле, касающемся раздела имущества при разводе, суд вынес решение на основе концепции бенефициарной собственности, а не доктрины «снятия корпоративной вуали». Отказывая в применении доктрины «снятия корпоративной вуали», суд констатировал, что доктрина «снятия корпоративной вуали» применяется, когда имеет место обход закона: ситуация, при которой лицо находится под уже возникшим юридическим обязательством или ответственностью и намеренно уклоняется от его исполнения или делает его невозможным посредством использования подконтрольной ему компании. Таким образом, Верховный Суд Великобритании четко ограничил сферу применения данной доктрины, придав ей необходимую определенность.

Такое понимание доктрины «снятия корпоративной вуали» для России представляется крайне рациональным в свете того, что российское право отличается формальной определенностью и не терпит метафор, значение которых крайне размыто. Вместе с тем в настоящее время в законодательстве РФ происходят значительные изменения, которые, как представляется, способствуют развитию другой доктрины – концепции бенефициарной собственности, которую использовал Верховный Суд Великобритании в деле *Prest v. Petrodel Resources Ltd*.

Исторически концепция бенефициарной собственности происходит из английского трастового права, относящегося к праву справедливости. Траст представляет собой фидуциарное обязательство доверительного собственника управлять собственностью, переданной ему учредителем траста в интересах выгодоприобретателя – бенефициара [3, Р. 8]. Таким образом, бенефициарный собственник – это лицо, которое получает доходы от использования имущества, юридическим собственником которого является другое лицо [2, Р. 47]. Как видим, происходит «расщепление» права собственности: распоряжается имуществом доверительный собственник, а доходы от распоряжения этим имуществом получает бенефициарный собственник.

Концепция бенефициарной собственности получила закрепление в российском налоговом законодательстве и законодательстве по противодействию легализации (отмыванию) доходов. Однако гражданскому законодательству понятие «бенефициарного собственника» пока неизвестно. Несмотря на это концепция бенефициарной собственности в последнее время получила развитие в судебной практике по гражданским делам. Так, на сегодняшний день имеются прецеденты использования концепции бенефициарной собственности в трех категориях дел: дела о признании недействительными решений собраний, нарушающих права бенефициара; дела, касающиеся договорной ответственности, и дела о разделе совместно нажитого имущества супругов.

Оценивая перспективы применения рассматриваемых концепций в России, нельзя не отметить то, что обе имеют целью достижение справедливого решения путем присуждения активов, спрятанных за корпоративной вуалью, пострадавшей стороне, однако идут к этому результату разными путями. Доктрина «снятия корпоративной вуали» игнорирует самостоятельную личность юридического лица, лишая его привилегии ограниченной ответственности. Концепция бенефициарной собственности, напротив, сохраняет целостность «корпоративной вуали», вместо этого признает компанию лишь номинальным собственником имущества, тогда как бенефициарным собственником признается другое лицо. В этой связи концепция бенефициарной собственности имеет больше шансов на закрепление в российском гражданском законодательстве, поскольку не угрожает размыванием конструкции юридического лица. А также учитывая тот факт, что данная концепция уже используется в налоговом законодательстве и законодательстве по противодействию легализации (отмыванию) доходов.

Вместе с тем списывать со счетов доктрину «снятия корпоративной вуали» не стоит. Сфера ее применения может быть ограничена ситуацией злоупотребления корпоративной формой для уклонения от исполнения существующего юридического обязательства. В этом виде доктрина «снятия корпоративной вуали» является частным случаем злоупотребления правом (ст. 10 ГК). Такой подход позволит избавиться от неопределенности в понимании доктрины и обеспечит ее разумное и адекватное применение.

Литература

1. Асосков А. В. Коллизионное регулирование снятия корпоративных покровов // Вестник гражданского права. 2013. №5.
2. Merriam-Webster's Dictionary of Law. Merriam-Webster's Inc., 1996.
3. Penner J. The Law of Trusts. Oxford University Press, 2016.

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ГАРАНТИЙ ПРАВ ГЛАВЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАМКАХ ПРОЦЕДУРЫ УДАЛЕНИЯ В ОТСТАВКУ

Е.С. Волченко

Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск
lenyn00@gmail.com

Институт удаления главы муниципального образования в отставку введен в российское законодательство о местном самоуправлении в 2009 году [1] в целях реализации отдельных положений послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 5 ноября 2008 года [2].

Глава муниципального образования в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3] (далее – Федеральный закон) является высшим должностным лицом муниципального образования и наделяется собственными полномочиями по решению вопросов местного значения (часть 1 статьи 36), его наличие в структуре органов местного самоуправления является обязательным, за исключением случаев, предусмотренных данным Федеральным законом (часть 2 статьи 34).

При наличии оснований, предусмотренных частью 2 статьи 74.1 Федерального закона, представительный орган муниципального образования вправе удалить главу муниципального образования в отставку досрочно (часть 6 статьи 36).

Удаление в отставку является муниципально-правовой мерой ответственности главы муниципального образования, применяемой независимо от способа замещения им своей должности. Например, неисполнение главой муниципального образования в течение длительного срока своих обязанностей (кроме случаев, когда это вызвано уважительными причинами, например, болезнью) с очевидностью свидетельствует о фактическом самоустранении главы муниципального образования от их исполнения, существенно затрудняет либо делает невозможным реализацию полномочий иных органов местного самоуправления, органов государственной власти, осуществление гражданами прав, свобод и несение ими обязанностей в сфере местного самоуправления, т.е. нарушает нормативно установленный порядок осуществления функций местного самоуправления. Удаление главы муниципального образования в отставку в указанном случае выступает мерой его ответственности перед представительным органом муниципального образования, а в конечном итоге – и перед населением, гарантируя восстановление установленного законом порядка осуществления местного самоуправления на территории соответствующего муниципального образования, подконтрольность и подотчетность главы муниципального образования населению и представительному органу муниципального образования, обеспечивая баланс полномочий представительного органа муниципального образования и главы муниципального образования в системе местного самоуправления [4].

При этом действующее законодательство закрепляет ряд гарантий защиты главы муниципального образования от злоупотребления институтом удаления его в отставку (часть 13 статьи 74.1). Так, в частности, при рассмотрении вопроса и принятии решения об удалении главы муниципального образования в отставку представительным органом муниципального образования должно быть обеспечено заблаговременное получение главой муниципального образования уведомления о дате и месте проведения соответствующего заседания, а также ознакомления с

обращением депутатов представительного органа муниципального образования или высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) и с проектом решения представительного органа муниципального образования об удалении его в отставку (пункт 1 части 13 статьи 74.1).

Данные гарантии представляются достаточно важными, особенно в свете того, что объективной оценки деятельности главы муниципального образования, которую мог бы предоставить независимый суд, нет [5], а частью 17 статьи 74.1 Федерального закона предусмотрена лишь процедура обжалования решения об удалении в отставку в судебном порядке.

Вместе с тем на практике могут возникнуть ситуации, когда отсутствует возможность выполнения условий, необходимых для принятия решения об удалении главы муниципального образования в отставку, в частности, невозможно выполнить условие, предусмотренное пунктом 1 части 13 статьи 74.1 Федерального закона, когда место нахождения главы муниципального образования неизвестно, либо он отказывается получать уведомление или препятствует его получению.

Принимая во внимание обязательность соблюдения предоставленных главе муниципального образования гарантий в рамках процедуры удаления его в отставку как обязательного элемента указанной процедуры, видится необходимым законодательно определить форму и порядок уведомления о дате и месте проведения заседания для решения вопроса об удалении главы муниципального образования в отставку. Кроме того, требуется законодательно урегулировать вопрос о действиях, которые должны быть предприняты в случае отказа или уклонения главы муниципального образования от получения уведомления, а также когда место его нахождения неизвестно.

Литература:

1. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» : федеральный закон от 7 мая 2009 года № 90-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2009. - № 19. - ст.2280.
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 5 ноября 2008 года // Парламентская газета. – 2008. – № 69.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2003. - № 40. - ст.3822.
4. По жалобам граждан Дегтярь Надежды Александровны и Шардыко Юрия Сергеевича на нарушение их конституционных прав пунктом 2 части 2 статьи 74.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» : определение

Конституционного Суда РФ от 4 октября 2011 года № 1264-О-О // СПС КонсультантПлюс.

5. Шугрина Е. Удаление главы в отставку: как, за что и в какие сроки? / Е. Шугрина // Глава местной администрации. - 2011. - № 3. - С. 19.

КОРРУПЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е.И. Гайдук

Новосибирский государственный университет экономики и управления,
г. Новосибирск
evgeniy-g-54@mail.ru

Федеральный закон «О противодействии коррупции» наряду с перечислением отдельных разновидностей коррупционных действий содержит общее легальное определение коррупции [1]. Вышеуказанное определение коррупции представляется не совсем удачным по многим причинам. В частности, выгода имущественного характера, о которой идет речь в подп. «а» п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции», может заключаться в деньгах, ценностях, ином имуществе или услугах имущественного характера, иных имущественных правах. Возможности отнесения к этой выгоде каких-либо других составляющих п. 1 ст. 1 указанного закона не предусматривает. Нетрудно увидеть, что упомянутая выгода по своему составу практически ничем не отличается от предметов коммерческого подкупа и взятки — денег, ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав ст. 204, 290 Уголовного кодекса Российской Федерации [4].

Помимо общих вопросов, связанных с регламентацией коррупции и антикоррупционной политики, необходимо сконцентрировать своё внимание на проблемах правового регулирования составов коррупционных преступлений, а также их наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

Так, например, современная правовая регламентация конфискации имущества за коррупционные преступления свидетельствует о наличии законодательных ошибок и противоречий [3]. Особо обращает на себя внимание отсутствие в перечне статей, по которым можно применить конфискацию имущества, трех составов преступлений (ст. 291, 291.1 и ч. 1, 2 ст. 204 Уголовного кодекса Российской Федерации) [2].

Также следует обратить внимание на слабую развитость в Российской Федерации просветительского и профилактического направления антикоррупционной политики [5, С. 109]. В процессе формирования антикоррупционной политики целесообразно поддерживать постоянное взаимодействие с компетентными научными учреждениями

и профессиональными научными работниками, а также активно вовлекать ученых в консультирование, экспертизу, мониторинг, анализ и реальное внедрение антикоррупционных мероприятий в деятельности арбитражных судов.

С одной стороны, в последние годы вышло значительное число публикаций, посвященных теме коррупции и борьбе с ней, большая часть которых раскрывает предмет исследования с криминологической или юридической точки зрения [6, С. 127, 7]. С другой стороны, целый ряд важных аспектов данной проблемы остается незатронутым или мало исследованным. Современное состояние законодательства и правоприменительной деятельности создает предпосылки для обоснования предложений по поводу совершенствования уголовно-правовых мер противодействия преступлениям коррупционной направленности. При всей многоаспектности принимаемых нормативно-правовых актов сложно рассчитывать на снижение уровня коррупции без реально действующего механизма правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с совершением преступлений коррупционной направленности.

Проблемы антикоррупционной политики:

1. Необходимо пересмотреть перечень составов преступлений, за которые возможно применение конфискации. Для этого требуется внести изменения в ст. 104.1 УК РФ с тем, чтобы конфискация доходов от коррупционных преступлений охватывала все преступления — как непосредственно связанные с подкупом должностных лиц, так и другие сопряженные с ним преступления.

2. В настоящее время отсутствует единая терминология в правовых актах, направленных на противодействие коррупции. Указанные термины должны употребляться в одинаковом значении во всех отраслях права. Только тогда единообразное легальное закрепление и толкование позволит более эффективно осуществлять противодействие коррупции (главным образом предупреждать ее), минимизировать ее негативные последствия.

3. В Российской Федерации нет единого специализированного координационного органа по противодействию коррупции. Нам представляется, что на базе органов Прокуратуры Российской Федерации возможно создание специализированного органа противодействия коррупции в форме подразделений в составе Генеральной прокуратуры Российской Федерации и прокуратур субъектов Российской Федерации. Также является целесообразным введение должности Уполномоченного по противодействию коррупции.

Литература

1. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

2. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017)
3. Кругликов, Л. Л. Ошибки в квалификации преступлений: структура, причины возникновения / Л. Л. Кругликов // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве. – Ярославль, 1995. – С. 46–47.
4. Верченко Н.И. Элитарная коррупция // Вестник НГУЭУ. 2014. № 4. С. 251–256.
5. Верченко Н.И. Правовое обеспечение противодействия конфликту интересов // Уголовное наказание – социальное благо или зло? материалы VIII Межд. науч.-практ. конф / Отв. ред. И.Я. Козаченко. Екатеринбург: Изд. дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012. С. 109-110.
6. Муравьева Н.И. Криминологические детерминанты незаконного участия в предпринимательской деятельности // Политика и право: проблемы интеграции и пути их решения: труды межд. науч. - практ. конф. / Отв. ред. А.К. Черненко. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2008. С. 126-132.
7. Верченко Н.И. Незаконное участие в предпринимательской деятельности // Закон и право. 2011. № 2. С. 84-87.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СТРАХОВЫХ ВЗНЕСОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ю.П. Глебова

Юридический институт Иркутского государственного университета,
г. Иркутск
glebova775@rambler.ru

На протяжении долгого времени в научном финансово-правовом обществе ведется дискуссия относительно правовой природы страховых взносов в Российской Федерации. На данный момент основополагающими являются три главные концепции, в рамках которых страховые взносы рассматриваются как: особый вид обязательного платежа, налог и парafискальный сбор.

Однако анализ правовой природы страховых взносов не позволяет отнести их ни к налогам, ни к парafискальным платежам. Существующее законодательство не включает в себя легального определения парafискальных сборов, откуда возникает многообразие научных взглядов относительно понятия и правовой природы парafискальных платежей.

Так, например, по мнению И.И. Кучерова, «парafискалитет – это правовая, неналоговая форма возложения обязанностей на физических лиц и организации по участию в формировании финансовых ресурсов отдельных субъектов публичного и частного права, в целях покрытия расходов, связанных с оказанием ими услуг в пользу плательщиков» [4, С. 92].

Была попытка дать определение парафискальным сборам в правоприменительной практике. Так, в Постановлении Федерального арбитражного суда Уральского округа от 22.03.2005 № Ф09-884/05-АК определялось, что парафискальный сбор представляет собой платеж, обладающий внешними признаками налога, но не аккумулируемый в бюджете, а перечисляемый в пользу юридических лиц публичного или частного права [1].

А.Ю. Долгова относит страховые взносы к парафискальным платежам, так как средства от уплаты взносов поступают исключительно в государственные внебюджетные фонды, не являющиеся государственными органами, а использование этих средств идет на определенные цели, связанные с претворением в жизнь принципа обеспечения гарантий социальной защиты [3, С. 120].

Можно отметить, что в 2004 году Конституционный Суд Российской Федерации указал на возмездность взносов на пенсионное страхование и разъяснил, что они уплачиваются на индивидуально возмездной основе, отвечают признакам возвратности. Но есть ряд противоречий. Так, плательщик страховых взносов и застрахованное лицо могут не совпадать. Следовательно, некорректно говорить о наличии индивидуальной возмездности для работодателя. На данное обстоятельство было указано А.С. Гуркиным, по мнению которого, страховые взносы – это ни что иное как социальный налог, который уже действовал в нашей стране до 2010 года [2, С. 177].

Важно отметить, что целевой характер страховых взносов не говорит об их парафискальной природе. Например, С.Г. Пепеляев в качестве целевого налога выделяет налог с владельцев транспортных средств, взимаемый в Москве в 1994 году, введенный законом города Москвы «О внесении изменений в Закон города Москвы» от 25 мая 1994 года №9-45 «О ставках налогов, взимаемых в дорожные фонды». Он имел целевую направленность на реконструкцию Московской кольцевой автодороги [5, С. 124].

Также нужно принимать во внимание, что страховые взносы не относятся к парафискальным сборам, так как уплата взносов не является условием совершения в отношении плательщиков юридически значимых действий. Данные действия осуществляются не в отношении плательщиков взносов – работодателей, а в отношении работников, за которых такие взносы уплачиваются.

Однако относить страховые взносы к налогам не стоит, так как:

- 1) налоги представляют собой обезличенную массу денежных средств, расходуемую на нужды государства, страховые взносы же индивидуализируются при поступлении на индивидуальные лицевые счета;
- 2) налоги обладают индивидуальной безвозмездностью, а страховые взносы отличаются своим возмездным характером;

3) цель уплаты налогов – финансовое обеспечение деятельности публичных образований, в свою очередь у страховых взносов цель сводится к реализации прав и гарантий человека в сфере социального обеспечения.

Подводя итог, можно сделать вывод, что страховые взносы в Российской Федерации имеют специфическую правовую природу, целевой характер формирования и направлены на реализацию общегосударственных социальных программ.

Литература

1. Постановление ФАС Уральского округа от 22.03.2005 № Ф09-884/05АК по делу № А60-23206/04 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гуркин А.С. Проблемы определения правовой природы страховых взносов / А. С. Гуркин.// Налоговое право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 2015 года : по материалам XIII Международной научно-практической конференции 15 - 16 апреля 2016 г., Москва. М.: Норма, 2017. С. 176 – 181.
3. Долгова А.Ю. Парафискальные сборы в России: монография / А.Ю. Долгова. М.: Юрайт, 2012. 196 с.
4. Кучеров И.И. Теория налогов и сборов (правовые аспекты): монография / И.И. Кучеров М., 2009. 473 с.
5. Пепеляев С.Г. Основы налогового права: Учебно-методическое пособие / Под ред. С.Г. Пепеляева. М.: Инвест Фонд, 2000. 496 с.

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О.Ю. Готра

Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск
gotra@ngs.ru

Муниципальная служба как институт публичной власти является организационным ядром местного самоуправления в РФ. Поэтому государство помимо прямых использует и косвенные методы влияния на муниципальную службу – через регулирование местного самоуправления. С принятием Конституции Российской Федерации 1993 года изменились структура и функции органов публичной власти, получило своё законодательное закрепление местное самоуправление. Активизировался интерес к новому для отечественной правовой науки институту муниципальной службы. С этого периода можно наблюдать позитивные изменения в области правового регулирования в данной сфере. Получили развитие вопросы, определяющие категории «муниципальная служба»,

«должность муниципальной службы», принципы муниципальной службы, порядок замещения должностей и прохождения муниципальной службы, урегулирование конфликта интересов на муниципальной службе.

После принятия 2 марта 2007 г. федерального закона «О муниципальной службе в РФ» № 25-ФЗ муниципальную службу можно определить, как «профессиональную деятельность граждан, осуществляемую на должностях муниципальной службы» [1]. В то же время, сложившаяся за многие годы практика функционирования института муниципальной службы в РФ показала не решённые проблемы, связанные с прохождением муниципальной службы, привлечением служащих к дисциплинарной ответственности, носящие в большей степени системный характер. У муниципальных служащих отсутствует мотивация к труду, как с профессиональной, так и с материальной точки зрения. Отсутствует проведение кадрового мониторинга и аудита муниципальных служащих. Проблема может быть вызвана частыми структурными реорганизациями в системе местного самоуправления, сокращением должностей и др.

В отношениях между населением и властью связующим звеном являются государственные и муниципальные служащие. От их профессионализма и элементарного желания работать во благо населения зависит то, насколько эффективно будет реализована государственная политика, решены вопросы местного значения муниципальных образований.

Н. А. Сантрян и О. Н. Момотова в своей работе отмечают, что «не уделяется достаточного внимания для формирования кадрового резерва, неправильная расстановка кадров, и, как следствие отсутствие возможности у муниципального служащего реализовать свои профессиональные качества» [2, С. 71].

По нашему мнению, среди прочих проблем функционирования института муниципальной службы главная проблема это - коррупция. Были приняты многочисленные нормативные правовые акты (федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ [3], федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 02.03.2007 г. № 25-ФЗ (в ред. 26.07.2017) [4], федеральный закон «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ [5] и другие). Лица, занимающие государственные должности, должности государственной гражданской службы, должности муниципальной службы обязаны ежегодно предоставлять сведения о доходах, о расходах, о наличии имущества и обязательствах имущественного характера. Не выполнение данной обязанности является - правонарушение, которое влечёт освобождение государственного или муниципального служащего от замещаемой должности государственной или муниципальной службы либо привлечение его к иным видам дисциплинарной ответственности. Во многом благодаря этим и другим нововведениям, у

государственных и муниципальных служащих повышается профессиональная заинтересованность, сокращается количество правонарушений коррупционной направленности.

Работу по внесению изменений в законодательство о государственной и муниципальной службе необходимо продолжить. Следует ограничить возможности усмотрения представителей нанимателя при решении вопроса о привлечении к дисциплинарной ответственности муниципальных служащих за серьезные правонарушения коррупционной направленности.

Считаем, что в юридической науке по сравнению с государственной службой и государственной гражданской службой, муниципальной службе уделяется второстепенное значение. Возможно, это обстоятельство является одной из причин не достаточного правового регулирования правового института муниципальной службы. Следует уделить большее внимание проблеме реализации равного доступа граждан к муниципальной службе.

Литература

1. О муниципальной службе в Российской Федерации: федер. закон от 02.03.2007 г. № 25-ФЗ (в ред. 26.07.2017) // Российская газета. - 2007. - № 4310 (0). - 7 марта.
2. Сантрян Н. А., Момотова О. Н. Проблемы муниципальной службы в современном российском обществе // Kant. 2014. №3 (12) С.70-72.
- 3 О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 03.04.2017) // Российская газета. - 2008. - № 4823 (0). - 30 декабря.
4. О муниципальной службе в Российской Федерации: федер. закон от 02.03.2007 г. № 25-ФЗ (в ред. 26.07.2017) // СЗ. РФ. – 2007. № 10. Ст. 1152.
5. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ (в ред. 29.07.2017) // Российская газета. - 2004. - № 3539 (0). - 31 июля.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ: АКТУАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ В ОБЩЕСТВЕ

Е.Н. Данилова

Юридический институт Иркутского государственного университета,
г. Иркутск
danilova.92@mail.ru

Правовая культура населения в настоящее время является актуальным направлением инновирования в области права. «Термин «правовая культура» используется для обозначения разнообразных фрагментов правовой действительности. В одном случае под правовой

культурой понимают некоторую совокупность духовных ценностей, связанных с реализацией права, считают, что правовая культура – это совокупность знаний, навыков применения, соблюдения и использования законов, а также их глубокое уважение. В другом случае к правовой культуре относят более широкий спектр духовных ценностей, и не только правовых» [1, С. 8].

Важность правовой культуры заключается в распространенном влиянии данного явления на всевозможные стороны общественного функционирования, в частности на такие как:

- экологическая культура;
- сфера морали и нравственности;
- имущественные взаимоотношения;
- политика;
- сфера развлечений и т. д.

Правовая культура является одновременно основой и следствием развития процессов в обществе: с одной стороны, она является необходимой производной, обусловленной поддержкой элементов социума, а с другой – качество ее составляющих, а также широта их воздействия определяет направление движения социального прогресса. «Правовая культура выступает ключевым фактором создания правового общества и правового государства» [3, С. 326].

Уровень правосознания граждан определяет состояние общественного благополучия, поскольку развитая правовая культура позволяет поддерживать необходимый баланс межличностных взаимодействий посредством:

- соблюдения личностной свободы;
- содействия уважению и следованию границам личного социального и физического пространства людей;
- сохранения имущественных и социальных ценностей общества;
- развития нравственности и сознательности граждан, ответственности перед собой, другими людьми и обществом в целом.

Перспектива развития правовой культуры в обществе заключается в следующих основных положениях:

- развитие информационных технологий позволяет расширить информационный поток распространения знаний основ актуального законодательства в разных областях общественной жизни;
- сфера образования предполагает многоступенчатую подготовку профессионалов в области юриспруденции, начиная со ступени начального и среднего общего образования;
- развитие правовой культуры является одной из задач волонтерства.

Так, большую актуальность приобретают бесплатные юридические клиники, а также участие различных организаций (коммерческих и некоммерческих,

государственных и негосударственных) в просвещении, разъяснении и защите прав.

Одним из наиболее перспективных направлений в области развития правовой культуры среди населения является адаптированное использование основ конфликтологии – медиация и методы ее применения. «Развитие альтернативных способов урегулирования правовых конфликтов является одним из инструментов совершенствования правовой культуры общества. Медиация выступает одним из таких способов. Ее развитие может осуществляться только лишь в условиях осознания гражданами целесообразного участия медиатора в разрешении конфликтных ситуаций» [2, С. 155].

Таким образом, актуальность явления правовой культуры высока, и, необходимо отметить, не только для правовых исследований, но и для многих социальных и гуманитарных исследовательских областей.

Литература

1. Бондарев А. С. Правовая культура и продукты правовой культуры в их соотношении / А. С. Бондарев // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2010. – № 2. – С. 8-15.
2. Геворкян Т. В. Медиация как один из альтернативных способов разрешения споров и ее влияние на правовую культуру общества / Т. В. Геворкян // Legal Concept. – 2014. – № 4. – С. 155-158.
3. Петров А. В., Котрикова Т. Ю. Профессиональная правовая культура в системе правовой культуры общества / А. В. Петров, Т. Ю. Котрикова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 3-1. – С. 326-331.

ПОИСК НОВЫХ ФОРМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

А.Б. Дидикин

Институт философии и права СО РАН

Сибирский университет потребительской кооперации

abdidikin@bk.ru

В последние годы наблюдается резко возрастающий интерес к бурному развитию финансовых технологий, среди которых главным событием стало появление рынка криптовалют. В основе функционирования данного виртуального рынка лежит широкое применение ресурсов сети Интернет и специальной технологии сохранения информации – блокчейн. О специфике применения блокчейна и перспективах развития государственного

управления и финансовой системы на основе блокчейн-технологий сегодня уже написано несколько книг [1; 2; 3].

Однако для обеспечения правового регулирования такого широкого использования информационных технологий традиционных правовых средств недостаточно, поскольку речь идет о появлении новых типов правовых отношений между субъектами, обеспечивающими инфраструктуру виртуального финансового рынка, и участниками, осуществляющими сделки. В конечном итоге нематериальные активы, используемые субъектами отношений по поводу виртуальных объектов, не всегда могут быть увязаны с процессами материального производства или редуцированы к каким-либо вещным отношениям. Кодирование информации от начала до конца совершения сделки с использованием криптовалюты, приводит к существенной децентрализации и самоорганизации участников такого виртуального рынка, что исключает возможность прямой аналогии в применении норм гражданского законодательства.

Следует отметить, что терминологический аппарат, касающийся применения блокчейн-технологий и криптовалют, не является единым и часто предполагает различные интерпретации. Современные государства пока не выработали модель правового регулирования и адекватное реагирование на стремительно расширяющийся рынок криптовалют (быстрый рост курса биткоина (первой наиболее известной криптовалюты), а также эфира и других примеров известных криптовалют, подчеркивает уровень действия субъективного фактора при принятии финансовых решений). Высокая степень свободы усмотрения участников рынка криптовалют ставит под вопрос возникновение рисков, непредвиденных последствий потери финансовых средств, возможных сбоев в работе информационных систем.

21 октября 2017 г. Президентом России утвержден перечень поручений по итогам совещания об использовании цифровых технологий в финансовой сфере, в том числе в части проработки предложений в законопроект о регулировании криптовалют [4]. Фактически законодателю предстоит закрепить новые формы правового регулирования цифровых денежных средств и установить новые формы контроля над участниками оборота криптовалют. Четкое понимание, каким образом это должно быть осуществлено, пока отсутствует. Среди ключевых понятий, которые требуется закрепить в законе, отмечены такие понятия, как «технология распределённых реестров», «цифровой аккредитив», «цифровая закладная», «криптовалюта», «токен», «смарт-контракт», «майнинг» (организация и осуществление производства, основанного на принципах криптографии в среде распределённых реестров). Законодатель в значительной степени ориентируется на аналогию закона и аналогию права применительно к финансовым операциям (привязка криптовалют к рублю, аналогия с

размещением первичных ценных бумаг). Но будет ли верным и эффективным такой подход?

Представляется, что при обсуждении правового регулирования криптовалют нужно исходить из технических и организационных характеристик развития виртуального финансового рынка. На этом пути возникает несколько ключевых вопросов:

1) какие угрозы и риски необходимо исключить при свободном обращении криптовалют?;

2) каким должен быть механизм вхождения на виртуальный финансовый рынок новых участников?;

3) каким образом возможен законный перевод цифровых денежных средств в национальную или иностранную валюту?

Основной угрозой применения криптовалют в современных государствах называют мошенничество и возможность возникновения неконтролируемых финансовых пирамид, а также отсутствие компенсации вреда в случае сбоев информационных систем или совершения сделок под влиянием заблуждения о курсах криптовалют. В данном случае логично предусмотреть в законе правовой статус коммерческих и некоммерческих организаций, обслуживающих информационные системы на основе блокчейн-технологий (технологии распределенных реестров). Если указанные компании подтверждают безопасность и отсутствие технических сбоев в работе их систем, это будет основанием не вводить избыточное регулирование, поскольку блокчейн представляет собой «цепочку блоков данных, объем которой постоянно растет по мере добавления майнерами новых блоков с записями самых последних транзакций...» [1, с. 22]. Тем самым блокчейн-технология исключает возможность потери данных о каких-либо финансовых операциях лиц, использующих биткоин-кошельки или иные виртуальные кошельки для операций, а также исключает использование каждого биткоина или другой криптовалюты больше одного раза. Самоорганизация такой технологической системы не требует дополнительного регулирования.

Относительно вхождения на рынок новых участников достаточно оптимизировать процесс создания виртуальных кошельков и контроля за юридическими лицами, работающими на виртуальном финансовом рынке. Суть такого контроля может состоять лишь в реакции на жалобы со стороны участников рынка, которые в основном несут риск собственных решений и прогнозов.

Вопрос обналичивания (перевода виртуальных денег в национальную или иностранную валюту) остается наиболее сложным, ведь использование криптовалют в основном базируется на регулярном инвестировании и вложении этих цифровых валют в новые операции и новые активы. Установление полного контроля над использованием цифровых

денег может привести к утрате преимуществ и возможностей этого децентрализованного рынка, и к появлению новых цифровых площадок за рубежом. В такой ситуации важно избежать необоснованного избыточного регулирования и рисков неиспользования новых цифровых технологий для развития экономики.

Литература

1. Свон М. Блокчейн. Схема новой экономики. М., Олимп, 2017. 240 с.
2. Поппер Н. Цифровое золото. Невероятная история биткоина. М., 2016.
3. Кейси М., Винья П. Эпоха криптовалют. Как биткоин и блокчейн меняют мировой экономический порядок. М., Манн, Иванов и Фербер, 2017.
4. Перечень поручений Президента РФ по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере, 21 октября 2017 г. [www.kremlin.ru].

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Р.В. Иванов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск
dorwardrw@list.ru

Гражданское общество определяет развитие уклада жизни. Исследование концепций гражданского общества в историко-философской литературе свидетельствует о том, что естественное стремление людей к общежитию, справедливому устройству их общественной жизни и распределению жизненных благ выражалось в форме поиска адекватных природе человека социальных форм.

Можно отметить, что эволюция представлений о гражданском обществе должна рассматриваться не только как смена парадигм, но и как взаимодополнение. Новейшие концепции рассматривают гражданское общество как социальный феномен, институциональную структуру которого составляют группы, ассоциации и движения «неполитического» характера. Данную модель можно назвать «субъектной», поскольку в ней анализируются общественные движения, различные формы гражданской активности в качестве социальных субъектов гражданского общества. Субъектный подход позволяет понять природу общественных движений как генератора социальных преобразований [1].

Наряду с традиционными темами, связанными с гражданским обществом, рассмотрение данного феномена в современной социальной философии вобрало в себя амальгаму проблем, связанных с его переосмыслением в условиях современного социума.

На пути человечества к достижению свободы от принуждения, зависимости, самореализации поставленных социальных целей, социальных и природных благ, возникают препятствия, которые оно может преодолеть в обществе с наличием социального порядка и при поддержке легитимной государственной власти. Таким порядком обладает гражданское общество.

Общей характеристикой активности гражданского общества, проявляющейся в гражданских движениях и инициативах, выступает осознанный выбор возможностей участия в общественной жизни, и направленность на противостояние формальным бюрократическим организациям, прежде всего, государственным. Вне зависимости от страны и контекста реализации гражданского движения [2].

Проблемные зоны реализации идей гражданского общества в современной России лежат в разных плоскостях:

- Правовое поле
- Экономические возможности
- Образовательный ресурс
- Культурно-религиозный круг доступа
- Свобода передвижения
- Свобода слова и т.д.

Сферы реализации данных пространств могут иметь не одинаковый контекст и форму, но они всегда определяются теми рамками дозволенного, что существуют на данный момент времени в конкретном сообществе.

Деятельность гражданских движений и инициатив, направленная на формирование гражданского общества, может иметь успех только в том случае, если она адекватна по своим сущностным признакам типу общества. Исключительность русской истории определена неповторимым путем становления и развития русского государства, которому часто приходилось решать задачи, значительно отличавшиеся от тех, что стояли перед его западноевропейскими соседями. Все эти причины не дают основания считать, что западные идеи о гражданском обществе в полной мере применимы к условиям жизнедеятельности любого социума.

Литература

2. Батьянова Л.Н., Иванов Р.В. Социально-политические основы развития гражданского общества. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017.136с.
3. Полюшкевич О.А. Представления о социальной защищенности жителей России и Португалии // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 66-71.

К ВОПРОСУ О МОМЕНТЕ ПЕРЕДАЧИ УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ ЛИЦУ, НАХОДЯЩЕМУСЯ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

Ф.М. Ивлёв

Юридический институт Иркутского государственного университета,
г. Иркутск
fedor28112009@mail.ru

Пробелы в законодательстве не обошли стороной статью 12.8 КоАП РФ – предусматривающую ответственность за управление транспортным средством (далее – ТС) водителем, находящимся в состоянии опьянения, а так же за передачу управления ТС лицу, находящемуся в состоянии опьянения [1]. Объектом данного административного правонарушения является безопасность дорожного движения, жизнь и здоровье людей [2]. Часть 2 закрепляет ответственность за «передачу управления ТС лицу, находящемуся в состоянии опьянения». По мнению многих исследователей, именно данная часть статьи является «дырой» в законодательстве, а значит, дает выход для уклонения от наказания. При ее изучении возникают следующие вопросы: что нужно понимать под передачей ТС, а так же момент передачи ТС именно лицу в состоянии опьянения.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 N 18 субъектом правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 12.8 КоАП, является водитель ТС независимо от того, является он владельцем данного ТС или нет [3]. Не смотря на это, судебная практика идет вразрез указаниям данного акта. В большинстве изученных судебных решениях по данной категории дел, суды признают субъектом лицо, которое передало ТС, а именно - владельца авто. Так, в судебном решении №5-27/2017 судья прекратил производство по делу в связи с тем, что владелец автомобиля не знал о том, что второе лицо, которому передавался автомобиль, находится в состоянии алкогольного опьянения. Данное судебное решение является отличным примером нечеткого определения субъекта правонарушения. Протокол о передаче транспортного средства был составлен на владельца автомобиля, в то время, как, лицо управляющее автомобилем, владело им на законных основаниях (полис ОСАГО), а это значит, что самого факта передачи ТС не было [4].

Кроме этого, главной проблемой данной статьи является неточность в определении момента передачи ТС. В Постановлении Верховного Суда РФ N 12-АД16-4 сказано, что факт непосредственной передачи управления ТС водителем другому лицу в каждом определенном случае доказывается индивидуально [5]. Основываясь на исследовании судебной практики по данной статье, можно прийти к выводу, что при оформлении протокола о

правонарушении сотрудники ГИБДД зачастую под передачей ТС понимают даже управление ТС на законных основаниях, что лишает их нужды получения разрешения согласия на управление ТС от владельца авто. Исходя из этого, мы видим, что нет четко закрепленного понятия передачи ТС. Ведь при широкой трактовке остается неясным вопрос о том, какова будет квалификация при ситуации, когда владелец ТС передал автомобиль другому лицу, будучи уверенным, что он является трезвым, а лицо, принявшее автомобиль, через несколько дней употребило алкогольные напитки и было задержано сотрудниками ГИБДД. Ведь в соответствии с п.2.7 ПДД водителю запрещено передавать управление ТС лицам, которые находятся в состоянии любого опьянения или под воздействием лекарственных средств [6].

Для устранения данного пробела, целесообразно закрепить в примечании ст. 12.8 КоАП понятие «передача управления транспортным средством» в следующем виде: Передача управления транспортным средством предполагает совершение волевых действий владельцем транспортного средства, которые заключаются в том, что транспортное средство отдается для управления, выполнения функций водителя иному лицу, которое находится в состоянии опьянения. При этом временной разрыв между передачей транспортного средства и наступления опьянения у другого лица должен иметь значение для квалификации. Если опьянение наступит после момента передачи транспортного средства, то лицо передавшее, не должно нести ответственность по данной статье.

Литература

1. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс].URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=221677&div=LAW&dst=1000000001%2C0&rnd=0.3826937904926333>
2. Гув А.Н. Комментарий к Кодексу об административных правонарушениях. - Специально для системы ГАРАНТ, 2010 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс].URL: http://base.garant.ru/5872064/12/#block_120
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 N 18 (ред. от 09.02.2012) "О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" // КонсультантПлюс [Электронный ресурс].URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=125965&div=LAW&dst=1000000001%2C0&rnd=0.11659819435408902>
4. Приговор Мирового судьи Ленинградской области на судебном участке № 65 г. Сосновый Бор от 07.02.2017 г. по административному делу № 5-27/2017 // Архив судебного участка №65 г. Сосновый Бор.

5. Постановление Верховного Суда РФ от 25.04.2016 N 12-АД16-4
Требование: Об отмене актов о привлечении к ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 12.8 КоАП РФ, за передачу управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения. Решение: Производство по делу прекращено в связи с недоказанностью обстоятельств, на основании которых были вынесены обжалуемые акты. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=461488&div=ARB&dst=0%2C0&rnd=0.20482765908058398>
6. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 (ред. от 12.07.2017) "О Правилах дорожного движения" (вместе с "Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения") // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=220140&div=LAW&dst=100069%2C0&rnd=0.9902427933184148>

УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА: К ВОПРОСУ О НЕСОВЕРШЕНСТВЕ СТАТЬИ 106 УК РФ

В.В. Ивлева

Юридический институт Иркутского государственного университета,
г. Иркутск
valeriyaivleva96@yandex.ru

Данная тема не раз рассматривалась многими авторами, вызывая противоречия у исследователей, например Поповым А.Н., Красиковым А.Н., Иногамовой-Хегай Л.В., Рарога А.И. и т.д. Но не смотря на все выявленные ими проблемы, законодатель не меняет свою позицию по отношению к статье 106 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее УК РФ). Однако мы можем заметить, что государство пытается избежать частых обращений к данной статье. Для уменьшения количества данных деяний были созданы «Окна жизни» или «Бэби-боксы». В своей работе я хочу осветить наиболее значимые проблемы и предложить пути их решения.

Статья 106 УК РФ закрепляет ответственность за убийство новорожденного ребенка, причем убийство должно быть совершено во время родов или сразу после них, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Несет ответственность за данное преступление специальный субъект- мать ребенка, следует отметить, что матерью будет являться именно биологическая мать, в данном составе нельзя рассматривать суррогатных матерей. Л.Л. Кругликов в

связи с этим полагает, что при убийстве во время или сразу же после родов определенные отклонения в психологическом состоянии роженицы, влияющие на возможность осознания ею своего поведения и на принятие решения, резюмируются законодателем, и эта презумпция объявляется неопровержимой. Поэтому, если в конкретном случае окажется, что роды прошли гладко и не вызвали сколько-нибудь заметных психических расстройств, но, тем не менее, мать по каким-либо соображениям убила ребенка во время или сразу же после родов, содеянное должно квалифицироваться не на общих основаниях («простое» убийство), а по ст. 106 УК [1, С.52]. Если же определять временной промежуток, обозначенный законодателем в ст. 106 УК словосочетанием «во время родов», то он подлежит ограничительному толкованию. В настоящий момент нет единого мнения о начале защиты ребенка. Например, Берсей Д.Д. пишет, что он начинается с момента отделения тела ребенка от организма матери и завершается с момента окончания физиологических либо искусственных родов [2, С.313].

Согласно ст. 20 УК РФ возраст наступления ответственности в рассматриваемой статье -16 лет, именно из этого и вытекает проблема. Рассмотрим ситуацию, если преступление совершит более юное лицо. Так, если мать ребенка будет в возрасте от 14 до 16 лет, то исходя из понятия субъекта преступления, она таковым являться не будет. Но значит ли это, что молодая мать не подлежит уголовной ответственности за совершенное деяние? Думается, что нет, ведь в данной ситуации будет применяться п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, в которой ответственность наступает с 14 лет, а не привилегированный состав. Санкция данной статьи предусматривает более строгое наказание, вместо пяти лет лишения свободы, как более щадящий состав, лишение свободы от восьми до двадцати лет, либо вообще пожизненное лишение свободы. Таким образом, исходя из конструкции статьи, которую предлагает нам законодатель, за одно и то же деяние предусматривается разная ответственность, разницу составляет лишь возраст субъекта, соответственно мать в возрасте от 14 до 16 лет находится в более ущемленном положении.

Следующей, не менее важной, проблемой, является умысел матери по отношению к убийству своего ребенка. По общим правилам убийство ребенка совершается с косвенным или прямым умыслом [3, С. 77]. Но влияет ли на квалификацию момент формирования умысла? На данный момент это не имеет никакого значения. Так, если мать запланирует убить своего ребенка на начальных сроках беременности, например, на четвертом месяце, затем убьет его после родов, то это никак не отобразится на квалификации преступления. На мой взгляд, данная трактовка статьи неверна, следует применить более справедливое наказание, а именно п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, так как деяние было спланировано и обдумано убийцей заранее, что

повышает его общественную опасность. Однако, применять данную квалификацию следует только после определения нахождения матери в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. В этом случае тогда необходимо уточнить в статье Уголовного Кодекса, что мать находится в особом психоэмоциональном состоянии на протяжении всей беременности.

Исходя из вышесказанного, я предлагаю понизить возраст уголовной ответственности по статье 106 УК РФ до 14 лет, включив данный состав преступления в ч.2 ст. 20 УК РФ. А так же изменить диспозицию статьи, уточнив, что мать находится в особом психоэмоциональном состоянии на протяжении всей беременности. Так же, одним из вариантов решения данной проблемы и иных проблем является принятие Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, который бы дал разъяснения по данным и иным вопросам, например определения момента рождения ребенка и начала уголовно-правовой охраны его жизни, а так же особенностям трактовки статьи.

Литература

1. Курс уголовного права / под ред. А. А. Пионтковского, В. И. Ромашкина, В. М. Чиквадзе. Т. 5. М. : Юрид. лит., 1971. С. 22; Уголовное право России. Особенная часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А. В. Наумова. М. Юристъ, 2005. С. 52.
2. Берсей Д.Д. Проблемы определения начала жизни при убийстве матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы 4-й Международной научно-практической конференции, 25 - 26 сентября 2007 г. М., 2007. С. 310-313.
3. Уголовное право России. Особенная часть : учеб.-метод. комплекс / В. И. Кузнецов. – 3-е изд., испр. и доп. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. С. 76-81.

ДОЛЕВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Л.А. Кашина

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь

lyubovkashina15@gmail.com

Долевая ответственность наиболее полно отвечает критериям принципа справедливости: «такая форма в большей степени дисциплинирует конкретных участников правоотношений, поскольку однозначно определяет размер их ответственности и не позволяет переложить ее тяжесть на другое лицо» [10, С. 29]. Должник несет ответственность в пределах своей

виновности перед кредитором.

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) термин «долевая ответственность» отсутствует. При этом в современном российском законодательстве имеет место гражданско-правовая норма, которая отражает сущность данного правового института. В частности, ст. 321 ГК РФ гласит: «Если в обязательстве участвуют несколько кредиторов или несколько должников, то каждый из кредиторов имеет право требовать исполнения, а каждый из должников обязан исполнить обязательство в равной доле с другими постольку, поскольку из закона, иных правовых актов или условий обязательства не вытекает иное» [14].

Исходя из смысла вышеуказанной юридической формулировки, мы делаем вывод о существовании презумпции долевой ответственности в ГК РФ. Подход российского законодателя в этом случае полностью соответствует рекомендациям международно-правового характера, содержащихся, к примеру, в Модельных правилах европейского частного права [15, С. 261] и Принципах европейского контрактного права [16].

В юридической литературе до сих пор дискуссионный характер носит вопрос об отнесении долевых обязательств к обязательствам с множественностью лиц. Некоторые ученые (например, Б.Д. Завидов [5]) полагают, что обязательство с множественностью лиц может быть как солидарным, так и долевым.

С.Н. Ермолаев, С.А. Параскевова утверждают: «В правоотношении множественности лиц в гражданском праве наблюдается несколько субъектов, несколько интересов, несколько волей, но объект этих интересов и воля всего один, и поэтому сообладатели вынуждены формировать общее единое волеизъявление относительно судьбы общего для них объекта» [4, С. 47].

Суть обязательств с множественностью лиц иллюстрирует неправоту юристов, относящих к ним долевые обязательства. Анализ ст. 321 ГК РФ позволяет говорить о том, что участники взаимоотношений, возникающих ввиду долевых обязательств, имеют самостоятельные права и обязанности. Так, в долевом обязательстве каждый должник обязан к предоставлению лишь части, или доли, исполнения, а каждый кредитор может требовать исполнения лишь в пределах причитающейся ему доли.

Как справедливо отмечает К.А. Сердюков, должники в таких обязательствах не считаются представителями одной из сторон внешне идентичного долевого обязательства; они являются субъектами независимых друг от друга обязательств, образующих долевого обязательства [11, С. 95].

Нельзя не отметить, что сторонники концепции «долевого обязательства – не обязательство с множественностью лиц» появились еще в царской России. Например, В.И. Голевинский говорил о том, что совокупное обязательство разделяется на количество единичных обязательств, равное

количеству отдельных частей удовлетворения, при этом целостность такого совокупного обязательства представляется в большей степени воображением, а не действительностью, если оно не укреплено солидарностью участников или неделимостью предмета обязательства [3, С. 180].

Акцент на самостоятельном характере обязанностей должников в долевом обязательстве делал и Г.Ф. Шершеневич. Он писал: «Ответственность одних должников за других в случае неисполнительности и распределение между ними обязательства неисполнительных должников не уничтожают долевого характера всего обязательства. То, что не было исполнено одним из должников, не может быть взыскиваемо с любого из прочих, а только в той части, какая приходится на каждого из них по распределению» [13, С. 275].

Фундаментальным в научном определении долевого обязательства является термин «правоотношение», поскольку именно через него в ст. 307 ГК РФ законодатель определяет обязательство в общем смысле [1, С. 113]. Долевое обязательство представляет собой совокупность независимых правоотношений, связанных только общим для всех его участников основанием (к примеру, договор). При этом тождественный характер основания никак не влияет на самостоятельность и независимость долевых обязательств [6, С. 172]. Как правило, исполнение таких обязательств осуществляется раздельно. Так, Д.И. Мейер, характеризуя долевые обязательства, приводит следующий пример: «...несколько лиц наносят обиду одному лицу каким-либо общим актом – положим, подписывают пасквиль, заключающий в себе обиду: пасквиль для каждого обидчика рождает отдельное обязательство удовлетворить лицо обиженное, но эти отдельные обязательства как бы сливаются, представляются одним обязательством именно потому, что основание их происхождения одно» [7, С. 443–444].

Как вытекает из смысла ст. 321 ГК РФ, каждый должник обязан исполнить долевое обязательство в своей доле; при этом доли участников предполагаются равными постольку, поскольку из закона, иных правовых актов или условий обязательства не вытекает иное.

В.И. Синайский отмечает: при долевой ответственности «действие, как предмет обязательства, должно быть непременно делимым (⁷¹/₁₂₁₈, ⁸⁶/₂₄, ⁸⁷/₉₅)» [12, С. 302]. Нужно упомянуть о том, что советские юристы признавали наиболее распространенными случаями делимости обязательства, когда оно связано с передачей денежной суммы или иных заменимых вещей [9, С. 204]. Пожалуй, в настоящее время ситуация в этом отношении не изменилась.

В современной судебной практике делимость предмета обязательства играет важную роль при решении судом вопроса о том, к какой ответственности необходимо привлекать должника: долевой или солидарной [21, 22, 23]. Однако, несмотря на значимость критерия делимости при

разграничении долевой и солидарной ответственности, необходимо иметь в виду, что для правильного выбора в ряде ситуаций наличия одной делимости бывает недостаточно. Как отмечает А.П. Москалец, в деликтных обязательствах делимость учитывается лишь в тех случаях, когда обязательства возникают в результате причинения вреда по неосторожности или применения норм о безвиновной ответственности [8, С. 122].

Следует обратить внимание на то, что иногда указание в законе на солидарную ответственность не исключает возможности применения ст. 321 ГК РФ. Например, «солидарно ответственные должники вправе заключить между собой соглашение о распределении между подписавшими его сторонами – юридическими лицами, выделившимися из состава реорганизованного юридического лица или созданными в результате его разделения, ответственности по обязательствам реорганизованного лица перед кредиторами такого лица, возникшим до его реорганизации и не отраженным в разделительном балансе» [2, С. 662]. Такая научно-правовая позиция сформировалась благодаря судебной практике [17, 18, 19, 20].

Таким образом, мы пришли к следующим выводам:

1) Закрепление в ГК РФ презумпции долевой ответственности согласуется с содержанием международно-правовых рекомендаций.

2) Долевые обязательства представляют собой совокупность независимых правоотношений, поэтому они не входят в группу обязательств с множественностью лиц.

3) Делимость предмета обязательства является одним из критериев разграничения долевой и солидарной ответственности.

4) В судебной практике сформировалась позиция, согласно которой в процессе реорганизации установленная законом солидарная ответственность должников может быть преобразована в долевую ответственность, если будет заключено соответствующее соглашение.

Литература

1. Блинковский К. Понятие обязательства в законе и в теории гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 2. С. 113–124.
2. Габов А.В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект). М.: Статут, 2014. 880 с.
3. Голевинский В.И. О происхождении и делении обязательств // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 142–233.
4. Ермолаев С.Н., Параскевова С.А. Признаки, характеризующие содержание правоотношения с множественностью лиц // Власть закона. 2014. № 2. С. 44–49.
5. Завидов Б.Д. Гражданско-правовая ответственность, вытекающая из обязательств [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Кулаков В.В. Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России: Монография. М.: РАП, 2009. 187 с.
7. Мейер Д.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2003. 831 с.
8. Москалец А.П. Множественность лиц в деликтных обязательствах: теория и практика в странах общего права // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 118–129.
9. Новицкий И.Б. Общее учение об обязательстве. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. 416 с.
10. Семенов С.Н., Шульга И.В. Проблемы солидарной ответственности в социальном найме жилых помещений // Семейное и жилищное право. 2008. № 2. С. 29–31.
11. Сердюков К.А. О границах понятия обязательств с множественностью лиц // Общество и право. 2010. № 3. С. 94–97.
12. Синайский В.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. 638 с.
13. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Фирма «СПАРК», 1995. 556 с.
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
15. *Модельные правила европейского частного права* / Пер. с англ.; Науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013. 989 с.
16. Принципы европейского контрактного права (с изм. и доп. 1998 г.) [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Определение ВАС РФ от 29.03.2011 г. № ВАС-3058/11 по делу № А40-155753/09-158-706 [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Определение ВАС РФ от 11.04.2011 № ВАС-3521/11 по делу № А40-155758/09-158-707 [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Определение ВАС РФ от 07.12.2010 № ВАС-16865/10 по делу № А40-123782/09-87-704 [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
20. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 13.07.2011 по делу № А33-19077/2010 [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
21. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 19.08.2014 по делу № 33-4335 [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
22. Апелляционное определение Тульского областного суда от 19.06.2014 по делу № 33-1641 [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

23. Определение Московского городского суда от 18.08.2016 № 4г-9437/2016 [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Е.И.Киселева

Сибирский университет потребительской кооперации,
Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск
kiselewa.el@yandex.ru

Реформирование системы межбюджетных отношений - одно из ключевых направлений бюджетной реформы. Рассмотрим основные проблемы межбюджетных отношений на примере отношений между Новосибирской областью и муниципальных образований при предоставлении межбюджетных трансфертов. Бюджетным кодексом Российской Федерации [1] за субъектами Российской Федерации закреплено полномочие по самостоятельному установлению порядка и условий предоставления межбюджетных трансфертов в местные бюджеты.

Условия предоставления межбюджетных трансфертов из бюджетов субъектов Российской Федерации связаны с ограничением бюджетных прав муниципальных образований. Уровень бюджетных ограничений поставлен в зависимость от доли получаемых трансфертов в общем объеме собственных доходов местных бюджетов. Сохранив общий порядок к определению основных условий предоставления межбюджетных трансфертов в зависимости от их доли в составе доходов местных бюджетов в новую редакцию Бюджетного кодекса РФ, были внесены изменения в части перечня учитываемых форм трансфертов. Если в ранее действующих редакциях Бюджетного кодекса РФ при определении доли предоставляемых трансфертов учитывались все их формы, то согласно действующей редакции бюджетные ограничения не могут быть связаны с объемом предоставляемых субвенций. Введение этой нормы представляется оправданным, так как целевая направленность и в целом правовое содержание каждой из форм межбюджетных трансфертов различны.

Помимо основных условий, установленных Бюджетным кодексом РФ законом субъекта Российской Федерации могут быть установлены дополнительные условия, ограничивающие бюджетные полномочия муниципального образования. Установление бюджетных ограничений в зависимости от всего объема получаемых трансфертов, то есть и дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, и субсидий, представляется

спорным положением, поскольку правовая природа дотаций и субсидий различна.

Бюджетным кодексом РФ распределены бюджетные полномочия в части регулирования предоставления межбюджетных трансфертов из местных бюджетов: общий порядок и условия предоставления межбюджетных трансфертов из местных бюджетов является бюджетным полномочием субъектов Российской Федерации. Соответственно, определение объема и непосредственное распределение межбюджетных трансфертов из местных бюджетов является полномочием муниципальных образований и устанавливается нормативными правовыми актами органов местного самоуправления.

- дотаций из бюджетов муниципальных районов на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений;

Объем и распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений из бюджета муниципального района утверждаются решением представительного органа муниципального района о бюджете муниципального района на очередной финансовый год.

Определение объема предоставляемых дотаций обусловлено предполагает установление уровня бюджетной обеспеченности конкретного поселения. Расчетная бюджетная обеспеченность поселения определяется соотношением налоговых доходов на одного жителя, которые могут быть получены бюджетом поселения исходя из налогового потенциала, (налоговой базы) и аналогичного показателя в среднем по поселениям данного муниципального района. При определении уровня расчетной бюджетной обеспеченности поселения должны учитываться различия в структуре населения, социально-экономические и иные объективные факторы и условия, влияющих на стоимость предоставления муниципальных услуг в расчете на одного жителя.

Таким образом, в бюджеты поселений зачисляются дотации, как из бюджета субъекта Российской Федерации, так и из бюджета муниципального района.

Субсидии, предусматривающие перечисление средств не в нижестоящий, а в вышестоящий бюджет бюджетной системы (субсидий из местных бюджетов в бюджет субъекта Российской Федерации) – особая форма межбюджетных трансфертов.

Субсидии из бюджетов поселений и муниципальных районов, перечисляемые в бюджет субъекта Российской Федерации, учитываются в региональном фонде финансовой поддержки поселений и в дальнейшем распределяются в соответствии с порядком распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности бюджетов поселений и муниципальных районов.

Особая форма субсидий - субсидии из бюджетов поселений бюджетам муниципальных районов на решение вопросов местного значения межмуниципального характера. Правовой режим таких субсидий включает использование нормативных правовых актов всех уровней бюджетного законодательства: федерального, регионального и местного. Объем субсидий закрепляется решением представительного органа муниципального района и решениями представительных органов поселений о соответствующих местных бюджетах на очередной финансовый год.

Итак, межбюджетные трансферты - это важнейший элемент системы межбюджетных отношений. В составе доходов местных бюджетов трансферты занимают исключительно важное место. Денежные средства, перечисляемые в местные бюджеты из других бюджетов и, соответственно из местных бюджетов в бюджеты субъектов Российской Федерации перечисляются в разных формах и для разных целей. Наибольший удельный вес в составе трансфертов приходится на дотации, преследующие цель сокращение разрыва между бюджетными возможностями и потребностями муниципальных образований. Субвенции представляют собой трансферты, перечисляемые с целью компенсации финансовых затрат на выполнение отдельных государственных полномочий, передаваемых органами власти одного уровня другому. Этот вид трансфертов не преследует выравнивающую цель, фактически выполняет обеспечительную функцию.

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998. № 145-ФЗ // СЗ РФ 03.08.1998. № 31. Ст. 3823 (в ред. от 29.12.2015г).

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В РОССИИ

Н.В. Кулешова, А.Б. Трояк, Е.Е. Питецкая

Сибирский институт управления РАНХиГС, г. Новосибирск
nv_2410@mail.ru; nastya42965@yandex.ru

В последнее время в ряде европейских стран становится популярным электронное голосование. Сейчас всё чаще можно услышать мнение, что такого рода способ голосования имеет ряд преимуществ перед классическим голосованием на избирательных участках. Данная проблема не нашла должного научного осмысления в литературе.

В Эстонии, чтобы предотвратить вероятное воздействие на избирателей, разрешается голосование в электронной форме несколько раз, однако последний голос является окончательным и только он учитывается.

Это может быть только иллюзией решения проблем (4;346). Ограничить использование административного ресурса сложно.

Одним из самых распространенных аргументов в пользу электронного голосования остаётся доступность для граждан. Особенно актуально это для тех граждан, которые не имеют постоянной регистрации по месту жительства. Однако не все граждане обладают доступом к информационно-коммуникативным технологиям, не все умеют ими пользоваться. В нашей стране имеются серьёзные препятствия для перехода к практике интернет-голосования, так как не может быть выполнен один из основных принципов избирательного права – всеобщность участия в выборах.

Сторонники электронного голосования утверждают, что оно уменьшает расходы по организации и проведению избирательного процесса. Электронное голосование становится затратным, так как оборудуются избирательные участки, создаются избирательные комиссии, печатаются большое количество бюллетеней, значительная часть которых может просто не понадобится при низкой явке избирателей (4;347). Проведенное исследование показывает обратное. Данный способ волеизъявления избирателей является вспомогательным, альтернативным традиционному голосованию на избирательных участках. В государствах, где вводится подобная практика голосования, имеется выбор: проголосовать дистанционно или на избирательном участке.

Внедрение этого способа голосования способно повысить явку на выборах за счёт привлечения к выборам молодёжи. В 1990 году Швейцария ввела электронное голосование (по почте) для повышения явки избирателей на общенациональных выборах. Данное нововведение не принесло прогнозируемых результатов. Молодёжь является наименее политически заинтересованной социальной группой.

Электронное голосование способствует укреплению демократии, позволяет расширить возможности участия граждан. Интернет-голосование позволяет упростить процедуру подсчета голосов, делает её наиболее надежной (при подсчете голосов исключается человеческий фактор, сведения по электронным каналам поступают на сервер избирательной комиссии). Федеральный закон № 67 закрепляет: «участковая комиссия обязана обеспечить возможность участия в голосовании избирателям, участникам референдума, которые имеют право быть включенными или включены в список избирателей, участников референдума а данном избирательном участке, участке референдума и не могут самостоятельно по уважительным причинам (по состоянию здоровья, инвалидности) прибыть в помещение для голосования» (5). Что же касается автоматизации избирательного процесса, то тут, бесспорно, имеются явные достоинства. Учёные всё же видят возможность нарушения основополагающих принципов избирательного

права (1;45-47). Во-первых, в условиях электронного голосования становится почти невозможным соблюдения принципа тайного голосования. Во-вторых, становится затруднительным общественный контроль, как за ходом выборов, так и за подсчетом голосов, что нарушает принцип гласности. Так же возможно какое-либо неправомерное вмешательство в работу системы, следовательно, может быть нарушен принцип достоверности результатов (2;40-44). Кроме того возможна аутентификация пользователей, сбои технической работы системы, нарушение безопасности электронных систем голосования и др. (3;44). На данном этапе развития информационных технологий в нашей стране решить эти проблемы невозможно. Учитывая скорость развития информационных технологий, можно предположить, что уже в недалеком будущем они будут решены.

Введение электронного голосования в нашей стране потребует создания правовых, технических и социально-политических условий. На законодательном уровне не существует понятия «дистанционное электронное голосование». В федеральном законе № 67 электронное голосование рассматривается как голосование без использования бумажного бюллетеня. Электронное голосование сводится только к автоматизации получения и обработки электронных бюллетеней, голосующих на избирательных участках. Общее число таких избирательных участков не может превышать 1% от общего числа избирательных участков, которые были образованы на определенной территории. И это оправданно. Российское общество ещё не готово к полномасштабному внедрению такого способа голосования. Реальной перспективой введения электронного голосования является его введение в труднодоступных регионах России.

Литература

1. Овчинников В. А., Антонов Я. В. Некоторые аспекты обеспечения конституционного соответствия электронного голосования как части электронной демократии // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 1. С. 40–44.
2. Овчинников В. А., Антонов Я. В. Некоторые аспекты обеспечения требования конституционности электронного голосования // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 10. С. 45–47.
3. Антонов Я. В. Конституционность электронного голосования в системе электронной демократии // Управленческое консультирование. 2014. №9. С. 39-47.
4. Цаплин А. Ю. Перспективы дистанционного электронного голосования в России// Известия саратовского университета. Новая серия. 2016.№3.С.345-350.
5. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон от 12.06.2002

СОДЕРЖАНИЕ МОТИВОВ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

И.В. Матвеев

Новосибирский государственный университет экономики и управления,
г. Новосибирск

i.v.matveev@edu.nsuem.ru

Обязательным признаком субъективной стороны злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее - УК РФ) является мотив - корыстная или иная личная заинтересованность. Тот факт, что мотивы имеют значение при квалификации данного общественного деяния, отражает следующее положение: только при наличии корысти и иной личной заинтересованности при злоупотреблении должностными полномочиями возможна уголовно-правовая оценка деяния. Если данные мотивы отсутствуют, то налицо дисциплинарный проступок [4, С.4].

Корыстная заинтересованность выражается в стремлении виновного, используя свои служебные полномочия, извлечь для себя или других лиц незаконную имущественную выгоду [6, С. 30]. Так, за злоупотребление своим служебным положением из корыстных побуждений был осужден старший инспектор С., который под видом уплаты штрафа получил от задержанной гражданки Л. деньги и присвоил их [1].

Понятием «иная личная заинтересованность» охватываются все иные противоречащие интересам службы побуждения личного характера (карьеризм, протекционизм, месть, зависть, подхалимство и т.д.). (п. 16 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»).

По данным Т.Б. Басовой, проводившей обобщение судебно-следственной практики по преступлениям, предусмотренных ст. 285 УК РФ, в 82,4% дел рассматриваемой категории имело место корыстный мотив, а иные личные побуждения в 17,6% [2, С. 32].

Тем не менее, на практике возникают проблемы с определением содержания мотива «иной личной заинтересованности» [3, С. 70]. Согласно толкованию, предложенным Кильчинским И.Ф., иная личная заинтересованность может выражаться в стремлении извлечь выгоду неимущественного характера. Такое стремление может быть обусловлено различными побуждениями: карьеризм, протекционизм, семейственность,

желание скрыть свою некомпетентность, избежать дисциплинарной ответственности за допущенные нарушения, ошибки в работе, получить поддержку со стороны влиятельных лиц, месть, зависть и т.п [5, С. 23].

Однако на практике не все так однозначно, как предлагается в толковании данной нормы. Например, возникает вопрос: можно ли признать мотивом иной личной заинтересованности ложно понятые интересы службы? Данное обстоятельство иллюстрирует следующий пример, приведенный Синельниковым А. Определением судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 2 марта 2006 г. был отменен приговор суда первой инстанции и прекращено производство по делу по обвинению сотрудника органа внутренних дел в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ, с указанием на предположительный характер вывода нижестоящего суда о получении этим должностным лицом какой-либо личной выгоды в результате противоправного деяния, заключавшегося в укрытии заявления потерпевшего о краже. При этом суд кассационной инстанции, обосновывая свои выводы, отметил, что мнение суда о желании А. повысить статистические показатели работы УВД КАО г. Омска не может считаться личной заинтересованностью. Не усматривается из материалов дела и какого-либо продвижения А. по службе в результате единичного сокрытия от учета преступления. Боязнь критики и нежелание оставлять по результатам дежурства нерассмотренное сообщение о краже не является злоупотреблением должностными полномочиями, а свидетельствует о наличии в действиях дисциплинарного проступка (Бюл. суд. практики Омского облсуда. 2007. №1).

По мнению А. Синельникова правильный подход при установлении мотива иной личной заинтересованности на практике влечет юридическую невозможность привлечения к уголовной ответственности должностных лиц, виновных в умышленном совершении некоторых противоправных деяний, обладающих повышенной общественной опасностью, если они обусловлены ложно понятыми интересами службы, что, думается, нельзя оценить иначе как пробел в уголовно-правовом регулировании[7, С. 25]. Такое положение дел ведет, по его мнению, к непоследовательности и противоречивости правоприменительной деятельности. Поэтому требуется уточнение в Постановлении Пленума Верховного суда то, что является «иной личной заинтересованностью» и следует ли признавать, в частности, ложно понятыми интересы службы мотивом злоупотребления полномочий (при наличии последствий, предусмотренных данной статьей).

Таким образом, рассматривая вопросы квалификации злоупотребления должностными полномочиями по субъективной стороне, значение имеет установление не только содержания вины и мотивов злоупотребления полномочиями, но и правоприменительная деятельность в отношении данных признаков.

Литература

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 11. С. 4.
2. Басова Т.Б. Мотив как обязательный признак субъективной стороны должностных преступлений // Российский судья. 2004. № 11. С. 30-33.
3. Верченко Н.И. Экономические предпосылки распространения коррупционных преступлений // Актуальные проблемы уголовной политики Российской Федерации: материалы межд. науч.-практ. конф.. - Омск, 2013. С. 66-71.
4. Ибрагимова Х. А. Злоупотребления должностными полномочиями в системе социальной защиты: уголовно-правовой и криминологический анализ: автореф. дисс ... к-та. юрид. наук. Махачкала, 2002. 42 с.
5. Кильчицкий И.Ф. Иная личная заинтересованность как мотив должностного преступления. Судебная практика // Право в Вооруженных Силах. 2014. № 6. С. 22-30.
6. Корнилов А.В., Ульянова В.В. Квалификация «откатов» // Уголовное право. 2014. № 6. С. 30 - 35.
7. Синельников А. В. Иная личная заинтересованность как мотив должностного преступления // Уголовное право. 2011. № 5. С. 23-29.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ЭВТАНАЗИЮ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Е.Ю. Моисеева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
(Сибирский институт управления)
evgen-moiseeva@yandex.ru

Достижения научно-технического прогресса кардинальным образом изменили жизнь человечества. Те заболевания, которые еще несколько десятков лет назад не поддавались адекватному лечению, сегодня полностью излечиваются благодаря современным лекарственным средствам, оборудованию и действиям медицинского персонала. Однако несмотря на колоссальные успехи в области медицины, к сожалению, многие заболевания остаются неизлечимым и причиняют больным тяжелые физические и моральные страдания.

В 2014 году российские СМИ активно обсуждали попытку самоубийства российского контр-адмирала В.М. Апанасенко, обвинившего в своей смерти Правительство РФ и Министерство здравоохранения, в связи с неполучением адекватного обезболивания терминальной стадии рака поджелудочной железы. Для многих больных людей жизнь в условиях

ограниченного передвижения, а иногда и полного его отсутствия, испытывая постоянную боль, является невыносимой при наличии призрачной перспективы выздоровления. Поэтому, хотелось бы согласиться с доводом А.П. Зильбера: «обычная смерть человека часто бывает столь мучительной, что выглядит как незаслуженная кара за добропорядочную жизнь, поэтому эвтаназии следовало бы предпочесть» [1, С. 336].

Изменение общества, потребностей его членов прямым образом сказывается на необходимости изменения законодательства, его совершенствовании. Многие недавно возникшие общественные отношения нуждаются в защите со стороны самого главного нормативного правового акта – Конституции. А достичь это возможно путем конституционализации некоторых видов прав человека. Именно конституционализация является условием прогрессивного развития современного общества, на что прямо указывает Н.В. Витрука, [2, С.250]. Изменения представления человека о собственном теле, о пределах его распоряжения, выдвигают определенно новые требования к демократическим государствам о возможной конституционализации некоторых довольно спорных и противоречивых правоприятий человека на собственную телесность таких как право на осуществление эвтаназии.

Во многих современных демократических государствах право человека на осуществление эвтаназии не конституционализировано, более того, оно находится вне закона. Так в Российской Федерации, в Великобритании существует законодательный запрет на осуществление эвтаназии. Причинение смерти больному по его просьбе любыми субъектами рассматривается законодательством как умышленное причинение смерти, что подтверждается многочисленной судебной практикой, сложившейся как в Российской Федерации, так и в Соединенном Королевстве (судебные дела Н.М. Advocate v. Brady, R. v. Cox). А сама по себе перспектива конституционализации права человека на эвтаназию представляется крайне призрачной.

Иные же государства, такие как США, Бельгия, Нидерланды и др. закрепили за человеком право на осуществление эвтаназии. Так в 1997 году в США логическим итогом борьбы сторонников эвтаназии стало вынесенное Верховным судом США по делу Vacco v. Quill, постановившее, что американцы не имеют конституционного права на смерть с помощью врача, но, с другой стороны, самоубийство с помощью врача не противоречит Конституции, вопросы о легализации эвтаназии были отданы штатам. Сегодня на территории США эвтаназия легализована лишь в 5 штатах: Калифорния, Колорадо, Орегон, Вашингтон, Вермонт, в округе Колумбия. В сентябре 2002 года в Бельгии был принят закон об эвтаназии,

основной целью принятия которого стало желание властей положить конец полуподпольной практике осуществления эвтаназии на территории Королевства и создание условий полноценного обеспечения правовой безопасности пациента. Закон об эвтаназии содержит в себе ряд условий, при существовании которых возможно применение эвтаназии к пациенту. Количество случаев осуществления эвтаназии в Бельгии неуклонно растет: к примеру, в 2010 году в Королевстве примерно около 1 000 пациентов воспользовались своим правом на «милосердную смерть», а в 2015 году уже 2 000 пациентов умерли с помощью эвтаназии. 01 апреля 2002 года на территории Нидерландов вступил в законную силу закон «О прекращении жизни по просьбе больного и ассистированном суициде», закрепивший право пациентов на эвтаназию. Так, каждый, достигший 16-летнего возраста тяжелобольной имеет право обратиться заявлением о намерении прекратить свою жизнь путем эвтаназии. По состоянию на 2015 год путем эвтаназии ушли из жизни 6 672 пациентов.

Анализ современного состояния проблемы конституционализации права человека на эвтаназию в некоторых современных демократических странах привел к выводу о том, что одни государства остаются на наиболее консервативном пути относительно закрепления за своими гражданами/поданными права на «милосердную смерть», ссылаясь на не конституционность, незаконность, аморальность данного деяния. Однако забывают о том, что количество тяжелобольных людей ежегодно увеличивается из-за многих факторов: плохая экология, недоступность хорошего медицинского обслуживания, банальная невнимательность к собственному здоровью и т.д. Законодательный запрет на осуществление эвтаназии является нарушением права человека на его достоинство, на свободное распоряжение собственной жизнью и современным демократическим государствам необходимо особо уделить внимание вопросу возможной конституционализации права на эвтаназию. Иные же страны конституционализировали право на «милосердную смерть» как нормативно-интерпретационным, так и нормативно-законодательным способами, позволив пациентам с тяжелым недугом самостоятельно решать вопрос об их собственной судьбе.

Литература

1. Зильбер А.П. Этюды медицинского права и этики/ А.П. Зильбер. М.: МЕДпресс-информ, 2008 . -847 с.
2. Витрук Н.В. Верность конституции/ Н.В. Витрук. М.: РГУП, 2016. – 270 с.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ НАДЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРОВОКАЦИИ ВЗЯТКИ ЛИБО КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА СО СТОРОНЫ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

М.А. Номогоева

Юридический институт ИГУ, г. Иркутск
tikhon1812@gmail.com

Восстановление состава «провокация взятки либо коммерческого подкупа» было воспринято, как важный шаг в гуманизации и демократизации российского уголовного права. Но следует отметить, что возникшие в связи с этим проблемы (а именно - рост оправдательных приговоров и прекращенных дел в связи с провокационными действиями сотрудников правоохранительных органов [2, с. 92]; ст. 304 является барьером для лиц, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия [1, с. 46]), актуализируют необходимость более четкого определения критериев отграничения провокационных действий от правомерного оперативного эксперимента.

В научной среде существует полярно разные взгляды на соотношение этих понятий и на противоправность провокации взятки и коммерческого подкупа. Например, большинство ученых склоняются к тому, что провокация противоправна и не должна облекаться в форму правомерного оперативного эксперимента [3, с. 116]; вторые считают, что провокация взятки в том виде, в котором она представлена в УК РФ, дискредитирует любой оперативный эксперимент и ставит лицо, осуществляющее ОРМ, изначально в амплуа провокатора; третьи указывают на то, что нынешняя обстановка в РФ в сфере борьбы с коррупцией, требует декриминализации ст. 304 УК РФ и установлении его как правомерного оперативного эксперимента.

Рассмотрев большое количество дефиниций понятия «оперативный эксперимент» и проанализировав деяние, предусмотренное в ст. 304 УК РФ, были выявлены следующие критерии:

1. Оперативный эксперимент состоит в создание естественных условий или обстановки для проявления объектом преступного умысла, т.е. лицо должно согласится на получение взятки либо коммерческого подкупа в таких условиях, которые для него естественны, при которых он осознает общественную опасность взяточничества, и наказуемость своих действий. Напротив, при провокации взятки и коммерческого подкупа, лицо не осознает, что происходит передача предмета взятки, т.к. она проводится без

его вето либо при его отказе. Лицо не предполагает и не осознает, что вокруг него совершаются действия, которые направлены на передачу ему предмета взятки. Тем самым данное лицо не проявляет преступного умысла или преступного умысла у него просто нет.

2. Так же при оперативном эксперименте лица, осуществляющие ОРД, после создания естественных условий для проявления объекта своих преступных намерений, обязаны вести негласное наблюдение за действиями объекта, т.е. только наблюдать за тем, как будет себя вести объект эксперимента. При провокации взятки лица, осуществляющие ОРД, не пассивно наблюдают, а совершают активные действия, в виде передачи имущества.

3. Основаниями для проведения ОРМ являются ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Когда сотрудники органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, располагают информацией о систематическом получении чиновником взяток от различных лиц, однако заявления или иной информации о конкретном требовании должностного лица передать ему взятку нет, то следует отметить, что это не является основанием проведения оперативного эксперимента. Потому что мы не можем утверждать, что, получая взятки ранее, должностное лицо тем самым готовилось и к получению их в будущем - от других лиц, за иные действия, т.е. к новым тождественным преступлениям. Когда по имеющимся данным преступление еще не начало совершаться и не готовится, адресованное чиновнику в процессе уже начатого ОРМ предложение получить взятку не направлено на выявление конкретного подготавливаемого преступления.

Другое дело - предшествующее коррупционное поведение должностного лица, о котором - о поведении - получена информация, свидетельствующая, что указанное лицо готовится к совершению либо продолжению преступления. В этом случае проведение ОРМ соответствует требованиям закона, поскольку они направлены на выявление подготавливаемого либо совершаемого преступления. Такое может иметь место, когда, к примеру, согласно предварительной договоренности начальник таможенного поста получает за ускорение прохождения процедуры таможенного оформления взятку от декларанта при каждом перемещении последним грузов через таможенную границу.

В иных случаях, т.е. когда информации о направленности умысла должностного лица на совершение конкретного преступления в будущем нет и ОРМ не направлены на выявление преступлений, совершенных в прошлом

или продолжающих совершаться (последнее может иметь место при продолжаемом, многоэпизодном взяточничестве, образующем одно преступление), полученные при проведении ОРМ результаты не могут использоваться, как доказательства.

Литература

1. Александрова И.А. К вопросу о пересмотре границы между провокаций взятки и оперативным экспериментом / Александрова И.А., Шевелев А.В. // Вестник МВД. – 2007. – № 1. – С. 45-52
2. Гармаев Ю.П. Оперативный эксперимент по делам о получении взятки: правила проведения, исключаяющие провокацию/ Гармаев Ю.П. Фалилеев В.А. // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика Право. – 2007. – Вып. 2. – С. 91-98
3. Машков, С. А. Возможности проведения оперативного эксперимента по делам о взяточничестве / С. А. Машков // Вестник криминалистики. – 2003. – Вып. 3. – С. 114-117.

ПРАВО КАК СУДЬБА

Е.В. Семьянов

Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск
Eugeny24@mail.ru

Что есть право? Вопрос давно обрел статус риторического, но не перестал от этого беспокоить сознание людей.

Общеизвестно много определений права. В основе каждого из них лежит та или иная философия, то или иное философское учение.

Почему же не иссякает интерес к осознанию сущности права? Представляется, что в основе этого неиссякаемого интереса лежит всеобщее стремление к справедливости. Как это ни странно, но к справедливости тянется всякий человек – и образованный, и необразованный, и законопослушный, и преступник, - и у всякого человека справедливость своя.

Существует ли одна единая справедливость и где она, и в чем она состоит, в чем ее сущность? Вопрос не менее сложный. Уверенно можно только сказать, что право есть справедливость. В рамках какого бы философского учения мы не рассматривали право, справедливость возникает всегда как отправная точка для рассуждений, как субстанция.

Но вопрос о справедливости помимо нашей воли приводит нас к размышлениям о морали, к размышлениям о религиозных корнях морали, справедливости и права.

С другой стороны, интерес к праву и справедливости, вопрошание об этом, подогревается тем аспектом права, который современные юристы

называют практикой, судебной ли практикой или практикой правоприменения, или статусом правопорядка [1]. В чем здесь вопрос?

Идеологически со всех трибун звучит, что право есть высшее достижение человеческой цивилизации, наивысшее проявление человеческой справедливости, формально-юридическим закреплением чего является отражение принципа формального равенства или равенства всех перед законом при законодательном же запрете всякой дискриминации. Но на деле, в юридической практике все происходит наоборот.

Можно сказать, что право и закон, хоть и частично совпадающие по объему понятия [2], но не одно и то же. Что есть минимум два типа правопонимания, когда в случае выбора широкого правопонимания закон может быть неправовым, не отражать в полном объеме все принципы права и т.д., а потому практика, в большей степени основанная на применении законов, так же может быть неправовой.

Но ведь это большое лукавство!

Апеллируя к праву, как неизвестной непознанной или до конца непознанной субстанции, мы не можем сколь-нибудь верифицировать любой нормативно-правовой акт с точки зрения – правовой он или нет. Возводя на пьедестал закон, всю совокупность запутанных, противоречивых, часто специально противоречивых нормативно-правовых актов [3], юридическую практику, мы предлагаем поверить в их справедливость, в их, даже с точки зрения знаменитого закона Парето, преисполненность правом или правовой субстанцией.

Вопрос права тем самым становится вопросом веры, а вся юриспруденция – религией.

В общем, в этом что-то есть. Например, многие нормы иудейского права возникли как результат толкования Талмуда, отрицать религиозное значение которого вряд ли кому придет в голову.

Чем же тогда является законодательство и вопросы его применения? Ведь в отличие от права, о котором все говорят, но никто не может указать – где оно и в чем выражается, так как всякая сущность является, законодательство запечатлено в множестве текстов, воплощено в знаках естественного языка, а потому подчинено законам этого естественного языка [4].

Представляется, что законодательство как некое гипертекстовое пространство или его часть, если понимать под таким пространством совокупность всех текстов, которые когда-то были созданы человеком, есть мета-реальность, а формирующаяся практика применения этого законодательства (Заметьте! Именно практика, но не толкование, а уж тем более – не герменевтика.) дает нам все основания назвать эту мета-реальность шизореальностью.

Следовательно, ни законодательство, ни юридическая практика никакого отношения к праву не имеют вовсе. Это маска права, маска юриспруденции как науке о толковании правовой реальности.

Законодательство – это миф, идеологический миф, обслуживающий интересы определенной группы лиц, порой вовсе несведущих в праве.

Что собой представляет в этом свете судебная процедура как вершина юридической практики?

Гнусное жалкое зрелище санкционированного и безнаказанного унижения человека человеком. Воплощение хаоса внешне обличенного в одежды порядка.

Кстати это еще одна интересная тема – соотношение порядка и хаоса [5]. Если принять за аксиому тезис – порядок из хаоса, - следует, что хаос и есть тот самый порядок, та Истина, в том числе и право, а вот порядок существует лишь потому, потому что человек определенную последовательность события и явлений счел порядком. Можно ли сравнивать объективное и субъективное? Первое дано нам в ощущениях, которые являются частью нашего субъективного, а второе изначально является чужим субъективным и отличается от объективного для нашего ощущения лишь тем, что варьируется по воле человеческой. Противопоставление божественного и дьявольского.

Возвращаясь к судебному процессу или судебной процедуре...

Суд – это царство Танатоса! Здесь все овечно смертью, здесь нет жизни (если не уйти в лукавство о том, что смерть есть продолжение жизни, а там и до реинкарнации недалеко).

Единственный живой персонаж в этом театре – подсудимый или истец/ответчик, которого остальные участники процесса затягивают, как тряпина, в объятия смерти.

Общеизвестно, что судебный процесс ничего общего с правом не имеет, но более интересно то, что он и с законодательством не столько тесно связан. Закон в данном случае используется как инструмент, как ширма, позволяющая прикрыть суть происходящего и продемонстрировать вполне позитивную с точки зрения навязанного общественного мнения внешнюю сторону.

Факир накрывает сцену, отвлекает при этом публику, как всегда алчущую хлеба и зрелищ, за покрывалом (ширмой) что-то происходит, о чем публика не особо догадывается, да и догадываться-то не желает, затем факир делает пас, и - ..., - «правосудие» свершилось.

Посмотрим на это с точки зрения объекта «правосудия» - лица, в отношении которого оно свершается. Непонимая, что с ним происходит, желая, руководствуясь при этом как всякая живая тварь инстинктом самосохранения, только выжить, это лицо судорожно осматривается вокруг в поиске защитника. И защитник находится. Беда в том, что при таком

подходе, который сегодня сложился, защитник бедолаге вовсе не защитник. Хорошо бы, если бы правила игры были известны всем и все по ним играли, но на деле получается следующее – правила известны, но не всем одинаково хорошо, потому играют все вроде по правилам, но каждый – по своим. Естественно, что при таком подходе начинает вмешиваться государство с идеей формирования единого правопорядка, с единой идеологией правосудия, с требованием получения адекватного и осознаваемого для самого же государства результата всей этой деятельности. Так правосудие превращается в бриколаж [6], при котором, в отличие от игры, правил нет, но всегда побеждает назначенный участник. В данном случае – это государство.

Вопрос – куда ж крестьянину податься?!

Ответ очень прост. Если ныне существующая танатальная форма правосудия приводит к смерти в результате бриколажа, всякое попадание лица в воронку правосудия является фатальным.

Иными словами, кому суждено быть повешенным, то не утонет.

А, следовательно, право как справедливость (а смерть как явление фатального объективного мира есть то же своего рода проявление справедливости) есть фатум, есть судьба, а судебный процесс в том виде, как он есть сейчас, есть форма смерти.

Примечания

1. Для целей данной статьи все вышеперечисленное далее будет именоваться как практика или юридическая практика.
2. Для тех, кто не забыл, что такое - «круги Эйлера».
3. См. об этом исследования, посвященные проблеме юридических препятствий в реализации права.
4. См. об этом учение Ноама Хомского о генеративной грамматике.
5. См. об этом, напр., исследования И. Пригожина и И. Стенгерс.
6. О бриколаже и игре см. в исследованиях французского антрополога К. Леви-Стросса.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА (ВЕЛИКОГО) III

А.В. Серегин

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
andrei-seregin@rambler.ru

Возрождения величия Древнерусского государства после татарского погрома XIII столетия во многом связано с особой моделью державного строительства Московского княжества, переросшего во времена Ивана III в

единое Великорусское государство. В этой связи особое значение приобретает необходимость правильной научной оценке формы правления способствующей собиранию русских земель под единой суверенной властью.

Московское княжество на протяжении всей своей истории, эволюционировало в направлении усиления роли главы государства.

Концентрация политической власти государя шла в двух направлениях – внутреннем и внешнем. Первоначально свои законодательные, административные и судебные полномочия великий князь мог осуществлять лишь в пределах собственного домена [3, С. 18 - 23]. Даже Москва делилась в финансово-административном и судебном отношениях между князьями братьями. В XIV – XV вв. великие князья оставляли её обычно своим наследникам на правах общей собственности. С падением власти удельных князей великий князь стал подлинным властелином всей территории государства. Иван III и Василий III не стеснялись бросать в тюрьму своих ближайших родственников – удельных князей, пытавшихся противоречить их воле. Документальным свидетельством усиления великокняжеской власти является – «Неизвестная грамота Карла V Василию III 1514 г.», в которой русский государь титулуется «Императором и Повелителем всех рутенов.....»[6]. Это самое древнее международно-правовое признание императорских полномочий Великих князей Московских. На этом средневековом документе в 1721 г. обосновывалась правомерность наделения Петра I императорским титулом [5, С. 66].

Таким образом, централизация государства явилась внутренним источником усиления великокняжеской власти. Внешним источником её усиления было падение власти Золотой Орды. Вначале московские великие князья были вассалами ордынских ханов, из рук которых они получали право на великокняжеский стол. С Куликовской битвы эта зависимость стала только формальной, а после 1480 г. московские князья стали не только фактически, но и юридически независимыми, суверенными государями [8, С. 206]. Новому содержанию великокняжеской власти были приданы и новые формы. Благодаря бракосочетанию Ивана III с представительницей византийской императорской фамилии Софьей Палеолог двуглавый орёл, герб её отца, после падения Византии перешёл в качестве правопреемства её мужу [2, С. 17]. Кроме того, как преемник павшего в 1453 г. византийского престола, Иван III с 1485 г. стал именовать себя «государь всея Руси» [2, С. 17], а в 1498 г. в связи со смертью своего старшего сына Ивана Молодого впервые в истории России венчал на великое княжение своего внука Дмитрия Ивановича [7, С. 110 - 115]. Вместе с тем, по справедливому замечанию, В.В. Момотова, заимствования светского византийского права, развивающимися средневековым российским правом происходило в основном в области наследственных и брачно-семейных отношений, но не затрагивало коренных основ политического владычества [4, С. 133 - 134].

Так, для укрепления государства, путём усиления самодержавной власти Иван III провёл следующие политико-правовые реформы.

1. Бояре стали присягать великому князю на верность, подтверждая её «клятвенными грамотами».

2. Московский государь наделил себя правом не только удалять бояр с государственной службы, но и конфисковывать их вотчины, земельные наделы с имуществом.

3. Царь ввёл новые должности государевых людей: *казённого дьяка и подъячих*, ведающих делами посольскими, поместными, ямскими, финансовыми.

4. Для управления царскими землями был создан Дворец. Постепенно его функции дополнились и другими обязанностями: рассматривать земельные споры и осуществлять судопроизводство.

5. Государь учредил Казённый двор – главный распорядительный орган Московского государства, прообраз правительства.

6. При царе был создан высший государственный орган – Боярская дума. На боярскую думу возлагались управление, судебная и дипломатические функции. В её состав кроме бояр входили отдельные князья, руководители территорий. Дума решала государственные дела, став, по сути, законосовещательным органом при Ивана III. Дума принимала решения большинством голосов. Если согласие бояр не достигалось, обсуждались спорные моменты, пока весь её состав не приходил к единому мнению. Если всё же согласие по каким-либо причинам не достигалось, тогда шли на доклад к царю, и дело разрешалось государем. В конце XV в. в состав Боярской думы входили 12 бояр и не более 8 окольничих. При решении наиболее важных государственных дел на заседание Боярской думы приглашались церковные иерархи и видные представители дворянства. В дальнейшем такие совместные собрания стали основой для образования Земских соборов [1, С. 69].

7. Для придания веса принятым царским решениям была введена процедура приложения печати [1, С. 69].

Таким образом, великокняжеское правление созданное Иваном III, характеризуется тем, что власть государя представляла собой венец феодальной пирамиды строго иерархизированого сословия землевладельцев (бояр вотчинников и дворян помещиков) для которых единым главой государства (сувереном) является только московский правитель.

Литература

1. Зверев В.В. История России с древнейших времён до наших дней / В.В. Зверев – М.: Экзамен, 2006. – 544 с.
2. Золотухина Н.М. Политико-правовая мысль России XVI в.: Филофей и «Филофеев цикл»: монография / Н.М. Золотухина. – М.: Юрлитинформ, 2015.

– 432 с.

3. Договорная Грамота Великаго Князя Димитрія Іоановича съ двоюроднымъ его братомъ Княземъ Володимеромъ Андреевичемъ (первая): о бытіи имъ в дружбѣ и союзѣ; о управленіи каждому своими землями, по учинѣнному Отцами ихъ рохдѣлу; о взаимномъ вспоможеніи противу общихъ ихъ непріятелей; о дачѣ для Ордынскаго похода дани; о судахъ и расправахъ. – Учинѣнная при Митрополитѣ Алексѣѣ 1362 г. // Собрание государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. – Часть первая. – М.: Типографія Н.С. Всеволожскаго, 1813. – С.18 - 23.

4. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX – XIV вв.: Монография / В.В. Момотов. – М.: Зерцало, 2002. – 416 с.

5. Мультатули П.В., Воробьёва Л.М. Священное имя русской Пруссии / П.В. Мультатули, Л.М. Воробьёва; Рос. Ин-т стратеги. исслед. – М.: РИСИ, 2015. – 100 с.

6. Неизвестная грамота Карла V Василию III 1514 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.vostlit.info/Texts/Documenty/Austria/XVI/1520-1540/Karl_V/gram_vasilij_III_1526.phtml?id=13860 (дата обращения: 03.07.2017 г.)

7. Савва В.И. Московскіе цари и Византийскіе василевсы. Къ вопросу о вліяніи Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей / В.И. Савва. – Харьков: Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-въя, 1901. – 412 с.

8. Серегин А.В. Цивилизационный феномен средневекового многообразия форм славянских государств: монография. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 408 с.

ПОРЯДОК РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ И КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ ДОГОВОРА ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Д.О. Скорнякова

Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск
skornyakovadarya@gmail.com

Возникновение конфликта между участниками хозяйственного общества может привести к патовой ситуации, при которой конфликт станет неразрешимой проблемой из-за отсутствия у его сторон действенных механизмов по его разрешению. Как правило, тупиковая ситуация наступает в следующих случаях:

- доли участников общества в уставном капитале составляют 50/50;

- решение участников хозяйственного общества должно быть единогласным;

- решение в хозяйственном обществе принимается большинством в две трети или три четверти голосов [3, С. 153].

Бородкин В.Г. в своих трудах приводит следующие механизмы для разрешения тупиковой ситуации в корпоративном праве, которые уже нашли подтверждение в законодательстве и судебной практике, а именно исключение участника, ликвидация общества, принудительный выкуп (продажа) доли в уставном капитале общества [2, С.140].

В действующем российском законодательстве содержится институт исключения участника общества с ограниченной ответственностью. Первоначально указанный механизм был закреплен в ст. 10 Федерального закона от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее - Закон об ООО), устанавливающей, что участники общества, доли которых в совокупности составляют не менее чем 10% уставного капитала общества, вправе требовать в судебном порядке исключения из общества участника, который грубо нарушает свои обязанности либо своими действиями (бездействием) делает невозможной деятельность общества или существенно ее затрудняет. При этом в соответствии с п. 4 ст. 23 Закона об ООО доля участника общества, исключенного из общества, переходит к обществу, и общество обязано выплатить исключенному участнику действительную стоимость его доли, которая определяется по данным бухгалтерской отчетности общества за последний отчетный период, предшествующий дате вступления в законную силу решения суда об исключении, или с согласия исключенного участника общества выдать ему в натуре имущество такой же стоимости.

Полагаем, что исключение участника из хозяйственного общества является специальным видом корпоративно-правовой ответственности, предусмотренным в гражданском и корпоративном законодательстве.

С другой стороны, в качестве варианта разрешения тупиковой ситуации в законодательстве также признается ликвидация хозяйственного общества. В соответствии с подп. 5 п. 3 ст. 61 ГК РФ юридическое лицо может быть ликвидировано по иску учредителя (участника) юридического лица в случае невозможности достижения целей, ради которых оно создано, в том числе в случае, если осуществление деятельности юридического лица становится невозможным или существенно затрудняется.

Соответственно, можно говорить об универсальности «ликвидация хозяйственного общества», как механизма разрешения тупиковой ситуации, и таким образом его можно применять к случаям наступления любых тупиковых ситуаций как в рамках публичных, так и непубличных хозяйственных обществ

В связи с тем, что вышеприведенные механизмы разрешения тупиковых ситуаций не могут быть использованы во всех случаях в корпоративном договоре, стоит обратить внимание на такой механизм, как выкуп (или продажа) доли в уставном капитале общества одним участником у другого.

Данный механизм прямо предусмотрен в п. 1 ст. 67.2 ГК РФ и является универсальным для всех видов хозяйственных обществ, в которых может быть заключен корпоративный договор, и для всех вариантов тупиковых ситуаций. Достоинство выкупа, как механизма состоит в том, что для использования данного механизма не имеет значения количественный состав сторон корпоративного договора.

Суть выкупа (или продажи) доли в уставном капитале как способ разрешения тупиковой ситуации выражается в том, что стороны могут заблаговременно установить обстоятельства, при наступлении которых будут вправе воспользоваться конкретным механизмом выкупа (или продажи) доли его контрагенту по корпоративному договору. В связи с относительной простотой процедуры выкупа, указанный механизм уже нашел признание в конкретных решениях арбитражных судов [1].

Однако возможность эффективного использования данного механизма поставлена в прямую зависимость от детального его описания в корпоративном договоре, что обусловлено отсутствием развернутого механизма в законе, который мог бы быть использован по умолчанию.

Считаем возможным при разрешении тупиковых ситуаций в договоре об осуществлении прав участников общества, предусмотреть следующие положения такого договора:

- введение в совет директоров независимых директоров. В договоре целесообразно установить критерии независимого директора или приложить список возможных кандидатов;
- использование примирительных процедур;
- обязанность одной стороны договора выкупить или продать акции (доли в уставном капитале ООО) по требованию другой.

Литература

1. Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 19 января 2015 года по делу № А63-9751/2014 // http://kad.arbitr.ru/PdfDocume№t/735577d6-a352-4661-bd5d-392fc52edf94/A63-9751-2014_20150119_Reshe№ija%20i%20posta№ovle№ija.pdf.
2. Бородин В.Г. Корпоративный договор как механизм разрешения тупиковых ситуаций в хозяйственном обществе // Закон. 2015. N 10. С. 138 - 146.
3. Глушечкий А.А. Реформа гражданского законодательства в части регулирования юридических лиц. Практический комментарий // Экономико-правовой бюллетень. 2015. N 3. 160 с.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ АФФЕКТИРОВАННОГО УБИЙСТВА

В.А. Тейхриб

Новосибирский государственный технический университет

г. Новосибирск

89500548506@mail.ru

Анализ действующего уголовного законодательства России, а также практики его применения дает основание утверждать, что уголовно-правовое регулирование ответственности за преступления, совершаемые в состоянии аффекта, и реализации на практике предусмотренных законом мер далеки от совершенства. В связи с этим важное значение приобретает единообразное толкование признаков состава преступления, в которое попадает убийство в состоянии аффекта, выяснение критериев и отграничение от смежных составов преступлений.

Наблюдаемый в последние годы рост насильственных преступлений против личности выдвигает множество специфических вопросов, связанных с исследованием аспектов мотивации убийств, совершенных в состоянии аффекта, квалификации и предупреждения этого преступления [1]. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость доктринального анализа закономерностей индивидуального преступного поведения личности преступника, действующего в состоянии аффекта, проблем социальной конфликтности, межличностных и бытовых отношений, лежащих в генезисе убийств в состоянии аффекта.

При изучении материалов судебной практики было выявлено, что наиболее спорным является вопрос отграничения простого убийства, а именно убийства в ссоре или драке при отсутствии хулиганских побуждений, по мотивам зависти, мести, неприязни, ненависти, возникшим на почве личных отношений, из ревности, от убийства, совершенного в состоянии аффекта.

Вследствие этого следует отметить, что при квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта, пристального внимания заслуживает правильная юридическая оценка субъективной стороны преступления, в том числе признаки аффектированного состояния, цель, мотив лица.

Причинная обусловленность убийства, совершенного в состоянии аффекта, стоит конфликте, возникшем между виновным и потерпевшим.

Конфликт может носить как затяжной характер, сопряженный с длительной психотравмирующей ситуацией, так и кратковременный характер, когда сущность правового конфликта составляют единичные противоправные посягательства на права потерпевшего либо права его

близких, связанные с издевательством, тяжким оскорблением, насилием и т.д.

С точки зрения психиатрии аффектированное состояние лица предполагает кратковременный, чрезвычайно сильный на чувственно-эмоциональном уровне "разряд", обусловленный возникновением психотравмирующей ситуации, с которой субъект не способен совладать на волевом уровне. Следовательно, при наступлении аффектированного состояния у лица наблюдаются нарушения как в эмоциональной сфере, так и волевой регуляции на уровне сознания и внешних проявлений действий человека.

Наряду с эмоциональным всплеском, детерминируемым гневом, страхом, местью и т.п., аффектированное состояние сопровождается экзальтированностью и всеподавляющим воздействием ситуации на психику человека, влекущим угнетение контрольной и преобладание отражательной функций.

Таким образом, при аффекте происходит нарушение функций на уровне сознания, проявляющееся в утрате способности адекватно понять и воспринять сложившуюся ситуацию и дать объективную оценку обстоятельствам [2].

Аффектированное состояние отличает не внешнее, т.е. эмоциональное, а внутреннее (душевное) состояние лица, когда на сознательном уровне преобладает искаженное представление о происходящих событиях, под воздействием которого привычное поведение человека, его жизненные установки подвергаются существенной деформации ввиду того, что происходит нарушение способности устанавливать правильное соотношение происходящих в действительности явлений, тем самым способности осуществлять избирательный подход к выбору поведенческого акта.

Вторым признаком аффекта в уголовно-правовой науке, имеющим приоритетное значение при анализе объективной стороны убийства, совершенного в состоянии аффекта, является установление причинно-следственной связи аффектированного состояния, связанного с насилием, издевательством или тяжким оскорблением.

Для этого необходимо обратиться к материалам судебной практики. Например, согласно приговору Каларкого районного суда Забайкальского края Тарасов А.В., осужден по ч.1 ст.105 УК РФ к 08 годам 03 месяцам лишения свободы, без ограничения свободы, с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

В апелляционной жалобе адвокат Воробей В.А. в защиту интересов осужденного Тарасова А.В. выражает несогласие с принятым решением, считает приговор чрезмерно суровым и несправедливым ввиду существенных нарушений норм УПК РФ (противоречие, неверная оценка,

неправильное применение норм). Считает, что в ходе судебного следствия было установлено, что Тарасов А.В. в момент совершения преступления действовал в состоянии сильного душевного волнения, которое повлияло на его сознание и контроль над своими действиями. Просит приговор изменить и переквалифицировать действия Тарасова А.В. с ч.1 ст. 105 УК РФ на ч.1 ст. 107 УК РФ.

Судебной коллегией, исходя из исследованных, как в суде первой инстанции, так и в апелляционной инстанции доказательств, установлено, что преступление Тарасовым А.В. совершено в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного длительной психотравмирующей ситуацией, при следующих обстоятельствах:

Тарасов А.В., состоящий в зарегистрированном браке узнал, что его жена замечена в супружеской неверности с потерпевшим С., в связи с чем в семье происходили разговоры о прекращении отношений между супругой и С. При указанных обстоятельствах, в связи с систематическим аморальным поведением супруги, сложилась длительная психотравмирующая ситуация.

Позже на участке проселочной дороги на расстоянии около 30 метров в северо-западном направлении от места строительства административно-гостиничного здания, Тарасов А.В., в поисках своей жены, встретил С. и свою супругу которые шли вместе. В это время между Тарасовым и Р. произошла ссора, высказанные Тарасову А.В. слова в унизительно-оскорбительной форме относительно отношений между ним и его супругой явились фактором возникшего у Тарасова А.В. состояния кумулятивного аффекта, который резко ограничивал его способность к осознанно-волевой регуляции его противоправного поведения. Тарасов А.В. нанес Р. с силой один удар кулаком в голову, от которого тот упал на землю, после чего поднял с земли камень весом около 14 кг, и, используя его в качестве орудия преступления, с достаточной силой нанес не менее двух ударов в область головы [3].

Еще одним критерием правильности уголовно-правовой оценки аффектированного состояния лица является установление соразмерности реакции на провоцирующее воздействие. Нередко на правоприменительном уровне имеет место выраженное несоответствие фактического содержания и степени общественной опасности аффективных действий характеристикам неправомерных посягательств со стороны потерпевшего.

В доктрине существует мнение о разграничении классического и аккумулятивного аффекта.

Классический аффект представляет собой прямую реакцию лица на внешний раздражитель, т.е. объективные обстоятельства окружающей среды.

Аккумулятивный аффект возникает в результате длительного накопления незначительных по силе негативных эмоций и находит выражение в аффективном всплеске, наступающем без явных причин.

Вышеуказанные виды аффекта законодательно оформлены в ст. 107 УК РФ, предусматривающей «длительную психотравмирующую ситуацию, возникшую в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего».

Существенное значение при уголовно-правовой оценке аффектированного состояния лица имеет констатация факта внезапно возникшего сильного душевного волнения.

Можно выделить индивидуально-психологические особенности личности, обуславливающие возникновение аффекта. К последним следует относить: 1) комплекс врожденных свойств нервной системы, связанных с инертностью нервных процессов, легкой возбудимостью, повышенной чувствительностью к раздражителям, «невыносливостью» к сильным и значимым раздражителям и т.п.; 2) уровень и особенности самооценки; 3) возрастные особенности; 4) психофизиологическое состояние лица в момент совершения преступления.

Безусловно, правильная юридическая оценка состояния аффекта предполагает проведение психолого-психиатрической экспертизы. Однако закономерно возникает проблема с определением аффекта у виновного в результате длительной травмирующей. В данной ситуации требуется квалифицированная консультация специалистов-психологов, которые на основе изучения личностных качеств и характеристик виновного могут установить обстоятельства и дать анализ ситуации, нашедшей отражение в психике виновного, а также констатировать факт длительной психотравмирующей обстановки, предшествовавшей аффектированному состоянию.

Подводя итог, можно заключить, что правильная юридическая квалификация аффектированного убийства предполагает комплексное сочетание доктрины уголовного права, криминологии, психиатрии, психологии и судебной медицины, устанавливающих единообразие критериев оценки аффектированного состояния личности.

Реализация уголовного закона предусматривает достоверную оценку субъективной стороны преступления, связанного с совершением убийства в состоянии аффекта. Для исключения ошибок при квалификации аффектированного убийства должное внимание следует уделять судебной комплексной психолого-психиатрической экспертизе, содействующей правильной оценке личностного поведения преступника, позволяющей отграничить состав убийства от убийства, совершенного в состоянии аффекта.

Литература

1. Авдеев В.А. Охрана здоровья человека: вопросы законодательной техники и правоприменения /В.А. Авдеев, О.А. Авдеева // Российский судья. 2015. N 10. С. 18 - 22.

2. Авдеев В.А. Государственно-правовой механизм охраны семьи и прав ребенка в РФ / В.А. Авдеев, О.А. Авдеева // Российский следователь. 2015. N 9. С. 22 - 27.
3. Апелляционный приговор судебной коллегии по уголовным делам Забайкальского краевого суда № 22-67/2016 (22-5501/2015) - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-zabajkalskij-kraevoj-sud-zabajkalskij-kraj-s/act-502956546/>. Дата просмотра 20.10.2017 г.

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

К.А. Тимонин

Фонд поддержки пострадавших от преступлений, г. Москва
timoninkirill@soprotivlenye.ru

В январе – июне 2017 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 1 030 193 преступления, что на 152 258 меньше, чем за аналогичный период прошлого года (-12,9 %).

Сокращение числа зарегистрированных преступлений наблюдается на территории всех федеральных округов Российской Федерации. Наибольшее снижение уровня преступности отмечено в Северо-Западном (-17,1 %), Центральном (-14,9 %), Сибирском (-13,8 %), Приволжском (-12,5 %), Северо-Кавказском (-11,7 %), Южном (-11,2 %), Дальневосточном (-10,3 %) и Уральском (-8,7 %) федеральных округах [1, С.5].

Статистические данные о состоянии преступности в России представляются Главным управлением правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ практически ежемесячно, однако вышеуказанные цифры, к сожалению, не могут отражать фактическое состояние преступности в России. По-моему мнению, существует два основных фактора, влияющих на искажение реального положения дел.

Первым фактором, искусственно снижающим показатели преступности, является отказ в принятии заявления должностными лицами правоохранительных органов, несмотря на прямую обязанность, закрепленную в ч. 1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2]. Безусловно, ч. 5 ст. 144 УПК РФ предусматривает возможность обжалования отказа в приёме заявления в прокуратуру или суд в порядке ст. 124-125 УПК РФ, однако, данный инструмент на практике приводит лишь к затягиванию сроков, но не способствует раскрытию преступлений по горячим следам, да и процесс доказывания отказа в приёме заявления затруднён.

Вторым фактором, занижающим уровень преступности, является отказ от обращения в правоохранительные органы. Так, 26 декабря 2016 года Министром внутренних дел Российской Федерации был утверждён План заседаний Правительственной комиссии по профилактике правонарушений на 2017 год. Одно из мероприятий – проведение Фондом поддержки пострадавших от преступлений (далее – ФПП) виктимологического исследования состояния преступности и размеров причиняемого вреда в целях выработки дополнительных мер по профилактике правонарушений [3].

В феврале 2017 года Всероссийским центром изучения общественного мнения (далее - ВЦИОМ) по заказу ФПП было проведено виктимологический опрос. В опросе приняло участие 1600 человек по всей России [4].

В рамках данного доклада принципиальное значение имеют ответы на следующие вопросы:

1. Становились ли Вы лично за последние 12 месяцев жертвой преступления? (закрытый вопрос, один ответ, %)
2. Обращались ли Вы или Ваши близкие за помощью в правоохранительные органы в связи с преступлением? (закрытый вопрос, один ответ, % от тех, кто становился жертвой преступления за последние 12 месяцев)
3. Если Вы не обращались за помощью в правоохранительные органы, то почему? (закрытый вопрос, один ответ, % от тех, кто становился жертвой преступления за последние 12 месяцев и НЕ обращался в правоохранительные органы).

На первый вопрос положительно ответили 7% респондентов, т.е. 112 человек, из них лишь 57 человек обратились с заявлениями в правоохранительные органы (51%). Возникает закономерный вопрос: почему же 49% населения отказались от обращения в правоохранительные органы, ведь их права, свободы были нарушены, более того, части из них были причинены физические травмы.

Респонденты указывали следующие причины:

- Считал, что правоохранительные органы мне не помогут – 39%;
- Из-за незначительности причиненного ущерба – 17%;
- Хотел самостоятельно разобраться с преступником – 13%;
- По иным мотивам – 13%;
- Не хотел тратить время на следствие, судебный процесс – 7%;
- Не хотел огласки – 4%;
- Боялся возможной мести со стороны преступников или их сообщников – 4%;
- Опасался, что из пострадавшего стану обвиняемым – 1%;
- Затрудняюсь ответить – 1%.

К сожалению, отсутствие факта обращения в правоохранительные органы влияет не только на искажении статистических данных, но и прямо препятствует улучшению правовых механизмов.

С 2012 года российские авиаперевозчики добивались ужесточения ответственности за хулиганство на воздушных судах. Ведь ранее за нарушение общественного порядка в салоне самолётов пассажиров в лучшем случае привлекали по ст. 20.1. «Мелкое хулиганство» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [5]. Лишь увеличение числа случаев, когда авиаперевозчики были вынуждены передавать пассажиров по прилёту сотрудникам полиции, а также повышенное внимание СМИ, способствовали внесению изменений в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) [6], где в апреле 2017 года появился п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ («хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования»), предусматривающий лишение свободы до пяти лет. Данный пример наглядно демонстрирует зависимость между ростом числа регистрируемых правонарушений и изменений законодательства.

Таким образом, прихожу к выводу о необходимости проведения ежегодных всероссийских виктимологических исследований, результаты которых позволили бы эффективно совершенствовать правовые механизмы и, как следствие, снижали бы уровень преступности. Подобные исследования также позволили бы с высокой степенью достоверности получать данные о фактическом состоянии преступности в стране, и в дальнейшем результаты могли бы включаться в основу программ по профилактике правонарушений.

Литература

1. Генеральная прокуратура РФ (Главное управление правовой статистики и информационных технологий). Состояние преступности в России за январь – июнь 2017 года. URL: <https://goo.gl/5xfmPQ> (дата обращения: 24.10.2017).
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017). В данном виде опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. План Правительственной комиссии по профилактике правонарушений на 2017 года (утв. 26.12.2016) URL: <https://goo.gl/uK4GTd> (дата обращения: 24.10.2017).
4. ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 3313: «Пострадавшие от преступлений: в надежде на справедливость». URL: <https://goo.gl/NnMoUe> (дата обращения: 24.10.2017).

5. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017) В данном виде опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017). В данном виде опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ПРАВО ТОЛЕРАНТНОСТИ И ПРЕЗУМПЦИЯ РЕСПЕКТАБЕЛЬНОСТИ

А.М. Тимохин

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
philosecon@gmail.com

В многочисленных трактовках понятия толерантность, наряду с указанием на то, что оно означает терпимость, чаще всего можно встретить еще и утверждение о том, что толерантность также означает уважение. Декларация принципов толерантности ЮНЕСКО ставит уважение на первое место в определении рассматриваемого понятия: “толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности” [1].

Однако наряду с тем, что толерантность - это личностная или социальная установка, в современном демократическом и правовом государстве толерантность - это еще и обязанность, установленная в отношении государства и граждан, признающая и обеспечивающая реализацию одного из ключевых прав человека - права на свободу совести. “Толерантность - это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка” [1], говорится в той же Декларации. Поэтому можно вести речь о требовании к гражданам и государству быть толерантными и об их ответственности за нарушение этого требования. Исходя из взаимосвязи толерантности и уважения, оправдано ли рассматривать требования толерантности в качестве требований уважения, обязаны ли граждане и государство уважать все то, что связано с реализацией свободы совести, и, отвечают ли они перед законом за проявление неуважения к различным проявлениям столь важной свободы?

Тот факт, что право свободы совести накладывает на общество и действующую в нем легитимную власть определенные обязательства не вызывает сомнений. Речь идет, таким образом, о том, что эти обязанности

участников толерантного общества можно интерпретировать как обязанности, связанные с уважением. Типичным случаем такого рода спорных интерпретаций можно считать наличие в ряде стран мира так называемого “законодательства о богохульстве”. Примером может служить часть 1 статьи 148 УК РФ. Дискуссии по резолюциям ООН о запрете диффамации религии тоже демонстрируют спорность такой позиции.

Рассматривая указанные примеры, не сложно заметить, что во всех случаях за требованием религиозной толерантности скрывается презумпция того, что уважение к чувствам верующих, которых оскорбляют любое непочтительное отношение к их религии, предполагается свободой совести и вероисповедания. Речь идет именно о презумпции, причем неявной, поскольку позитивное право не устанавливает норму об уважении к религии. Эту презумпцию уместно назвать презумпцией респектабельности и очень важно понять: может ли она претендовать на такую же правовую защиту и оправдание, как и сама толерантность?

Ключ к ответу на поставленный вопрос, или по крайней мере пропедевтику к нему можно попробовать найти в практической философии И. Канта. В его трансцендентальном проекте обоснования метафизики нравов понятие уважения играет центральную роль: оно показывает, как происходит кристаллизация доброго начала в ответственном действии разумного существа, как склонности перестают быть мотивами, уступая место долгу. В этом смысле, уважение относится к всеобщим и необходимым, априорным условиям любого нравственного порядка, независимо от того, касается ли он внешнего принуждения, известного нам из права, или внутреннего, образующего мораль.

Принципиально важно понимать, что Кант говорит об уважении, точнее, глубоком уважении, которые вызывает нравственный закон у разумного существа. Такое глубокое уважение к закону в качестве мотива, делающего поступки человека и внешне и внутренне сообразными с нравственным законом, следует отличать от уважения, которое ребенок испытывает к родителям, или от сословного уважения, проявляющегося в манерности и педантизме общества. Им неоднократно подчеркивается, что в строгом смысле уважение относится не к личности, а к тому, что личность являет собой пример выполненного долга, т.е. поступка доброй воли, совершенного исключительно в силу нравственного закона, а не веления склонностей [2, с. 237-238]. Не удивительно, что требовать от кого-либо уважения к закону весьма проблематично, требовать же уважения к личности нельзя вообще ни от кого, кроме самого себя.

Там, где закон допускает внешнее принуждение, требование касается только подчинения закону, а не уважения к нему, поэтому в сфере права обязанности носят легальный, а не моральный характер. Если, кто-то исполнил требования закона, это не означает, что он поступил так, выполняя

свой долг, а не опасаясь наказания, поэтому его поступок не обязательно вызывает уважение. Тот, кто в соответствии с законом, реализует свою свободу совести и вероисповедания, заслуживает уважения не в большей степени чем то, кто соблюдает правила дорожного движения: его нельзя ругать за то, что он делает, но совершенно бессмысленно требовать его за это уважать.

Вопрос о том, является ли неуважение к человеку безнравственным, если оно основано на том, что он исповедует ту или иную религию, – более сложен. Однако, поскольку безнравственным остается только то, что противится внутреннему принуждению со стороны долга, понятно, что о правовых требованиях в этой сфере речи не идет. Тот, кто оскорбляет человека за его религиозные убеждения, сам рискует потерять уважение – и это будет единственным достойным его наказанием, которое никак не связано с правом и юридическими обязанностями.

Таким образом, презумпция респектабельности будь то в отношении религиозных чувств верующих, или других характерных особенностей отдельных людей или их групп не имеет непосредственного отношения к праву толерантности и не может устанавливать никаких юридических обязанностей или ответственности за их неисполнение. Признать законными требования, касающиеся свободы совести и вероисповедания, должен каждый представитель демократического общества, регулируемого правом, однако сами эти требования, в чем бы они не заключались, не могут содержать в себе требования уважения, не переставая при этом быть законными.

Литература

1. UNESCO. Declaration of Principles on Tolerance 16 November 1995 // http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13175&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html
2. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. I. - М.: «Мысль», 1965. - 544 с.

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

П.А. Трескин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск
treskin-ne@ya.ru

Социальная активность некоммерческих организаций обусловлена характером и спецификой их деятельности. Ориентир на решение проблем,

существующих в обществе, позволяет говорить о социальной включенности в процессы социокультурной динамики и общественного воспроизводства.

При этом, разные социально-экономические условия, также как и социокультурные процессы порождают неодинаковые формы активности НКО. С целью выявления влияния внешних факторов на социальную активность некоммерческих организаций Иркутской области, в 2017 году нами был проведен качественный анализ данных организаций. Всего было проанализировано 10 направлений некоммерческих организаций (представлены в таблице 1).

Таблица 1.

Количество некоммерческих организаций, зарегистрированных в Иркутской области с 2010 по 2016 г*

НКО по направлениям деятельности	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010
Профессиональные союзы (территориальные и отраслевые)	280	277	275	268	331	365	387
Ветеранские (в том числе пенсионеров)	87	90	92	96	99	134	156
Объединения инвалидов	98	104	112	117	121	153	166
Национальные (в том числе национально-культурные автономии)	87	90	97	104	107	112	143
Молодежные и детские	79	81	84	87	95	98	112
Культурно-просветительские и творческие	109	107	102	104	117	133	149
Спортивные и оздоровительные (в том числе туристические)	269	266	270	275	287	376	388
Правозащитные	80	91	95	106	111	123	155
Благотворительные (в том числе фонды)	188	187	193	184	186	253	265
Иные НКО	1 755	1743	1723	1654	1664	1866	1921
Итого:	3 032	3036	3043	2995	3120	3613	3842

*по данным мониторинга НКО Иркутской области

Как видно из таблицы, 2012 год стал годом качественного изменения количества некоммерческих организаций Иркутской области. Это можно объяснить введением закона о «НКО-иностраннй агент» было введено федеральным законом от 20 июля 2012 г., что в последующем привело к сокращению количества различных НКО, существовавших только или в том числе за счет иностранных фондов. С 2013 по 2016 год количество НКО растет, но их все же меньше, чем было до 2012 года.

Количество некоммерческих организаций позволяет косвенно судить о форме их работы и воздействии на региональный социум. В среднем, в каждой организации от 1 до 7 мероприятий в неделю (по данным внутренней отчетности) – см. таблицу 2.

Таблица 2.

Количество некоммерческих организаций,
зарегистрированных в Иркутской области с 2010 по 2016 г*

НКО по направлениям деятельности	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010
Профессиональные союзы (территориальные и отраслевые)	252	293	311	456	631	1363	1395
Ветеранские (в том числе пенсионеров)	221	291	343	596	898	1878	1442
Объединения инвалидов	194	211	264	314	624	1186	1679
Национальные (в том числе национально-культурные автономии)	180	186	221	326	404	1633	1523
Молодежные и детские	188	199	276	321	492	1981	1135
Культурно-просветительские и творческие	214	231	287	386	617	1274	1432
Спортивные и оздоровительные (в том числе туристические)	221	200	231	455	782	1276	1412
Правозащитные	143	151	295	336	512	1155	1142
Благотворительные (в том числе фонды)	221	276	393	424	681	1643	1235
Иные НКО	1212	2164	2343	2699	3813	9866	9921
Итого:	3046	4202	4964	6313	9454	23225	22616

*по данным мониторинга НКО Иркутской области

Как видно из таблицы, до 2012 года, количество мероприятий реализуемых некоммерческими организациями было в разы выше, чем теперь. За шесть лет некоммерческие организации Иркутской области сократили количество мероприятий в 7 раз (с 22616 в 2010 года до 3046 в 2016 году). Динамика социальной активности достаточно негативная.

Изменения данной ситуации возможны только при многоплановой системной работе, продуманной государственной политике и активном участии граждан в мероприятиях некоммерческих организаций. Без данной связки сложно прогнозировать и моделировать социальными процессами регионального социума области.

Литература

1. Батьянова Л.Н., Иванов Р.В. Социально-политические основы развития гражданского общества. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. 136 с.
2. Мониторинг некоммерческих организаций города Иркутска и Иркутской области / Сайт Администрации города Иркутска [электронный ресурс] URL: <https://admirk.ru/Pages/nekommercheskie-organizacii.aspx>
3. Полюшкевич О.А. Социокультурная солидарность : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. 221 с.
4. Трескин П.А. Оценка качества развития НКО в Иркутской области // Трансгрессия социокультурного пространства. Материалы всероссийской

научно-практической интернет конференции. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2017. С. 272-276

5. Трескин П.А. Социальные и естественные условия развития некоммерческих организаций города Иркутска // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке : Международная очно-заочная научно-практическая конференция. Чита: ЗабГУ, 2017. С. 159-166

6. Трескин П.А. Некоммерческие организации в региональном социуме // Актуальные проблемы российского общества в контексте новых вызовов современности». Материалы всероссийской научно-практической интернет-конференции. Вологда, ИСЭРТ РАН, 2017. С. 149-154.

ПРИНЦИПЫ РАЗДЕЛЕНИЯ И АБСТРАКЦИИ В УЧЕНИИ Ф.К. САВИНЬИ

А.В. Цветков

Частное образовательное учреждение высшего образования
«Омская юридическая академия», г. Омск
tsvetkovtf@gmail.com

Определение владения и его приобретения *corpore* и *animo* у Ф.К. Савиньи имеет, как будет показано далее, мало общего со взглядами римских юристов, но вполне совпадает со взглядами И. Канта. Ф.К. Савиньи требует для приобретения владения непосредственного, эмпирического воздействия на вещь (*apprehensio*). По его мнению, «к этому воздействию должна присоединяться определенная воля (*animus*)», если возникает действительное владение. Эта воля состоит первоначально в том, что владелец желает обращаться с вещью как со своею собственною (*animus domini*)» [1, С. 85 – 90, 134 – 142]. Об *animus domini* римские юристы никогда не говорили, так как подобное выражение не имело ничего общего с их метафизическим пониманием. Резкая грань, проведенная римскими юристами между владением (как метафизическим понятием) и правовым порядком, была «растворена» в философии права И. Канта и в воззрениях Ф.К. Савиньи. Как чуждая немецкому пониманию, она осталась не замеченной Ф.К. Савиньи, который вместе с тем не считал римское право отжившей древностью, в его глазах оно было настоящим живым источником права, из которого следует черпать всякое правильное юридическое познание. Кантовское определение владельческой воли имело для него значение не только верного отвлеченного вывода: оно привлекало его внимание постольку, поскольку, казалось, соответствовало живому праву, доведенному римлянами до высшего совершенства.

Ф.К. Савиньи считал *animus possidendi* (владельческая воля) абсолютным, вечным началом владения; он думал, что нашел его в кантовском определении, а именно в его «воле считать предмет своим». Таким образом, римское строго очерченное *animus possidendi* превращалось

у него в *animus domini* (волю собственника). Как видим Ф.К. Савиньи, используя юридические категории римского права, наполнил их иным содержанием, однако эмпирический субъективизм, преобладавший в мышлении его времени, оказал влияние на его учение о владении. Он нашел в римских источниках глубоко продуманную и самостоятельную теорию владения, но, руководствуясь духом своего времени, «сдвинул» ее с объективно-метафизического основания и построил целиком на воле субъекта. Подобное отношение к *animus* дало возможность не только поставить вопрос о непосредственном и опосредованном владении, но и о его двойственной природе, рассматривая владение не только как факт, но и как право.

Такое понимание владения оказало влияние и на учение Ф.К. Савиньи о вещном договоре. Во-первых, приобретение владения предполагало, как уже отмечалось, воздействие субъекта на вещь, которое происходило в акте передачи (*traditio*) ее от одного субъекта к другому. Во-вторых, к этому воздействию должна, с точки зрения Ф.К. Савиньи, присоединиться определенная воля субъекта (как лица, передающего вещь, так и лица, ее принимающего). А поскольку *animus possidendi* рассматривалась им как абсолютное начало владения, передача вещи во владение другого лица означала ее выражение как со стороны передающего, так и со стороны принимающего вещь во владение. «Собственно говоря, воля сама по себе должна быть рассматриваема, – писал Ф.К. Савиньи, – как единственно важное и творческое начало, и лишь ввиду того, что она есть внутреннее, скрытое явление, мы нуждаемся в признаке, по которому другие могли бы судить о наличии ее, а этот признак, при помощи которого воля обнаруживается вовне, и есть выражение ее» [2, С. 3]. Следовательно, изъявление ее (т.е. *animus*) в акте традиции по существу означало для него заключение юридической сделки. «Под волеизъявлениями или юридическими сделками, – указывал Ф.К. Савиньи, – следует понимать те юридические факты, которые не только суть свободные действия, но в которых вместе с тем воля действующего лица непосредственно направлена на возникновение или прекращение юридического отношения» [2, С. 3]. Акт традиции это непосредственно и демонстрировал. Поэтому Ф.К. Савиньи первоначально и был сделан вывод о тождестве традиции и вещного договора. Понятно, что такое его утверждение не могло возникнуть на основе изучения только правовых взглядов И. Канта, оно явилось плодом анализа всей совокупности течений, взглядов, мнений, сложившихся к началу XIX в. по проблеме приобретения права требования, а также пандектного права и юридической практики, т.е. всей совокупности объективных теоретических и социальных предпосылок.

Впервые открыто о своем несогласии с теорией *titulus et modus* Ф.К. Савиньи заявил, будучи профессором Марбургского университета (*die Univetsität Marburg*), на одной из своих лекций в 1815 г. Прежде всего он обратил внимание, что не всегда приобретение права собственности происходит по известному правилу: *iusta causa + traditio*. Например, если

рассматривать *occupatio* (завладение, захват), то можно увидеть, что здесь отсутствует правовое основание (*iusta causa*). При этом острое его критики было направлено не против каузальной (обязательственной) сделки как таковой, а против обязательного требования ее наличия в механизме перехода права требования.

Таким образом, проблема *caus'ы*, рассматриваемая ранее в обязательственной «плоскости», стала впервые выступать основным элементом вещно-правового механизма приобретения права требования. А поскольку в этом механизме появилась «своя» *causa*, то с точки зрения здравого смысла не было необходимости одну каузу (вещную) обуславливать другой каузой (обязательственной), как, впрочем, и один договор (вещный) другим договором (обязательственным). Таким образом, принципы разделения и абстракции как исходные начала современного германского частного права вытекали из самой логики рассуждений Ф.К. Савиньи.

Литература

1. Савиньи Ф.К. Обязательственное право. СПб, 2004.
2. Савиньи Ф.К. Система современного римского права: В 8 т. Т. III. М., 2011.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДОВ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ

К.И. Чеховская

Новосибирский национальный исследовательский
государственный Университет, г. Новосибирск
k.chekhovskaia@g.nsu.ru

Известно, что существуют множество интерпретаций понятия «самоопределение народа» не только у политологов, социологов, и философов, но даже у самых строгих юристов [1, С. 5–32].

Правовые подходы к решению вопроса о самоопределении народов и возможности создания ими новых государств разрабатывались на основе обобщения международного опыта, становления международных правовых норм, развития политической мысли и интересов геополитики.

В международно-правовом аспекте проблема национального самоопределения была впервые сформулирована на Берлинском конгрессе (1878 г.), где и был поставлен вопрос о возможности создания новых независимых государств на Балканах (Болгарии, Румынии и Сербии) [2, С. 15].

Менее чем через 20 лет право наций на самоопределение было признано решением Лондонского международного социалистического конгресса 1896 г., вошло в Программу Российской социал-демократической

рабочей партии 1903 года, вызвав, по словам В.И. Ленина, «целый поход оппортунистов» [3, С. 257].

«На современном этапе в рамках данного права стоят проблемы признания и легализации новых государств, выработка единого пути решения вопроса о признании или непризнании вновь образовавшегося государства» [4, С. 598].

В условиях глобализации вопрос о территориальной целостности государства и права народов на самоопределение стоит как никогда остро. Если раньше казалось, что все проблемы спорных территорий останутся в прошлом, то нынешний век преподнес нам множество сюрпризов: Косово, Абхазия, Южная Осетия....До сих пор не решен вопрос в Карабахе, с курдами в Турции, с каталонцами в Испании, и список конфликтов продолжает расти. Почему так происходит? Ответ на этот вопрос не лежит на поверхности. При рассмотрении данных конфликтов, можно выявить некоторые закономерности, однако необходимо учитывать, что, несмотря на кажущуюся схожесть ситуаций (например, когда новое государственное образование объявляет о сецессии), причины и условия могут быть совсем разными, поскольку необходимо учитывать все факторы, способствующие данному развитию событий.

По мнению известного исследователя А. Малащенко, «очевидно, на какое-то время мировому сообществу придется *de facto* признать возможность пересмотра межгосударственных границ и попытаться перевести этот сложный процесс в более спокойное русло дипломатических переговоров» и обеспечить безопасность населения [5, С. 198].

В данном исследовании речь пойдет об особенностях различных форм реализации права народа на самоопределение – о сецессии, ирреденте и удержании, будут выделены критерии и обоснования оправданности той или иной формы такой реализации.

Также, в работе рассмотрены современные дискуссии по данной проблематике, в том числе на примере Нагорного Карабаха проанализированы точки зрения на проблему Сванте Корнелла (Svante E. Cornell) [6, 160 p.], Ричарда Каузларича (Richard D. Kauzlarich) [7, Р. 369–370]. и Джошуа Кучера (Joshua Kucera), который в своей статье о книге Корнелла «*Azerbaijan Since Independence*» отмечает, что «Корнелл в основном придерживается проазербайджанской позиции. Но при этом он хорошо знает Азербайджан и этот анализ стоит рассматривать» [8, <http://www.eurasianet.org>]. Н.С. Розов в своей статье «Путь к Кавказскому чуду» отмечает, что «складывается впечатление, что на обеих сторонах запущен какой-то порочный «вечный двигатель вражды»: уж слишком долго и «успешно» подогревается отчуждение, переходящее в ненависть» [9, <http://www.southcaucasus.com>].

И всё же, как же провести границу между данными принципами?

Давать окончательные оценки пока рано, и достаточных оснований для кардинального пересмотра принципов территориальной целостности однозначно в пользу принципа права на самоопределение, и наоборот, сейчас нет.

Большинство исследователей склоняется к тому, что необходимо вводить изменения не столько в нормативно-правовую систему, сколько в формирование культуры новых отношений и новых форм сотрудничества между акторами. Они утверждают, что человечество вступило в «психологическую стадию эволюции», пришедшую на смену биологической. Соответственно, необходимо сегодня развивать эволюционное мировоззрение, «несмотря на преграды старых догм и авторитетов» [10, С. 93].

«Замороженное» состояние конфликта, рецидивы взаимного насилия создают «порочный круг» и в долгосрочной перспективе являются фатальными. Из затянувшейся стагнации может вывести только «серии экспертных обсуждений с международным участием, составление смелых совместных проектов примирения, новая миролюбивая публицистика в странах-оппонентах» [9, <http://www.southcaucasus.com>].

Таким образом, автором предлагаются возможные варианты решений, предложения и рекомендации по созданию «успешной» формулы реализации права народа на сецессию, и анализ перспектив таких решений.

Литература

1. Осипов А.Г.; Право народов на самоопределение: идея и воплощение. 1997. С. 5–32.
2. Задохин А. Г. Самоопределение народов и территориальная целостность государств: категории, проблемы, перспективы// Обозреватель–Observer. 2011. С. 15.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч.. Т. 25. С. 257.
4. Смолова Е. С. Право народов на самоопределение // Молодой ученый. 2015. №7. С. 598–605.
5. Малащенко В.М. Этнические и региональные конфликты в Евразии: Центральная Азия и Кавказ. 1997. Кн. 1. С. 130–210.
6. Cornell S. E.. The Nagorno-Karabakh Conflict. Report No 46, Department of East European Studies.1999. 160 p.
7. Kauzlarich R. D. /Review:"Azerbaijan since Independence. By Svante Cornell"/The Historian. 2013 P. 369–370.
8. Joshua K. Is War Over Karabakh Inevitable? <http://www.eurasianet.org/node/62716>. 2011.
9. Розов Н. С. Путь к Кавказскому чуду [<http://www.southcaucasus.com/index.php?p=rozov>].

10. Афанасьев В. В. Неогуманистическая глобалистика // Политическая структура мира. 2009. С. 93.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БЕДНОСТИ В РОССИИ

Ж.Л. Федорова

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»

Юридический институт, г. Иркутск

zhannafed.09@yandex.ru

В настоящее время Россия — страна миллионеров и нищих. Такого рода заключение можно сделать, отталкиваясь от данных исследования, которые проводил журнал Forbes еще в далеком 2011 году. В России на долю миллиардеров (около 100 человек) приходится около 30% от совместного благосостояния россиян, в то время как во всемирном масштабе на долю миллиардеров приходится менее 2% от общего благосостояния [1].

Следует отметить, что бедность является одной из характеристик уровня жизни населения.

Определяя понятие «бедность», социологи раскрывают её как недостаток необходимых материальных и культурных ресурсов для поддержания здорового существования [2,47]. Теоретически выделяют абсолютную (первичную) и относительную (вторичную) бедность, причем абсолютная подразумевает недостаток необходимых основных условий для обеспечения физиологического, биологического выживания человека, а относительная - сравнительную дефицитность средств к существованию индивида с учетом уровня жизни иных индивидов [3,37].

В последнее время в нашем государстве прослеживается неутешительная динамика: помимо традиционной социальной бедности, то есть бедности, которая формируется среди многодетных и неполных семей с детьми, одиноких пенсионеров и инвалидов, семей с иждивенцами, в России огромные масштабы приобрела экономическая бедность – то есть особый вид бедности, при которой имеющий работу и получающий зарплату работник не в состоянии обеспечить материальное благосостояние себя и своей семью из-за задержек с выплатой заработной платы или её недостаточного размера. Вместе с тем, около 40 % общего числа бедных имеют работу и получают заработную плату! Согласно докладу Татьяны Голиковой Председателя Счетной палаты РФ, за I квартал 2017 года количество граждан, находящихся за чертой бедности, - 15%, то есть 22 млн. человек, тем временем, как в Норвегии составляет 2.2 %, в Китае – 5.7%, в Азербайджане -13%.

Уровень бедности определяется количеством населения, находящегося за чертой бедности, то есть имеющего доход ниже

прожиточного минимума. В настоящий период МРОТ на федеральном уровне для трудоспособного населения составляет - 7800, прожиточный минимум -11163 рублей; в Иркутской области: МРОТ – 9775, прожиточный минимум - 10814. Вряд ли возможно полноценно прожить на такие суммы в месяц.

Почему же сложилась такая ситуация? Основными причинами бедности населения являются недостаточный политический, экономический, культурный уровень страны. Отметим, что данные причины действуют в комплексе, порождая так называемый «порочный круг нищеты». Под этим тезисом подразумевается то, что бедность имеет свойство самовоспроизводиться. А значит, чем больше людей имеет низкий уровень доходов и не может себе позволить расходовать достаточно средств, тем ниже стимулирующее влияние спроса на производство и инвестиции, тем меньше в экономике будет рабочих мест и ниже уровень заработной платы, что имеет место в России. Так, уровень МРОТ далек от уровня установленного прожиточного минимума (составляет 72% от прожиточного минимума). Именно поэтому работающее население находится за чертой бедности. Но что же мешает приравнять МРОТ и прожиточный минимум? Дело в том, что в соответствии со статьей 3 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» от 19 июля 2001 года №82 - ФЗ МРОТ используется для регулирования оплаты труда и определения размеров пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам и также для других целей обязательного социального страхования. А учитывая нестабильность экономики России, приравнять данные показатели представляется невозможным. Негативно к данной процедуре относятся работодатели и индивидуальные предприниматели, вынужденные увеличивать выплаты работникам, получающим МРОТ. Для последних повышение МРОТ неизбежно влечет за собой увеличение платежей в Пенсионный фонд [4].

Снизить уровень бедности возможно, проводя комплекс мероприятий, которые необходимо осуществлять на протяжении долгих лет. Для России к ним следует отнести: устранение гигантских разниц заработной платы среди населения, приравнивание МРОТ и прожиточного минимума, проведение активной государственной политики на рынке труда, которая должна включать в себя, прежде всего, реализацию комплекса мер по созданию новых, высокооплачиваемых и защищенных рабочих мест. Сегодня в нашей стране следует развивать реальный сектор экономики, а именно: поддерживать существующие и создавать новые российские государственные предприятия и предприятия малого и среднего бизнеса. Еще одним важным составляющим элементом государственной политики в сфере занятости населения должно стать усиление взаимосвязи рынка труда и профессионального образования, адаптация последнего к потребностям

первого, а также становление многопрофильности образовательных программ, обучение и переобучение граждан интегрированным профессиям и специальностям.

Литература

1. О пользе неравенства. Forbes.ru. // forbes.ru/ekonomika-column/vlast/65528-o-polzeneravenstva
2. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь: В 2-х т. Т.1/ Пер. с англ. М., 1999. С. 47.
3. Маколи А. Бедность и ее измерение// Человек и труд. №7. С.39.
4. Федосеева Ю.А. Минимальный размер оплаты труда как основной инструмент государственного регулирования заработной платы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014, №13, с. 208.

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ИЗНАСИЛОВАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕЙ

А.А. Шилкина

Юридический институт Иркутского государственного университета,
г. Иркутск
solo1108@mail.ru

Мировая общественность не раз акцентировала внимание на вопросах, связанных с применением насилия в отношении женщин. По данным опубликованным Всемирной организации здравоохранения каждая третья женщина (35 %) в мире на протяжении своей жизни подвергается физическому и (или) сексуальному насилию [2].

Сложившая в настоящее время ситуация усугубляется фактом роста в структуре насильственных половых преступлений посягательств на наиболее уязвимую и незащищенную часть общества – несовершеннолетних. Изнасилования представляют значительную опасность для развития ребенка как в физическом, так и нравственном плане, часто причиняется вред психическому здоровью, который преследует их в течение всей жизни. Международные исследования ООН показывают, что примерно 20 % женщин сообщают о перенесенном сексуальном насилии в детстве [2].

Одним из самых трудных этапов квалификации изнасилования несовершеннолетней выступает выяснение отношения субъекта преступления к возрасту потерпевшего лица. Ни одно десятилетие ученые и практики осуществляют непрерывный поиск наиболее оптимальной модели вменения данного признака, но до сегодняшнего дня согласия в подходе к решению настоящего вопроса не достигнуто, о чем явно свидетельствуют

многочисленные изменения, вносимые в Уголовный кодекс РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ.

В российском уголовном праве субъективная сторона состава преступления характеризуется тремя признаками: вина, цель и мотив. Включение заведомости в данный перечень будет немотивированным. Профессор А. И. Рарог отметил: «Заведомость – это не самостоятельный элемент психической деятельности человека. Термин «заведомость» представляет собой особый технический прием, применяемый для характеристики субъективной стороны преступления. Он означает способ указания в законе на то, что субъекту при совершении деяния было заранее известно (ведомо) о наличии тех или иных обстоятельств, имеющих существенное значение для квалификации преступления или для назначения наказания, то есть он достоверно знал об этих обстоятельствах» [3, с. 68].

Одни определяют заведомость как знание или допущение. Обозначены возможные интеллектуальные границы от прямого до косвенного умысла, от достоверных знаний о возрасте потерпевшего лица, например, в силу прежнего знакомства, до предположений и факта не исключения несовершеннолетия. «Использование термина допущение, в смысле интеллектуального признака, очень неудачно и не только потому, что толкующий орган вольно использует законодательную терминологию, характеризующую волевой момент косвенного умысла, но прежде всего потому, что допущение, как интеллектуальный признак, очень близко приближается к размытой формулировке «могло и должно предвидеть». Допущение не может очертить границы умысла, использование такого интеллектуального признака ставит правоприменителя в очень сложное положение, ему нужно будет устанавливать различные оттенки осознания возраста потерпевшего лица» [1, с. 183].

Другие считают, что заведомость – это достоверное знание о возрасте потерпевшей. А добросовестное заблуждение исключает вменение виновному лицу данного квалифицирующего признака. С. В. Дубовиченко считает: «Такая позиция полностью согласуется с принципом субъективного вменения... Вменению могут подлежать лишь те обстоятельства содеянного, которые охватываются виной. Изнасилование – умышленное преступление, поэтому его конструктивные и квалифицированные признаки должны охватываться умыслом (неосторожность может быть к квалифицированным общественно опасным последствиям)» [1, с. 180].

Однако представляется спорным, что даже в одном и том же постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» избирает разный подход при разьяснении признаков субъективной стороны. Так, по отношению к беспомощному состоянию субъект преступления должен **безусловно знать**,

что потерпевшее лицо находится в таком состоянии, например, из-за определенной степени опьянения, а по отношению к возрасту он может только **допускать**, догадываться, но точно не знать. Складывается весьма спорная ситуация: в первом случае при допущении такого состояния, состав преступления будет отсутствовать, если не будет насилия или угрозы его применения, а во втором – так же при допущении будет иметь место квалифицированный состав преступления. «Пределы интеллектуального содержания умысла следует определять не сомнением в наличии или отсутствии сознания, а использованием правил о фактической ошибке: лицо либо осознает, либо добросовестно заблуждается относительно возраста, равно как и других признаков потерпевшего» [1, с. 184].

В целях устранения названных недостатков предлагаем трактовать указанный термин не как знание или допущения, а исключительно как **достоверную осведомленность** относительно возрастных характеристик потерпевшего лица. А так же возратить положения о добросовестном заблуждении, в связи с чем необходимо будет внести соответствующие изменения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

Литература

1. Дубовиченко С. В. Спорные вопросы субъективной стороны преступления в новом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «о судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» / С. В. Дубовиченко // Вестник ВУиТ. 2015. № 2. С. 178 - 185.
2. Насилие в отношении женщин // Информационный бюллетень ВОЗ. 2016. URL : <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs239/ru/> (дата обращения : 20 сент. 2017 г.).
3. Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам : монография / А. И Рарог. М. : Проспект, 2015. 231 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИК ИЗМЕРЕНИЯ КОРРУПЦИИ

В.Е. Шорохов

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
г. Новосибирск
v-shorohov@list.ru

Необходимость совершенствования методик измерения коррупции возрастает в современных условиях, в том числе и в связи с существенным увеличением неформальных отчислений, выплачиваемых бизнес-

сообществом в пользу коррумпированных представителей власти. В частности, это проявляется в увеличении средних размеров взяток. Можно предположить, что причиной сложившейся ситуации является резкое падение курса национальной валюты: поскольку потребление дорогих импортных благ стало обходиться коррупционерам дороже, возросли и коррупционные выплаты. Кроме того, следует учитывать текущую конъюнктуру в экономике, которая определяет относительное увеличение коррупционного давления на бизнес. Также следует учитывать снижение цен на нефть: сокращение сверхприбыли, получаемой бизнесом на рынке нефти, объективно сокращает базу административной ренты, которая перераспределяется бюрократией в свою пользу.

Измерение коррупции представляет собой относительно новое направление деятельности исследователей и лиц, принимающих решения в области государственного управления. Необходимо отметить, что используемые рейтинги коррупции в различных странах и секторах довольно часто вызывают дискуссию об их объективности и пригодности для разработки антикоррупционных мер [1, С. 141].

Основными задачами измерения коррупции являются [1, С. 142]:

- принятие государственных решений на основе выявленных «горячих точек» и факторов, порождающих коррупцию, для формирования эффективной антикоррупционной политики;

- реализацию антикоррупционной политики за счет повышения осведомленности общества об опасностях коррупции, оказания общественного давления на правительства, поддержки регулярного мониторинга коррупции в интересах укрепления механизмов исполнения политики;

- принятие решений в частном секторе, которое предполагает разработку рекомендаций в отношении инвестиционных и других решений.

Измерение коррупции - это количественная либо качественная оценка состояния коррупции в конкретной стране, отрасли либо регионе, которая позволяет оценить масштабы коррупционных действий, как в криминологическом, так и в экономическом плане, в зависимости от направленности исследования, и выработать практические рекомендации по снижению уровня коррупции различными мерами.

Измерение коррупции может быть направлено на использование как мер различной направленности, в частности, административных, экономических и других, а также на комплексное использование данных мер, которое находит свое выражение в формировании стратегии противодействия коррупции. Конкретными направлениями использования измерений коррупции являются:

- принятие решений, направленных на снижение уровня коррупции;

- повышение эффективности решений, обеспечивающих предупреждение коррупции;
- участие частного сектора в предупреждение коррупции.

Методики измерения коррупции должны быть направлены на установление конкретного понятия коррупции как объекта измерения, выявление участников измерения коррупции, а также на выделение конкретных направлений исследования. Все измерения коррупции должны основываться на конкретных количественных показателях либо описывать коррупционную ситуацию в целом. В любом случае, данные измерения должны иметь практическое значение, в том числе, с точки зрения последующей выработки мер, направленных на снижение уровня коррупции. При этом для измерения уровня коррупции могут быть задействованы различные группы методов. Измерение коррупции возможно с использованием социологических опросов, экспертных, а также интегральных оценок. Кроме того, одним из условий эффективности методик измерения коррупции должна быть их направленность на оценку уровня коррупции к конкретной стране, отрасли либо регионе, при этом должна иметься возможность сопоставления полученных показателей, характеризующих коррупцию, с другими регионами, а также в динамике.

Таким образом, измерение коррупции, в любом случае, предусматривает возможность выработки конкретных рекомендаций, направленных на снижение ее уровня.

Поэтому задачей исследований в области измерений коррупции является возможность достичь сочетания более конкретных качественных и количественных показателей с целью периодической оценки деятельности государственных и частных учреждений и эффективности проводимых реформ в этой сфере [2, С. 42].

Безусловно, в настоящее время, используемые методики измерения коррупции требуют совершенствования. Это определяется как необходимостью более объективной оценки уровня коррупции, так и потребностью в более детальном ее изучении. В первую очередь, необходима выработка единой стратегии на государственном уровне. Данная стратегия должна быть объективна: необходим охват не только представителей бизнеса, но и других представителей общества, которые также могут дать объективную оценку состояния коррупции. Формирование стратегии измерения коррупции должно быть направлено на измерение общего показателя коррупции. Данный показатель позволит выработать единое понимание процесса и осуществлять измерения коррупции с целью оценки действенности антикоррупционных мер.

Литература

1. Давыдов Л. В., Петраченко А. Е. Конфликтное измерение коррупции и противодействия ей // Конфликтология. 2011. № 4. С. 133-145.

2. Крылова Ю. В. Основные подходы к измерению и оценке коррупции: аналитический обзор // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. 2012. № 2. С. 41-55.

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ: ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И СООТНОШЕНИЕ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ СТРАТЕГИЧЕСКИМ ПЛАНИРОВАНИЕМ

А.В. Юдкин

Фонд «СЭЦ «Модернизация», г. Москва
avtfrpa@mail.ru

В 2016 г. в отечественной системе государственного управления была сформирована новая структура – проектный офис Правительства РФ, благодаря которой в практику были возвращены ранее известные феномены – приоритетные проекты. Однако в отличие от национальных проектов, запущенных в 2006 г., вновь созданные проекты получили особое правовое регулирование в государственно-правовой системе страны.

1. Особенности организации проектного управления в системе деятельности Правительства РФ. В основе текущего понимания проектного управления в системе деятельности Правительства РФ находится широкое понимание проекта.

В соответствии с пунктом 2 Положения об организации проектной деятельности в Правительстве РФ, утвержденного постановлением Правительства РФ от 15 октября 2016 г. № 1050, проект представляет собой комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на достижение уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений. Группа проектов объединяется в программу, которая, согласно той же норме, понимается как комплекс взаимосвязанных проектов и мероприятий, объединенных общей целью и координируемых совместно в целях повышения общей результативности и управляемости.

Для реализации проектов постановлением Правительства РФ от 15 октября 2016 г. № 1050 утверждена специальная структура управления проектной деятельностью (иницированием, подготовкой, реализацией и завершением проектов и программ), разделенная на постоянные и временные органы управления проектной деятельностью, а также на обеспечивающие и вспомогательные органы управления проектной деятельностью.

Важно отметить, что в отношении описания функций конкретных участников структуры управления имеется достаточно высокая детализация, а сами участники структуры управления представляют собой как коллегиальные органы, так и единоличные органы – должностных лиц, ответственных за реализацию проектов.

Очередной особенностью организации проектной деятельности Правительства РФ является вовлечение в ее работу представителей экспертного сообщества, образования, аналитических центров, бизнес-ассоциаций.

Анализ содержания ключевого нормативного правового акта, регулирующего организацию проектной деятельности Правительства РФ, позволяет сделать вывод о следующих ее характеристиках:

- межведомственный характер работы;
- детализация функций участников системы;
- жесткая регламентация сроков;
- освобождение от барьеров дополнительных межведомственных согласований и публичных обсуждений;
- стандартизация требований к структуре и содержанию проектов и программ как документов;
- особая система мониторинга реализации проектов и программ.

Вместе с тем, важно отметить, что регулирование проектной деятельности Правительства РФ осуществляется не федеральным законом (хотя затрагивает отношения с участием не только Правительства РФ, но и негосударственных субъектов права), а постановлением самого Правительства РФ, что позволяет регулированию быть более динамичным и изменчивым, нежели проведение правовых норм через федеральный парламент.

2. *Соотношение приоритетных проектов и программ с документами стратегического планирования.* Действующий Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» не знает таких документов стратегического планирования как приоритетные проекты и приоритетные программы. С этой позиции можно утверждать, что в отношении проектной деятельности Правительства РФ не действуют процедуры разработки, утверждения, реализации и мониторинга реализации документов стратегического планирования. Таким образом, проектная деятельность Правительства РФ представляет собой замкнутую систему.

Вместе с тем, согласно Методическим рекомендациям по подготовке предложения по приоритетному проекту (программе), утвержденным Аппаратом Правительства РФ 20 октября 2016 г. № 7955п-П6, при подготовке приоритетного проекта или программы необходимо указывать на их связь с государственными программами РФ, если таковая имеется. Обратного (взаимного) указания в государственных программах РФ на приоритетные проекты при подготовке государственных программ РФ нет.

Таким образом, приоритетные проекты и программы, обладая рядом признаков документов планирования развития отдельных отраслей общественной жизни, не являются в полной мере документами

стратегического планирования, а лишь учитывают уже имеющиеся документы стратегического планирования при своей подготовке как некоторый стратегический ориентир и констатацию факта.

На практике базовые документы приоритетных проектов и программ (паспорта) констатируют, что достижение целей проекта обусловлено достижением показателей государственных программ или реализуется в рамках государственной программы (например, паспорта приоритетного проекта «Формирование здорового образа жизни», «Снижение негативного воздействия на окружающую среду посредством ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде и снижения доли захоронения твердых коммунальных отходов»). Однако в данном случае можно утверждать, что особенностью реализации мероприятий, схожих или включенных в государственную программу РФ, является ее вовлечение в проектный подход к организации деятельности Правительства РФ. Именно проектный подход, по мнению разработчиков приоритетных проектов и программ, позволит должным образом реализовать государственную программу РФ.

В качестве общего заключения, можно отметить, что приоритетные проекты и программы уже учитываются в двух системах планирования: при подготовке проектов федерального бюджета (бюджетное планирование), а также содержат планы по разработке законодательных и подзаконных актов (планирование правотворчества). Тем самым роль приоритетных проектов и программ растет, а вместе с ней и управленческое значение проектной деятельности Правительства РФ.

Оглавление

Пленарные доклады	3
<i>Аблажей А.М.</i> Новые тенденции в интеграции вузов и академических учреждений в условиях радикального реформирования научной сферы	3
<i>Гордиенко А.А.</i> Реформа науки и инновационное развитие Новосибирской области	5
<i>Петров В.В.</i> Фундаментальное знание в обществе сетевых структур: транснациональный формат развития	11
Философские исследования.....	14
<i>Ашер А.С.</i> Проблема теодицеи в шумерской и вавилонской литературе.....	14
<i>Бердаус С.В.</i> Доха в феноменологии Гуссерля.....	16
<i>Верпета В.В.</i> Ненасилие как форма политической силы	19
<i>Воробьева С.В.</i> Логические топики философской аргументации.....	21
<i>Галфаян А.Н., Каулин А.Л.</i> Трансформация интимности как современная тенденция	24
<i>Глебов Е.В.</i> Методологические проблемы нейрофилософских исследований.....	25
<i>Глушкова А.В.</i> Векторы исследований памяти	27
<i>Драгель Л.В.</i> Власть: публичный и политический концепт.....	30
<i>Дубровин А.С.</i> Современные проблемы свободы воли	32
<i>Дьяконова Л.Г.</i> Аристотель о роли этики и эстетики в мировоззрении человека через понятие Прекрасное	34
<i>Евдокимова К.Н.</i> Ж.-П. Сартр как политический философ.....	37
<i>Егорова О.С.</i> «Русский Аристотель» А.С. Хомякова.....	39
<i>Жабин А.В.</i> Проблема определения и цели войны в философии Карла Клаузевица	42
<i>Кафтанов Р.А.</i> Проблема идентичности в философии Витторио Хесле.....	43
<i>Кочеткова Н.Ю.</i> Принцип наблюдаемости и структурный реализм	46
<i>Маслов Д.К.</i> Некоторые тенденции изучения античного пирронизма	48

<i>Моисеева А.Ю.</i> Семантические взгляды Д. Чалмерса и Дж. Перри в контексте дискуссии о феноменальных свойствах	52
<i>Поротиков Е.И.</i> Критика редукционизма в философии физики	54
<i>Санжсенаков А.А.</i> Эпистемические понятия в контексте практического разума (на примере философии Аристотеля)	56
<i>Тарасенко Э.В.</i> Классификация теорий соотношения объективного и субъективного аспекта понимания текста	59
<i>Фомичева М.В.</i> Мотивы эпикуреизма в контексте постмодерна	62
Социальные исследования	65
<i>Адамский Д.Е.</i> Социальные сети как инструмент мобилизации в локальном резонансном конфликте	65
<i>Аксютин Ю.М.</i> Центральнo-азиатская и китайская миграция как фактор меэтнических отношений в Саяно-Алтайском регионе	67
<i>Анферова М.Е.</i> Анализ методов социальной защиты несовершеннолетних матерей	69
<i>Батьянова Л.Н.</i> Гражданское движение в современной России	72
<i>Бебешко В.А.</i> Ресурсы манипуляции рекламы и свобода принятия потребительских решений	74
<i>Бернюкевич А.А.</i> К вопросу о рецепции буддизма в Китае	76
<i>Болгова К.В.</i> Реализация принципов инклюзии в образовательном процессе ..	79
<i>Борисова Ю.В.</i> Методологические направления изучения развития территории	82
<i>Бутко Е.С.</i> Дискурс PR-коммуникации	84
<i>Ватагина И.Н.</i> Процесс реализации системы государственно-частного партнерства в вузе	88
<i>Визирда А.С.</i> Этика управления временем	91
<i>Войцехович А.С.</i> Идеальное техническое задание как вещь-в-себе	93
<i>Гавриленко М.В.</i> Этика сбора полевого материала у старообрядцев Уймонской долины и Верховьев Енисея.....	95
<i>Горбачева А.Г.</i> Искусственный интеллект: проблема автора в цифровом искусстве	97

<i>Горбунова Е.В.</i> Игра в гендер: безграничность и ограниченность выбора ...	100
<i>Дик А.А.</i> Исследования в сфере социальной работы с молодыми мигрантами..	102
<i>Гернега К.С., Дубовская Д.А.</i> Оценка эффективности социально-экономических мер программы материнского (семейного) капитала	105
<i>Евдокимова М.В.</i> Реформирование системы обозования как фактор генезиса фальсеоинтеракций	108
<i>Евдокимов А.И.</i> Дискурс «безопасности» по отношению к мигрантам в региональном социуме (на примере Саяно-Алтайского региона)	110
<i>Заседателева Е.И.</i> Образование как жизненная стратегия сельской молодежи	112
<i>Илюхина Е.О.</i> Рассмотрение техник манипулирования в аспекте нейрофилософской программы.....	115
<i>Карпова А.С.</i> Невостребованность инноваций как одна из ключевых проблем инновационной деятельности	117
<i>Киян Г.А.</i> Субъективная монотонность в системе высшего образования	120
<i>Ковальчук К.С.</i> Концептуальные подходы в изучении политики памяти	122
<i>Ковригина Г.Д.</i> Формы трансформации социальной солидарности	126
<i>Кокорина О. В., Сулаев А. А.</i> Геймификация как элемент управления.....	128
<i>Лисовец М.Г.</i> Специфика развития этнического предпринимательства в России.....	130
<i>Лозбень В.В.</i> Становление почерковедения как экспериментальной науки в судебной психологии и экспертизе	132
<i>Лысенко С.С.</i> Динамика периферийных обществ: к проблеме методологических границ геополитической теории Р. Коллинза	134
<i>Мадюкова С.А.</i> О чём молчат эксперты: каких вопросов не хватает в существующих мониторингах межэтнических отношений (по материала экспертного опроса в г. Новосибирске)	136
<i>Макаров О.Д.</i> Профилактика экстремистской направленности в социальных институтах образования Российской Федерации	141
<i>Малых С.В.</i> Рекламные образы в социальной реальности.....	143
<i>Никитин А.П.</i> Коммуникативно-семантическая концепция происхождения денег	145

<i>Овечкин К.А.</i> Комическое: ключевые факторы воспроизводства «смешного» и «несмешного»	149
<i>Огурцова У.А.</i> Особенности исследования волонтерской деятельности молодежи как фактора формирования гражданской идентичности	151
<i>Персидская О.А.</i> Миграционные процессы в этносоциальной динамике города (на примере Новосибирска)	154
<i>Полюшкевич О.А.</i> Солидарность поколений в современной России	157
<i>Попова М.В.</i> Бренд сельских территорий.....	159
<i>Прокопьева Т.В.</i> Влияние неопределенности на процесс принятия решений в организациях.....	162
<i>Руденков М.Б.</i> Криминальная жизнь Новониколаевска во время революционных событий 1917 г. и Гражданской войны на страницах белогвардейских городских газет.....	164
<i>Рысаев Т.Г.</i> Присоединение Крыма к России в свете геополитической теории Р. Коллинза	166
<i>Сергиенко Д.Г.</i> Конфликтологический тренинг как инструмент адаптации мигрантов к городской среде и сообществу	168
<i>Скуденков В.А.</i> Экономические притязания в кризисном обществе.....	171
<i>Гернега К.С., Стариков А.А.</i> Социально-экономические особенности развития малого предпринимательства в регионах.....	173
<i>Тимощук А.С.</i> Актуальные вопросы развития России	176
<i>Украинцева И.Д.</i> Анализ процесса внедрения инклюзивного образования в общеобразовательные школы Республики Бурятия.....	178
<i>Утешева К.Б.</i> Модель социальной работы с заключенными-женщинами-матерями в условиях пенитенциальных учреждений	181
<i>Филатова В.М.</i> Радикализм в современном обществе: пути развития и формы проявления	185
<i>Филиппёнок М.В.</i> Подвижник и государь: два пути становления идентичности	187
Правовые исследования.....	190
<i>Аносов С.С.</i> Социальная активность некоммерческих организаций	190

<i>Артемова А.Н.</i> Перспективы применения в России доктрины «снятия корпоративной вуали» и концепции бенефициарной собственности	192
<i>Волченко Е.С.</i> Проблема реализации гарантий прав главы муниципального образования в рамках процедуры удаления в отставку	194
<i>Гайдук Е.И.</i> Коррупция в современной России	197
<i>Глебова Ю.П.</i> К вопросу о правовой природе страховых взносов в Российской Федерации	199
<i>Готра О.Ю.</i> Проблемы функционирования института муниципальной службы в Российской Федерации	201
<i>Данилова Е.Н.</i> Правовая культура населения: актуальность и перспектива развития в обществе	203
<i>Дидикин А.Б.</i> Поиск новых форм правового регулирования использования криптовалют: проблемные вопросы	205
<i>Иванов Р.В.</i> Гражданское общество в современной России	208
<i>Ивлев Ф.М.</i> К вопросу о моменте передачи управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения	210
<i>Ивлева В.В.</i> Убийство матерью новорожденного ребенка: к вопросу о несовершенстве статьи 106 УК РФ	212
<i>Кашина Л.А.</i> Долевая ответственность в гражданском законодательстве Российской Федерации	214
<i>Киселева Е.И.</i> Проблемы реформирования межбюджетных отношений	219
<i>Кулешова Н.В., Трояк А.Б., Питецкая Е.Е.</i> Перспективы развития электронного голосования в России	221
<i>Матвеев И.В.</i> Содержание мотивов злоупотребления должностными полномочиями	224
<i>Моисеева Е.Ю.</i> Современное состояние проблемы конституционализации права человека на эвтаназию: сравнительно-правовой аспект	226
<i>Номогоева М.А.</i> К вопросу о создании надежных правовых основ предупреждения провокации взятки либо коммерческого подкупа со стороны сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность	229
<i>Семьянов Е.В.</i> Право как судьба	231

<i>Серегин А.В.</i> Юридическая квалификация великокняжеского самодержавия Ивана Васильевича (Великого) III	234
<i>Скорнякова Д.О.</i> Порядок разрешения споров и конфликтных ситуаций, вытекающих из договора об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью	237
<i>Тейхриб В.А.</i> Уголовно-правовые аспекты аффектированного убийства	240
<i>Тимонин К.А.</i> Проблемы исследования преступности в Российской Федерации	244
<i>Тимохин А.М.</i> Право толерантности и презумпция респектабельности	247
<i>Трескин П.А.</i> Динамика социальной активности некоммерческих организаций Иркутской области	249
<i>Цветков А.В.</i> Принципы разделения и абстракции в учении Ф.К. Савиньи...252	
<i>Чеховская К.И.</i> Самоопределение народов и территориальная целостность ..254	
<i>Федорова Ж.Л.</i> Правовые аспекты бедности в России	257
<i>Шилкина А.А.</i> К вопросу о субъективной стороне изнасилования несовершеннолетней	259
<i>Шорохов В.Е.</i> Актуальные проблемы методик измерения коррупции	261
<i>Юдкин А.В.</i> Проектная деятельность Правительства РФ: особенности организации и соотношение с государственным стратегическим планированием	264

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Материалы XV Межрегиональной научной конференции
молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук

Под ред. А. Б. Дидикина, В. В. Петрова,
А. А. Санженикова, О. А. Персидской

Подписано в печать 14.11.2017 г.
Формат 60х84/16. Уч.-изд. л. 17,1. Усл. печ. л. 15,9.
Тираж 300 экз. Заказ № 239
Издательско-полиграфический центр НГУ.
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2.